

Жила-была девочка Мари, у неё были папа и сестра. Обычная такая домашняя девочка из старшей школы.

И узнала Мари, что она — особенная, что она — маг. И не только она, а тысячи и тысячи других людей. Но почему же именно на неё возлагают надежды, которые так сложно оправдать, когда тебе всего семнадцать?

Глава 1. Дом

День начался хреново. Впрочем, как еще может начинаться день в старшей школе?

Мари зябко повела плечами, сидя за своей партой.

— Эй, Мэри! Мэри-сучная-Поппинс!

О, Боже, да когда они, наконец, отвяжутся! Она еще в пятом классе как-то подстриглась под каре. И внешнее сходство, да ещё имя сыграли на руку одноклассникам. Тогда она не умела молчать и велась на любые провокации. Впрочем, сейчас не реагировать тоже получалось плохо.

Компания во главе с Майком, их предводителем, и хихикающими за его спиной девчонками, была худшим кошмаром Мари. Пытаться что-то говорить им было бессмысленно.

— Нам нужна домашка по химии, алгебре и истории. Ты же всё сделала.

— Да.

— Что «да»?

Мари насуплено молчала.

— Ты же дашь?

— Н-нет.

— Да, ладно? — Майк соизволил подойти к ней вплотную. — Неужели ты не дашь мне свои записи?

Лицо его было так близко, что девочка разглядела крошечный шрам на его носу. Она сглотнула, во рту пересохло.

— А...

— Ну, короч, договорились, да? — он будто бы дружески похлопал её по плечу и вернулся к своей команде. — Я на тебя рассчитываю! — он подмигнул ей.

«Боже, какая же я дура!» — Мари положила голову на парту. Ну, да, как есть дура. Боится, ненавидит и любит одновременно. Не может двух слов связать в его присутствии, только и делает, что уже три года подсовывает анонимные валентинки на день влюбленных, даёт конспекты и краснеет как помидор. Еще бы над ней не смеялись! Да если бы не её записи, Майк бы с ней и не заговорил ни за что!

Она огляделась. Класс рассыпался на кучки. Вот только ни к одной компании её не тянет. Они перестают говорить, когда подходит она. А если не перестают — она сама не понимает, что делает среди этих людей.

Урок прошёл быстро. Уроки всегда проходят быстрее, чем эти бесконечные перемены. На переменах непонятно, чем заняться, как убить время — только если продолжать учиться и во время них. Но разве можно сосредоточиться в этом гвалте? Мучительную десятиминутку стоит использовать разве что для прогулки по коридору туда и обратно.

Мари не успела завернуть за угол, прежде чем услышала:

— ...Тебе разве не у кого больше конспекты брать? — Говорила Риз. Она претендует на звание первой красавицы школы. — Все же знают, что она сохнет по тебе с шестого класса.

«А вот и не с шестого!»

— Какая разница?

— У неё каждый раз лицо такое, типа «О... он заговорил со мной!» Майки, не тупи, это,

конечно, забавно... Но меня это бесит.

Мари показалось, что она услышала звук поцелуя. В шуме не разобрать...

— Да ладно тебе, крошка, не нервничай. Не ревнуй к уродинам! — он рассмеялся. — Это только конспекты, ничего личного!

У Мари поплыл пол перед глазами. А когда она пришла в себя, коридор был уже пуст. Она опоздала на урок, или даже пропустила его. Мари запустила руку в карман джинсов — хорошо, что телефон остался при ней. Она машинально набрала сестре...

Иногда Дэниэлу Курт, вдовцу, отцу двух, пожалуй, уже взрослых дочерей, уважаемому в своём небольшом городе юристу, казалось, что он что-то упускает из виду. Это что-то было очевидным, но абсолютно невозможным для рассмотрения его, Дэниэла, отцовским глазом.

Старшая дочь, Владлена, которой этой весной исполнилось двадцать лет, в чём-то не оправдала его надежд, забросив учёбу в колледже. Она уже три года сама зарабатывала деньги, вкладывая их при необходимости в семейный бюджет и не отказывая себе при этом в любых своих прихотях. По словам Владлены, она начала работать, продавая поп-корн в парке развлечений, в течение двух лет меняла места работы, приобретала опыт — и теперь уже была хорошим продавцом. Но это всё лишь по её словам. Когда отец-юрист спрашивал о каких-то вещах, касающихся маркетинга или документов, она предпочитала отмахнуться от него со словами:

— Папа! Ну сколько можно? Я пришла с работы и ты снова хочешь засунуть меня за рабочий стол? Не надо папа. У тебя же есть Интернет, а там есть всё!

Она фыркала, и чёрные как смоль волосы, завитые кольцами и спускающиеся чуть не до талии, непрерывно метались из стороны в сторону, когда она двигала головой. И Дэниэл Курт, как истинно любящий отец понимал, что вовсе не менеджером работает Владлена, и даже порой думать не хотел, откуда у неё появляются деньги.

Младшенькая же, Мария, Мари, семнадцати лет от роду была его любимицей. Он пытался это скрывать, но тайной это никогда не было. Маленького роста, русоволосая с серыми глазами, мягкая — именно она вела всё хозяйство в их небольшом коттедже в одном из самых тихих районов города.

Мари была совершенной противоположностью своей сестре.

Но, видимо, не сегодня.

Сестры влетели на порог так стремительно, что Дэну показалось — его сейчас снесет.

— Ты совсем спятила? В своём уме?? — Мари орала на сестру так, как Дэниэл никогда не слышал. — Ты опозорила меня перед всем классом. Я не представляю теперь, как вообще идти завтра в школу!

— Забудь ты про школу! Это все вообще не имеет никакого значения, — Владлена тоже отвечала на повышенных тонах, однако ж на крик не срывалась. Она будто бы была чем-то крайне довольна. — Скажи мне, что я сделала не так.

Мари швырнула на пол сумку, которая тут же раскрылась, и из неё вывалились тетради. Но девочку это, кажется, вообще не заботило. Она принялась загибать пальцы:

— Ты зачем-то приперлась в школу.

— Была рядом, решила, что раз уж ты позвонила и всё рассказала, стоит поддержать тебя.

— Что вообще случилось? — Дэн попытался вклиниться, но сестры почти синхронно повернулись к нему:

— Ничего!

Он примирительно поднял руки и вернулся к ноутбуку и сделал вид, что не замечает их перепалки. Мари и Влади, конечно, время от времени ссорились, он слышал их споры, но вот так, орать друг на друга посреди холла — это что-то новенькое.

— Ага, поддержать, — передразнила Мари и загнула второй палец, — заодно рассказав всем, что на самом-то деле, я такая хорошая, а они все идиоты.

— Я этого не говорила, — Владлена перешла в защиту. — Всего лишь сказала, что они тебя недостойны. Что ты умнее и лучше их.

— Ты, получается, судишь о том, кто меня достоин, а кто — нет?! — глаза Мари округлились, она машинально обратилась взглядом к отцу. Но Дэн предпочёл в разборки дочерей не влезать. Тем более, что ему ясно дали понять: ничего же не происходит! — Ты вообще врубаешься, что мне после этого светит?! Как я буду смотреть им всем в глаза!..

— Как будто сейчас ты смотришь! Тебя и так все избегают, потому что боятся. — Спокойно ответила Влади и сложила руки на груди.

Весь гнев Мари как рукой сняло, осталось только недоумение.

— Боятся? — Воспринимать это всерьёз было выше её сил. — Боятся?? — Она засмеялась и никак не могла остановиться. Это было похоже на истерику. Она смеялась, и уже слёзы потекли из глаз. — Меня никто не может бояться, потому что... нельзя бояться того, кого презираешь.

Дэниел обеспокоенно встал. Ссора зашла слишком далеко, но, кажется, Владлена тоже это поняла.

Она подошла к сестре и обняла её:

— Прости меня, пожалуйста.

Смех наконец-то отпустил, остались только слёзы. Мари тяжело дышала в объятиях сестры. Ещё так особенно чувствовалась разница в росте, да ещё каблукки Влади... Когда старшая сестра так обнимала её, девочка едва доставала носом до её плеча.

Мари сделала над собой усилие и отстранилась.

— Нет.

Вот теперь Владлена выглядела растерянной.

— Я прощу тебя, но не сегодня. — Подобрала тетради, сумку и поплелась вверх. На середине лестницы ляжка порвалась — и всё снова рассыпалось, на этот раз уже по всей лестнице и холлу. Мари ругнулась под нос, а Владлена округлила глаза и метнулась помочь.

— Вчера же, вроде, купила, — Влади дотронулась до ткани, похожей на мешковину. Вчера такая плотная, сегодня она напоминала марлю.

— Да... — Мари, не глядя на сестру, подтвердила, — когда всё плохо, вещи рассыпаются на глазах. Спасибо, — сдержанно поблагодарила она за собранные тетради, которым сегодня дважды не повезло. — Но это еще ничего не значит, — в глазах по-прежнему стояли слёзы обиды.

Когда Мария скрылась наверху, Дэн попробовал вставить слово:

— Мне кажется, что не стоило влезать в отношения Мари и её одноклассников...

— Ой, да было бы там во что влезать! — Владлена закатила глаза. — Нельзя разрушить то, чего нет.

Отец осуждающе посмотрел на неё, но ничего не ответил.

— Зато потом Мари еще спасибо скажет. — Уверенно добавила она.

* * *

Неделя выдалась непростой. В школе, как и ожидалось, был ад. Чтобы его пережить, все перемены, все время по пути в школу и обратно Мари спасалась только плеером. Только так был шанс, что она не услышит — и не будет реагировать на всё то, что ей говорят. Она здраво рассудила, что нельзя смеяться над тем, кто на это не реагирует. Это же просто не интересно... И хотя прошла уже целая неделя, снимать наушники кроме как во время уроков, было по-прежнему страшно. Вроде, эта дурацкая история про то, как Владлена посреди урока влетела в класс и в красках рассказала о том, какая Мари замечательная, уже подзабылась на фоне других дебильных школьных новостей...

Майк больше не просил конспектов.

И никто не пытался с ней заговорить.

А Мари — не пыталась заговорила с сестрой. Владлена же не делала больше попыток помириться.

Прошла неделя. Был вечер, стрелка напольных часов в холле подходила к девяти часам.

Сегодня Дэниел задерживался, и сестры нервничали. Всегда, когда папа задерживался, они переживали, и причина была в том, что Дэн никогда не опаздывал. Последние десять лет — никогда.

Десять лет назад нелепо и неожиданно погибла их мать.

У них с супругом была договорённость о маленьком семейном походе в ресторан после работы. Она вышла на тёмную осеннюю улицу, муж, впрочем, как всегда опаздывал. Она ждала его, лил дождь. Она ходила туда-сюда по краю тротуара. Его не было уже пять, десять, двадцать минут...

Когда Дэниел, наконец, приехал вместе с увязавшейся за ним Влади, тело его жены вынимали из-под микроавтобуса, который вылетел на скользкой дороге на тротуар.

И после этого случая Дэн поклялся себе, что никогда в жизни не опоздает никуда ни на секунду, ведь, если бы тогда, десять лет назад, он всего лишь приехал вовремя...

Наконец, в половине десятого на пороге дома № 19 по Уэйт-стрит показался его владелец и невысокая худенькая блондинка — полная противоположность смуглому Дэниелу. Мари сидела в холле. Она лишь развернулась на диване, чтобы увидеть их.

— Привет, папа! О, здравствуйте... — Видеть рядом с отцом другую женщину, не их мать, было странно. Но, вероятно, на то были причины, привести её сюда?

Владлена тоже вышла из своего прикрытие.

— Привет, пап! Ужинать будешь? — Блондинку Владлена проигнорировала.

— Да, буду... Накрой на четверых, пожалуйста, — попросил отец.

— Я сытая, — будто и не отцу, а пришелице бросила она. — Да и Мари, наверно...

— Я попью с вами чай, — улыбнулась Мари. — И... И я же могу и накрыть... — провожая взглядом Владлену, которая демонстративно вышла на террасу, проговорила она. — Дома, правда, только вчерашний суп... Я ничего не готовила.

— Суп — тоже еда! — Дэниел попытался разрядить обстановку, но вышло не очень. Он помог своей спутнице раздеться. — Пройдём на кухню?

— Нет, давайте тогда в столовую! — спохватилась Мари, думая о том, что за панорамными окнами столовой прекрасно видно террасу, да и слышно всё неплохо... Она побежала в столовую, на ходу включая свет и срывая чехлы с мебели — семейство проводило здесь время только по праздникам.

Спустя всего десять минут Дэниел, блондинка и Мари уже сидели за столом.

— Мари, я, конечно, хотел бы представить нашу гостью не только тебе, но и Владлене сразу... Но, видимо не получается... — Дэниел был расстроен.

На пороге столовой появилась Владлена, будто бы ждала приглашения.

— Меня припомнили? — Она присела на один из стульев, самый дальний от прищелицы.

Отец сразу будто ожил:

— Девочки, познакомьтесь, это Элизабет, Элиза. Мы с ней довольно давно знакомы, у нас с ней очень хорошие отношения... — Ну, почему, почему под взглядами дочерей ему всегда становилось неловко рассказывать о каких-то отношениях с кем-то, кроме их матери? Владлена смотрела на него в такие моменты как на кого-то недостаточно чистого, Мари же напротив пыталась заинтересоваться и проникнуться. И даже не совсем понятно, от чего на душе становилось так мерзко. Да и, откровенно говоря, давно он уже так никого не приводил, но это... Это его судьба, спустя полтора года встреч с этим прекрасным созданием он знал это наверняка. — Думаю, она в этом доме надолго. Надеюсь, навсегда. — Он попытался улыбнуться и прочесть то, что отражалось в глазах дочерей и что было скрыто в их мыслях.

— Да, я очень надеюсь, что всегда буду с вашим отцом, — Элизабет заговорила впервые, как перешагнула порог этого дома. Зазвенел мелодичный, мягкий, завораживающий голос. — Дэниел много мне рассказывал про свою семью, я уже давно хотела с вами познакомиться. — Она повернулась к Владлене. — Тебя зовут Влади, верно?

— Только без кличек, окей? — фыркнула Владлена. — Будьте так добры полным именем. Вы его, разумеется, знаете, — выплюнула она.

Элиза только усмехнулась, будто ничего другого и не ожидала.

— А ты Мария, Мари. — Элиза перевела взгляд серо-голубых глаз, очень похожих на глаза младшей.

— О, только не полным! Я его не люблю... Зовите меня Мари, — она улыбнулась.

Ей определённо, пусть и иррационально, нравилась эта женщина. Да и такой взгляд на отца подкупал искренностью: заботливый, обволакивающий нежностью. — Знаете... знаете, вы очень светлый человек, мне кажется... — Мари мгновенно покраснела.

Владлена громко фыркнула и ещё более брезгливо поджала губы.

— Ты не первая, кто мне об этом говорит, — ответила Элизабет и положила свою руку на руку Дэниела, покоившуюся на столе. Кольцо на безымянном пальце со скромным камнем блеснуло в свете столовой. Да, с первых же секунд ей была симпатична эта женщина... Но вот так!?

— А когда... свадьба когда? — спросила Мари севшим голосом.

Дэниел и Элиза нервно переглянулись.

— Мы запланировали через пару месяцев, — ответил отец. — Уже начали готовиться... Девочки, мне очень стыдно, я знаю, что должен был познакомить вас гораздо раньше. Но у нас еще есть пара месяцев, чтобы узнать друг друга получше...

— И чтобы всяким лишним, кто тут живет, подыскать квартирку, да? — съязвила Владлена. — Меня на вашей свадьбе не ждите. — И она вышла из столовой.

Мари стала пунцовой: перед этой женщиной, которая не сделала пока ничего дурного, кроме как осчастливила их отца, ей стало безумно стыдно за сестру.

— Простите, пожалуйста, — она закусила губу и побежала следом за Влади.

Дверь в спальню Владлены была распахнута настежь. Мари помедлила, но вошла.

Сестра сидела за письменным столом и нервно грызла ногти, что было для неё нетипично. Казалось, что она то ли очень зла, то ли раздосадована, то ли просто расстроена...

— Влади, зачем ты так? — прошептала Мари и, секунду помедлив, опустила руки ей на плечи.

— Зачем он её сюда притащил? — Влади резко соскочила со стула и с обернулась к Мари.

— Тихо-тихо! Внизу же всё слышно! — зашипела на брюнетку Мари. — Чего бесишься? Наконец-то у отца появился хоть кто-то постоянный...

— Да кто угодно, лишь бы не она... — простонала Влади, запуская пальцы в волосы.

— Ты её знаешь?

Владлена глянула на сестру так, будто та сморозила глупость.

— С чего бы мне её знать?

— Ты так говоришь, будто бы она тебе лично насолила. — Заметила Мари.

— Не без этого, — процедила та. — Она определенно не входила в мои планы.

— Да чем же она тебе не угодила? — взорвалась Мари. Похоже, орать на сестру становится доброй традицией...

— Она мне не нравится. Давай будем считать так. Ок? — бросила Владлена.

— Влади!..

— Отстань от меня!

Вроде, они и до этого уже были в ссоре, но Мари была готова заплакать. С Влади было не всегда просто, но раньше они никогда так часто не ссорились, сестра всегда была её надёжным тылом. А теперь...

— О, чёрт, — Владлена вмиг поняла, что перегнула палку. — Ну, прости. Извини меня! Она мне просто... несимпатична. — Она попыталась улыбнуться. — И она слишком похожа на маму, аж жуть берёт. Извини? — Владлена попыталась тепло улыбнуться и протянула руки для объятий.

Мари прикусила губу, но сестру всё же обняла.

И хотя Элиза даже вроде бы не обиделась, а Владлена больше не устраивала сцен, вечер был окончательно испоганен.

* * *

Прошло три дня. Поздним вечером, почти ночью, Мари лежала на кровати в своей комнате, сон не шёл. События последних дней всё-таки выбили её из привычной колеи. Что-то на задворках сознания беспокоило, будоражило и не укладывалось должным образом в голове.

Она уже задремала, когда полоска света попала на лицо. Мари зашевелилась под одеялом и, зевнув, открыла глаза. Около кровати стояла Элизабет в светлой домашней одежде. Она, кажется, смутилась, увидав, что Мари не спит.

— Извини, я, наверное, зря к тебе зашла... Просто, я хотела поговорить... — она начала оправдываться.

— Да? О чём? — Мари приподнялась на локтях. — О, я всё равно не сплю, так что готова поболтать, — она улыбнулась.

Не сказать, чтобы Мари была так уж рада своей потенциальной мачехе, но Элизабет

вызывала у неё только теплые чувства, и отказывать в такой малости казалось неуместным.

В свете, пробивавшемся из коридора, Мари увидела, что блондинка слабо, но искренне улыбнулась и присела.

— Знаешь, Мари, я знаю, что останусь надолго в этом доме, поэтому мне бы хотелось, чтобы у меня с вами, с Влади и с тобой, были хорошие отношения. Мне не симпатична роль злой мачехи. Я вижу... Мне так кажется, ты не будешь против меня?

Мари кивнула и улыбнулась в ответ.

— Но Влади, по-моему, не хочет видеть во мне друга...

— Понимаете, Элизабет...

— Зови меня Лиз, и давай без церемоний, ладно?

— Хорошо... — Мари удивлённо взглянула на женщину. — Понимаешь, Лиз, — медленно, пробуя на языке имя мачехи, проговорила девочка, — Влади была очень привязана к маме, безумно любила её... — Мари пыталась хоть как-то оправдать поведение сестры. — Лиз, всё дело в том, что ты очень похожа внешне на маму, но видно, что ты другой человек, и Владлену это бесит.

Элизабет промолчала, было видно, что её версия весьма далека от этой.

— Наверное, нужно время...

— Я не знаю, что между вами случилось, — она заглянула в глаза женщины, как будто там могло скрываться нечто, что прольёт свет на этот стихийный конфликт, — но у Владлены явно какие-то предубеждения. Возможно, ревность.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто бы я краду вашего отца...

— Знаю. Да и давно пора бы его украсть, если честно-то. Мне кажется, он от нас порядком уже одурел. — Мари тихонько рассмеялась и откинулась на подушку. — Я рада, что он нашёл тебя.

Элизабет тоже рассмеялась, тихо, но очень заразительно:

— Я рада, что он позволил себя украсть. Ты бы знала, как долго он был неприступен, холоден, как боялся делать шаги навстречу. На самом деле мы знакомы уже скоро пять лет, но он переживал, что вы не поймете. И решился на перемены, только когда понял, что вы достаточно выросли, чтобы поддержать его.

О, как это всё было похоже на папу!

— Лиз, спасибо, что рассказала. Он бы ни за что не раскололся. — Мари сладко зевнула.

— Спокойной ночи? — спросила Элизабет.

Мари улыбнулась:

— Ага.

Элизабет вышла, притворив за собой дверь.

«Она хорошая... очень... очень... не бывает таких людей...»

* * *

Во сне все было очень простым, осязаемым.

Все было логично и правильно.

Ведь если чего-то хочешь — это непременно получается.

А то, чего не хочешь — этого никогда-никогда не будет... Всего-то и надо для этого, чтобы...

Мари проснулась и увидела прямо под носом свой же сжатый кулак. Во сне все было так просто — в реальности она явно что-то упускает... Глянула на часы — три ночи, и снова провалилась в сон.

Кабинет был тёмным, пыльным, чуть затхлым. Бархат, дуб и стекло.

Ногам было потрясающе удобно в... кажется, это называют «гриндерсами»?

В кабинет вошёл человек. Он был светловолос, высок, в изысканном сером костюме-тройке. Ох, ногам так удобно, потому что они на столе. Убрать их, что ли? — Всё-таки гость...

— Я полагала, что столь хорошо одетых джентльменов учат и хорошим манерам. — Говорила вроде бы она сама, Мари, но всё происходящее было словно и не с ней вовсе.

— А вы, собственно, кто?

— Забыла представиться, — она поднялась с кресла, обошла стол и встала в центр кабинета. В её голосе звучала ирония, и эта ирония так нравилась Мари. У неё никогда не получалось говорить так — спокойно, уверенно, с улыбкой, которая всех бесит. Наверное, поэтому ей так нравится Майк, ведь он так умеет... — Герцогиня Скелетто, если вам, конечно, хоть о чём-то говорит эта славная фамилия.

Герцогиня?? Скелетто?? — Ох, ну и ну...

— Позвольте лишь один вопрос: надеюсь, вы супруга Аскольда, а не его отца-дядюшки?

— Если вы решили, что можете со мной шутить, шутка не удалась. Если решили оскорбить — я обижаюсь лишь на умных людей. — Пауза. — Что вас привело сюда?

— Глупость вашей секретарши, которая не знает, где находится тёмная княжна.

— Тёмная княжна занята.

— О, и чем же.

— Она сидит с моей дочерью.

Господин в сером костюме онемел.

— Что-что? Я верно расслышал? Тёмная княжна подрабатывает гувернанткой? Или...

— Или так надо. Это, во-первых. А во-вторых, какого чёрта вам здесь нужно?

На этот раз он побагровел и сделал несколько решительных шагов к Мари.

— Я пришёл по важному семейному делу. Мне нужен развод.

— Отлично. А где ваша жена? — сарказм зашкаливал.

— Зачем она здесь?

— Ну... Так можно подумать, что только вам нужен развод, а ей — нет. Или вы не знаете, что оформить развод можно лишь в присутствии обеих сторон?

— Я лишь хотел...

— Сойтись в цене?

Господин позеленел от гнева — и стал крысой в руках у Мари. Ужас читался даже в глазках-бусинках, а та, кем была Мари во сне, хохотала. Она чувствовала у себя на руке эти щекочущие лапки зверька, будто это происходило наяву.

Дрожь омерзения прошла по всему её телу... и она проснулась.

Но запомнила это имя — Анита. Было бы любопытно познакомиться с ней.

* * *

— Папа, можно с тобой поговорить?

Мари заглянула к отцу. Гостиная, она же кабинет, была местом, где он предпочитал

работать, если приходилось это делать дома.

Элизабет поехала на свою квартиру, чтобы собрать свои вещи и окончательно основаться в коттедже Куртов. Она обещала вернуться только вечером следующего дня вместе с целым фургоном от транспортной компании.

— Папа, можно с тобой поговорить? — повторила девочка свой вопрос.

Отец поспешно закрыл все окна и обернулся к дочери.

— Да, Мари.

Девочка села подле него и пристально посмотрела отцу в глаза.

— Папа, может быть, ты сможешь мне объяснить, какая кошка пробежала между Влади и Лиз?

— Не знаю, милая. — Он немного помолчал. — Я понимал, что Владлена — человек сложный. Поэтому, наверное, и выжидал что-то. Она взрослая девушка, и, говоря откровенно, я далеко не всегда представляю, что у неё на уме. Она взрослая...

— Ей уже двадцать, она сама зарабатывает, и она вполне самостоятельна. Все её сверстники, кроме конченных неудачников, давно уже не живут с родителями.

— Ну, не перегибай, — рассмеялся Дэн. — «Конченный неудачник» в двадцать — это невозможно.

Мари поморщилась. Ну вот, папа как всегда не воспринимает её всерьез.

— Я к тому, что Влади следовало бы заткнуться и порадоваться.

Дэниел открыл было рот, чтобы возразить насчёт «заткнуться», но, подумав, согласился.

— Я её не понимаю! Я долго думала об этом, прежде чем идти к тебе... я не понимаю её мотива! — расплылась она. — А если она ревнует, засунуть свою ревность в...

— Мари, скажи, а тебе-то нравится Лиз? — резко повернул в другом направлении Дэн. И по тому, как быстро он это сделал, было видно, что он волнуется как мальчишка.

Дочь задумалась на несколько мгновений.

— Да, очень. Я думаю, что вы будете очень счастливы вместе, — наконец сказала Мари.

— Она хочет детей, — будто бы между делом сказал он.

Мари вздрогнула.

— Папа... но тебе же уже сорок пять!

— А ей всего тридцать. И она хочет полноценную семью. И я не могу ей противиться... — он развёл руками.

Мари отвела взгляд в сторону.

— Ты прав, папочка. Не только Лиз, но и тебе нужна полноценная семья. Сколько же ты вытерпел вместе с нами? — Она широко улыбнулась. — У тебя же были другие женщины, признайся.

Дэниел усмехнулся.

— Но им не нужны были мы. А Лиз это нужно, правильно, пап?

Тот только покачал головой, поражаясь прозорливости Мари:

— Она идеалистка, каких мало остаётся к тридцати годам. А ещё мало людей, которые умеют любить так, как она. А ещё иногда мне становится страшно за неё: настолько она бывает доверчива, как дитя, ей Богу! Она иногда может притащить кого-нибудь в дом, кто, по её словам, нуждается в помощи. Её могут обокрасть, наговорить гадостей... А она, дурёха, поплачет-поплачет — и снова кого-нибудь тащит... Я, конечно, могу долго смеяться... Но ведь действительно есть люди, которым она реально помогла тем, что пригласила к себе в дом, накормила и просто поговорила. И эти люди после этого не вернулись к мыслям о

суициде, не спились, не подсели на наркотики... Мне иногда кажется, что она святая, — он улыбнулся, но уже без иронии или усмешки. Было видно, что он давно об этом думал... — Милая, иди спать, — тихо сказал он Мари.

— Да, ты прав, папа... Доброй ночи. — Она порывисто обняла его.

— Доброй ночи. — Он чмокнул её в лоб, и сам тоже поднялся с кресла. — Чудный вечер сегодня. Выйду на террасу, погляжу на звёзды.

Мари поднялась в свою комнату и села за письменный стол, обняв руками колени. В комнате было совершенно темно, только изредка машины, проезжавшие по Уэйт-стрит, освещали потолок.

Дурацкое состояние — хочется плакать, но слёз нет, да и плакать не о чем. — Она уткнулась носом в колени и задумалась. Вроде бы ничего не происходило, всё было отлично.

Элизабет нравилась ей, но Мари понимала, что её папа уже никогда не будет её, что большую часть его жизнь будет теперь занимать не она, а Лиз. Она вскочила на ноги и зашагала туда-сюда по комнате.

Эгоизм жёг её изнутри в то время как разум и уже появившаяся привязанность нашёптывали, что всё идёт именно так, как и должно. Кто-то постоянно теперь будет в этом доме... лишний. Не свой. Порой ей хочется придушить Владлену с её закидонами, но она то ведь — сестра. Она своя. Но Лиз ей правда нравится, даже будто бы против воли, когда она рядом, её невозможно ненавидеть, ей невозможно сопротивляться, она такая искренняя и светлая...

Мари схватила тяжеленную копилку и швырнула её в стену, от чего едва ли не весь второй этаж дома содрогнулся. Мелочь рассыпалась по всему полу.

Она остолбенела, как будто это сделала не она, а кто-то другой. Ругнулась про себя и ринулась собирать «богатство».

— У тебя всё хорошо? — Владлена просунула голову в комнату Мари, приоткрыв дверь.

— Не знаю, — переводя дух, ответила Мари, и подняла лихорадочно блестящие глаза на сестру. — Тебе то что?

— Да, ничего... — Она поджала губы. — Просто мне обычно нужен повод, чтобы бросаться тяжёлыми предметами, — с тонким намёком на иронию заметила она. — Вот поэтому и спрашиваю: всё хорошо?

— Не. Зна. Ю. — Раздельно проговорила Мари. — Состояние странное, как беселился... Может, сможешь убрать? — она привычно ласково улыбнулась.

— Да, конечно.

Несколько минут они молча сбрасывали мелочь в полиэтиленовый пакет.

— Влади?

— А?

— Ты что-то такое про Лиз знаешь, что не хочешь с ней общаться?

Сестра молчала, продолжая собирать с пола монеты. И Мари заговорила снова:

— Я желаю папе счастья. И если его счастье — это она, то почему я должна им мешать? Тебе не кажется, что твоё поведение — это просто эгоизм чистой воды? — И сама же вздрогнула от этих слов, вспоминая совсем недавние свои мысли.

— В отличие от многих, я, по крайней мере, честна сама с собой, — Владлена просверлила младшенькую взглядом.

— Ты хочешь сказать, что в глубине души я тоже её не переносю? — Мари подняла

гневный взгляд на сестру.

— Я ничего не хочу сказать, — выплюнула Владлена. — Я просто вижу расколотую свинью на полу!

В глазах Мари тут же появились и застыли слёзы, все мускулы напряглись, во рту появился металлический привкус.

А в это время все рассыпавшиеся монеты, каждая из них, поднялась над полом на несколько миллиметров. Глаза Владлены расширились.

Мари шмыгнула носом, вытерла слёзы — и всё снова лежало на своих местах, бесшумно приземлившись на ковёр с густым ворсом.

Влади вскочила на ноги.

— Ты же помочь обещала! — Неуверенно окликнула её девочка.

— Ага. — Теперь уже глаза Владлены лихорадочно блестели. — Потом.

— Потом мне не надо!

— Потом...

* * *

Сложно сказать, большим счастьем или большим горем было её пребывание на троне. Трудно быть дочерью опозорившегося короля. Когда-то, не столь уж и давно, каких-то тридцать лет назад, он связался с тёмными ради сиюминутной прихоти — а она по-прежнему расплачивалась за его слабости.

Смешно сказать, но делами Прабела занимался её церемониймейстер, разумеется человек из знатной семьи, отличавшейся особым честолюбием своих членов. Но даже и он словно был довольным ребёнком, которому дал в руки игрушку сильный мира иного.

Странные чувства охватывали королеву Амалию. Ей было уже весьма немало лет, но она не могла припомнить и пяти событий, которые бы выбивались из общей череды блестящих и совершенно пустых дней. Её день за днём снедала скука. Порой она даже не вставала с постели дни напролет. От того, что она встанет — время не наполнится смыслом. Зачем примерять платья, которые некуда носить? Читать книги, которые не с кем достойным обсудить? Играть в шахматы, если соперник, тучная фрейлина, постоянно поддается?

Столетняя королева смертельно скучала. И её обезображенный бездельем мозг нашёл, наконец, способ, как развеять свою вековую скуку.

* * *

Мари недовольно поморщилась. Вот уже битый час она сидела над сочинением по литературе и разглядывала свои каракули: Лопе да Вега — великий испанский драматург. В голову ничего не лезло, хотелось вздремнуть и, как назло, в это время с обновлённой террасы слышались голоса Дэниела, Элизабет и мистера Риддла, папиного сотрудника в его юридической конторе. Мари нравилась эта компания, и хотелось присоединиться ко взрослым.

Сдавать сочинение надо через два дня. Надо писать! Мари! надо писать!!.. Эти звуки не дают сосредоточиться... А!.. Чёрт с ним, с сочинением! — она с отвращением откинула искусанную ручку и метнулась вниз.

Едва девочка появилась в двойных дверях террасы, Лиз и мистер Риддл, обернулись к ней, улыбаясь.

— Здравствуйте, мистер Риддл! — улыбнулась она.

— О! Мари! — воскликнул мужчина на вид лет пятидесяти. Казалось, что он — почти шар: маленький рост и лишний вес приближали его к идеальной геометрической фигуре. Да и бежевого цвета костюм его, отнюдь, не стройнил.

Мари видала многих адвокатов, коллег отца, но мистер Риддл не походил ни на кого из них. Он был будто бы слишком живым среди этой братии.

— Что-нибудь будешь? — Элизабет указала на столик, где терялась початая бутылка красного вина, одинокая среди фруктов и бутербродов.

— Ну, так на чём я остановился, — мистер Риддл потеревил желтоватыми пальцами ухо. — Ситуация вышла нелепая до ужаса: этот господин судился годами из-за смешных десяти евро. Он ходил по инстанциям, писал гневные письма, дошёл даже до мэра, подал в суд на членов его семьи! Напоминаю, речь была о сумме в девять евро и семьдесят шесть центов! Но этот зануда-книгоиздатель был непоколебим в своей жадности...

В холле хлопнула входная дверь, а мистер Риддл замолчал. Спустя три секунды на пороге появилась Владлена и оперлась плечом о косяк. Дэниел сухо кивнул дочери, Элизабет отвела взгляд, а мистер Риддл натянуто улыбнулся.

— Пьянствуете? — она хмыкнула и огляделась. — А у вас довольно мило... Лиз! Можно тяпнуть парочку бутербродов?

— Я, наверное, пойду... Поздно уже... — промямлил мистер Риддл.

— Хотя... Знаете, устройю я себе лучше пир горой наверху! Сестричка, доброй ночи! Папочка — и тебе тоже. — Владлена подошла к столу и цапнула кусочек буженины. — А тебе, Лиззи, — не доброй. Не заслужила.

— Влади! — сестра вскочила со своего места. — Что за сцены?

— Мари, всё хорошо... — попыталась удержать её Лиз.

— Ничего не хорошо. — Мари поймала виноватый взгляд отца: как так вышло, что Владлена заставляет его краснеть? — Она ведет себя так...

— ...как сама бы хотела себя вести, да? — брюнетка смотрела на сестру зло.

— Я, верно, и в самом деле пойду... — пробормотал гость. — Я услышал уже больше, чем следовало.

— Посиди ещё чуток, — попросил Дэниел.

— Да нет, Дэн, мне пора... — смутился мистер Риддл и оглянулся в поисках дипломата и сотового. — Ну, ладно, до свидания, спокойной ночи, господа Курты!

Отец семейства вышел, чтобы проводить гостя.

Владлена проводила папиного друга презрительным взглядом. Лиз сделала вид, что ей просто необходимо срочно прибраться и, схватив первое попавшееся блюдо, скрылась с ним на кухне.

Мари не могла сказать и слова — только смотрела на сестру, и не понимала, что же вообще происходит. Владлена лишь фыркнула, развернулась на каблуках и вышла.

— Хватит уже притворяться, — бросила напоследок она.

* * *

Миссис Коффендрау разглядывала класс из-за очков-половинок, стоя за кафедрой. Она видела лишь опущенные глаза и разноцветные макушки подростков. Ожидался жесточайший опрос.

Химия вообще не была коньком Мари, а тут ещё она забыла повторить параграф!

«Только бы меня не вызвали, ну, хоть бы не я, ну, пусть будет следующая по списку Кейт!..»

Химичка поправила на голове белый паричок, пожевала кроваво-красными губами и гнусавым голосом спросила:

— Ну, что, двоечники, никто не хочет ответить? — Она псевдо-садистски вздохнула. — А, двоечники?

Молчание в ответ. Никто даже не шелохнётся.

— Эм... Хотя бы ты, Льюис, Кейт Льюис. Ребёнок, ты здесь?

— Да, — пискнула светловолосая Кейт.

— Так рассказывай.

— Фенолы? — девочка сглотнула слюну. — Фенолы принадлежат к группе циклоалкенов, общая формула...

«Как так получилось? Ведь у Кейт больше оценок, чем у меня! И в число любимчиков я никогда не попадала...»

На географии этот фокус сработал точно так же без малейших нареканий. Мари оставалось только удивляться тому, что происходит вокруг.

Совершенно опустошённая, она пришла домой, где её уже ждала старшая сестра. И судя по выражению лица Владлены, она была чем-то очень расстроена.

— Что-то случилось? — спросила Влади, заметив, что и с Мари видимо что-то приключилось.

Мари, не глядя на сестру, замотала головой и поплелась наверх.

— Ты уверена? — переспросила её Владлена.

Мари ничего не ответила и скрылась на втором этаже. Она чувствовала себя так, словно не спала сутки, не ела, и вообще пробежала марафон. Она только стянула с себя кеды и плюхнулась, в чём была, на кровать.

Едва закрыла глаза, в голове зазвучал до боли знакомый голос, но даже не голос был похож (он-то, как раз был совершенно другим, непонятным, не то мужским, не то женским), а манера речи.

— Мари, пришло время тебе узнать кое-что. Ты особенная. Твои силы огромны, хотя ещё и не оформлены. Ты можешь стать, кем угодно, можешь развивать, что угодно, но что-то одно. По крайней мере, пока. Подсказка уже у тебя.

Мари открыла глаза. По ощущениям её вырубило две минуты как, но на улице уже стемнело. Стрелка будильника подходила к половине девятого.

Отец уехал в командировку на пару дней. Владлена тоже куда-то пропала — очевидно оставаться с Элизабет наедине она посчитала ниже своего достоинства.

Мари спустилась вниз на кухню. Элизабет как раз грела себе ужин и, увидев Мари, взялась погреть еду и для неё.

— Как день прошёл? — спросила Элизабет, когда они сели за стол.

— Ничего. Только днём ужасно спать хотелось.

— Знаешь, у меня состояние тоже так себе было. Наверное, опять будет дождь, — высказала предположение блондинка.

Повисло молчание.

Только после того, как Элизабет разлила по кружкам чай, разговор возобновился.

— Знаешь, Лиз, я ведь спустилась не для того, чтобы поужинать, а просто чтобы побыть с тобой.

— Правда? — Лиз не удержалась и широко улыбнулась.

— Угу. — Мари засунула в рот печенье, а затем снова заговорила: — Наверное, удивишься, но ты мне с самого начала очень понравилась. Я всегда думала, что таких людей просто не бывает...

— А я это поняла.

— Правда? — ошеломлённо воскликнула Мари.

— Правда.

— Хм... — Мари подпёрла подбородок рукой и улыбнулась, будто самой себе.

— Не смущайся. — Элизабет погладила её по руке, улыбнулась... А затем, резко покраснев, словно невзначай, спросила: — Кстати, Мари, что твой папа говорит?

— О чём?

— Да, вообще? — взгляд её стал озорным.

— Ну, мы с ним как-то разговаривали на эту тему... — протянула девочка. — По-моему, впервые за последние десять лет он по-настоящему счастлив.

— А Владлена? Она так и не переменилась ко мне?

— Нет. И не переменится. Она, как мне кажется, ещё больше ожесточилась, как будто, чем лучше ты к ней относишься, тем больше она тебя ненавидит. — Мари вздохнула. — И если я пытаюсь её вразумить, она начинает кричать, говорить такое, что волосы дыбом встают. — И она поёжилась при воспоминании о своих собственных мыслях. Рядом с Элизабет об этом думать было стыдно. — Но, с другой стороны, Лиз, я, конечно, не хочу тебя обижать, я-то знаю, что ты всё делаешь из наилучших побуждений, Влади и не обязана тебя любить. Но поступать, как она поступает... Я не понимаю!

— Я тоже...

Скрипнула дверь кухни, зашла Владлена.

— Кому косточки перемываете? — Она гаденько ухмыльнулась. — Уж не мне ли?

— Нет, что ты Влади... — замахала руками Элизабет.

— Да, мы действительно говорили о тебе. — Мари будто бы зло посмотрела в глаза сестре. — Но перемывать косточки и говорить о ком-то — слегка разные вещи.

— В таком случае, воркуйте, голубки! — по всем законам жанра ей стоило бы сейчас уйти, хлопнув дверью — но Владлена задумчиво поглядела на сестру: — Только не убеждай себя, что тебе нравятся убогие.

Мари вскочила, пролив на себя чай. А Владлена спокойно вышла.

На Лиз было страшно смотреть, ей потребовалось несколько секунд, чтобы опомниться и побежать за тряпкой. Мари трясло от гнева, она наскоро помогла женщине и метнулась вверх, в комнату сестры. С пинка открыла дверь. И с грохотом захлопнула.

— Ты совсем озверела? Я в который раз спрашиваю, что, нахер, происходит?? — Мари была в такой ярости, в какой Влади ей не видела никогда в жизни. Даже когда она пришла в школу — это были цветочки.

— Тебе была безразлична наша мама, но и ты имей совесть! — парировала Влади.

— Владлена! Я буду общаться с тем, с кем я сочту нужным и так, как я сочту нужным, а ты не будешь мне советовать!! И только не надо мне говорить, что этот человек меня недостойн!..

— Именно! Именно так!! — зашипела сестричка. — Она нам не ровня!

Мари отшатнулась, и будто бы враз успокоилась:

— Да что за глупости, Влади? — впервые ей стало страшно быть наедине с сестрой. —

Она такой светлый человек... Она словно снимает боль...

— Какую боль? О чём ты? Может быть, потакает твоей слабости? — зло фыркнула Владлена. — Если бы не она — перед тобой открылся бы огромный, непознанный тобой мир! Если бы не она, ты была бы великой! Если бы не она, мы могли бы вместе свернуть горы!..

— Влади, ты бредишь, — усмехнулась Мари.

— Может быть... может быть... однако мой сон затянулся порядком, в таком случае. — С этими словами, она щёлкнула пальцами — и чёрные джинсы и свитер сменило чёрное вчерне платье. — А ещё я живу половину своей жизни среди сна, — и комната преобразилась в блестящий салон, — и собираюсь выйти замуж за фантом из сказки.

Глаза Мари едва не вылезли из орбит, челюсть отвисла...

— И ты, Мари, можешь всё то же самое, что и я. Но ты... О... ты сильнее, во сто крат сильнее! И на что ты себя растрачиваешь?? На мнение своих тупых одноклассничков? На личную жизнь своего отца, которому нужна уже совсем новая семья — а мы лишь тормоз, обуза, крест? Или на долбанутую обывательницу, да ещё и с задатками светлой??

— Не хочу!! Не хочу ничего слышать!! Замолчи! Замолчи!! — Мари тотчас заткнула уши руками и замотала головой. — Не верю... это бред, галлюцинация, сон... Замолчи!!! — но слова Владлены продолжали звенеть у неё прямо в мозгу:

— Я слишком долго готовила тебя, чтобы так просто отступить! Я... мне всё равно, кто такая Элизабет, но она мешает мне сделать из тебя великую! Я не хочу ей зла, но я хочу, чтобы её не было рядом с тобой!

— Умоляю, молчи!! — Мари упала на колени, всё так же сжимая голову руками.

И Владлена замолчала.

«Зря... зря я всё это сказала ей. Не сдержалась. Она не готова».

Вечернее платье снова стало домашней одеждой, она поспешно засунула руку в карман — и высыпала резким движением на рыдающую сестру щепотку малинового порошка, пахнувшего ладаном. Спустя мгновение Мари уже спала около ног сестры. Владлена наклонилась к ней, ласково погладила по волосам:

— Извини меня. Значит, ещё не время. Значит, я расскажу тебе всё немного позже. Ты всё забудешь. Пока что. Когда придёт время, всё вспомнится, — она ещё раз провела рукой по её волосам. Распрямилась и окинула взглядом комнату — и чары салона спали, снова здесь была небольшая комната Мари. Влади ещё что-то пробурчала под нос, движением руки подняла сестру в воздух и уложила на постель.

Вышла, закрыв за собой дверь. И тяжело вздохнула. Двойная жизнь стала отнимать в последнее время слишком много сил.

Одиннадцатилетняя Влади стояла, вцепившись обеими руками в подол папиной куртки, и рыдала, изредка поглядывая на хрупкое тельце её любимой мамочки в светлом плаще, лежавшей неподалёку на асфальте. Отец то и дело сжимал плечики Влади и вздрагивал, глаза его переполнялись слезами. Девочка с трудом припоминала, как закончился этот день. Зато на всю жизнь она запомнила последующий.

Она сидела, запершись в гардеробной среди платьев и пальто, тонкая полоска света едва давала возможность видеть силуэты одежды, но даже этот жалкий свет казался Владлене ярче самого яркого полуденного солнца. Она сидела на полу гардеробной и захлёб рыдала.

Полоска света из-под двери исчезла. Владлена всхлипнула и промокнула мокрое от слёз лицо рукавом платья. Послышались чьи-то шаги, и этот кто-то явно приближался к двери гардеробной. Она знала, кто это, и лишь сильнее вдавливалась в стену. Теперь-то девочка поняла, ЧТО она сделала. А ведь всё так невинно начиналось...

Однажды, около года назад, недалеко от школы открылся небольшой магазинчик с тёмной дверью и мутными стёклами под названием «Огниво во Мраке». Влади подстегнуло любопытство и она, не без труда, уговорила своих подружек сходить туда. Но буквально в десяти метрах от тёмной деревянной двери у всех других девочек появились какие-то надуманные предлоги, чтобы с Владленой вместе не идти. Но Влади-то была отступать не намерена!

Магазин встретил её погребной сыростью, едва освещёнными стеллажами книг в красивых обложках, свитками и какими-то странными кольцами, которые покоились под стеклом, стеклянными банками, наполненными ртутью и какой-то жидкостью, напоминающей серебро, которые стояли на самых дальних полках. Прилавка как такового не наблюдалось — «Огниво во Мраке» вообще больше напоминало библиотеку алхимика. Первая волна страха прошла, и Влади заинтересовалась надписями на корешках книг. На самом видном месте, где обычно лежат бесцеллеры, девочка прочитала: «Привороты. Отвороты. Советы ведьмочкам. А. Скалозубова», «Дружба, или 1001 заклинание, чтобы найти друга. М. Ромашкофф», «Семья. Зелья сохранения брака. Д. Зубина», «Спиливаем супругу рога. Э. Вольницкая». Влади хмыкнула — и рядом ней, словно из тени, появился седовласый старик в простом чёрном балахоне. Следовало испугаться, но почему-то было не страшно. Всё, что она видела здесь казалось... нормальным? — Как во сне, когда принимаешь всё, что бы ни увидел.

В первое мгновение Влади показалось, что перед ней священник, но едва он пронзил её насмешливым, острым взглядом, стало ясно, что он такой же священник, как Владлена — фея. Он подошёл к ней поближе и неожиданно тепло улыбнулся.

— Девочка, ты что-то ищешь?

— Не знаю... — прошептала Влади.

— У тебя какие-то проблемы с друзьями, родителями, раз ты пришла сюда?

— Да, нет. Просто мне было интересно... — пробормотала в ответ она.

Старик хмыкнул, услышав такой ответ.

— Правда? — спросил он.

— Да...

— И тебе действительно интересно?

— Конечно!

— Ты веришь в чудеса?

— Нет, не верю, — с уверенностью ответила она. — Санта Клауса не бывает, и ангелов не бывает, и не всегда, когда, ты если даже очень-очень хочешь чего-то, это случается. Не бывает чудес, и я это поняла за свои долгие десять лет жизни, — важно закончила Владлена.

Старик позволил себе иронически рассмеяться.

— А хочешь, я тебе их покажу?

— Вы переоденетесь Санта Клаусом? — глаза Влади чуть не вылезли из орбит.

— Ха. Я говорю тебе о настоящих чудесах. Вот, например, чего ты хочешь? — он заглянул в её глаза. В его собственных глазах, казалось, переливалась жидкая мгла.

У девочки перехватило дыхание.

— Плюшевого медведя! Мама обещала его мне подарить, а подарила почему-то Мари.

— А кто такая Мари?

— Моя младшая сестра. Я её ненавижу за это!! — горячо воскликнула Владлена.

— Не переживай, — ответил старик, и перед Влади материализовался очаровательный пушистый плюшевый медведь. — Ты такого хотела?

Влади поспешно схватила игрушку, внимательно осмотрела медведя и поставила на место.

— Нет, не такого. — Вынесла она вердикт.

— А я почему-то иного мнения.

— У Мари всё равно медвежонок лучше, — тихо сказала Владлена и хлюпнула носом.

Старик потеревил жиденькую бородку.

— Я вижу, ты неглупая девочка. А что если у тебя будут какие угодно игрушки, сладости, всё, что не дают тебе родители, а в обмен на это я научу тебя кое-чему?

Владлена только хлопала глазами. Она понимала, что ей предлагают исключительно выгодную сделку, но никак не могла взять в толк, чего же хотят от неё. Старик молча смотрел на неё, пока девочка шумно дышала от волнения и трудных мыслительных процессов.

— А вам это зачем? — наконец спросила она.

— Когда ты будешь чуть старше, ты поймёшь. Димитрий Дван, — он протянул руку.

Владлена никогда раньше не видела людей с подобными именами.

— Владлена Курт, — она пожала его ладонь. — Я согласна учиться.

Последующий год был похож на чарующую сказку. Теперь Влади могла получать всё, о чём только мечтала, училась с помощью магии манипулировать людьми, делать уроки, не платить за шоколадные батончики в супермаркете. Учитель Дван, только посмеивался над её выходками. Сам он рассказывал, что в её годы коллекционировал удавов, причём предпочитал спать с ними в обнимку, и, надо сказать, удавы его искренне ненавидели. Учитель и ученица были довольны общением друг с другом, у них даже сложилось некое подобие дружбы. И это даже несмотря на то, что, если у Влади что-то не получалось, Дван ругал её последними словами, если же всё было идеально, сдержанно приподнимал одну только левую бровь. А Владлена, в свою очередь, была готова из кожи вон лезть, только чтобы увидеть в глазах учителя немую похвалу.

Они почти не говорили на отвлеченные темы, но всё, что девочка рассказывала о себе и своей семье — всегда было правдой. Как ей казалось, Димитрий отвечал её взаимностью.

Он мало рассказывал о себе. Влади знала только, что когда-то у него была семья и двое сыновей, но однажды он попал в немилость правителю «особой земли обетованной», и ему пришлось покинуть свою родину. С тех пор прошло так много лет, что он уже мог бы и вернуться, попросить прощения, восстановить своё доброе имя.

— ...Но я уже стар, да и не вижу пока цели падать в ноги тёмной княжне. Тем более, к той, которую я не хотел на троне видеть.

Владлена делала вид, что понимает всё, что рассказывает ей учитель про эту «другую землю» и боялась спрашивать о том, что же случилось с его семьей.

Сама она тоже рассказывала о семье мало, сухо и неохотно. Было больно говорить о том, что она — нелюбимая дочь, и что как бы она ни пыталась добиться внимания мамы, она всегда отдаёт предпочтение сестре.

Однажды Владлена пришла в «Огниво во Мраке» совершенно расстроенная. Дван хотел

было начать традиционный урок, но понял, что сегодня урока не выйдет:

— Владлена, что-то случилось?

Девочка быстро отвела взгляд и шмыгнула носом.

— Владлена? — чуть мягче спросил он.

Влади шумно сглотнула комок в горле и уставилась на свои туфли.

— Влади?.. — Димитрий взял её за плечи, чего он не делал никогда.

Девочка неожиданно разрыдалась и прильнула к учителю.

— Меня... никто... Меня никто... не... не... не люби-и-и-ит!!! Я никому... никому... не... не нужна! Мама... Она любит Мари, а меня не... не любит... Мама-а-а-а!!!

Лицо старика прояснилось, он отстранил от себя Влади и посмотрел ей в глаза.

— Всё и всегда можно исправить. Но потребуется твоя помощь и твоя плата. — Владлена тогда не обратила внимание на эти слова.

Этим же вечером Влади произнесла заклятие, охладившее отношения между Энн и Мари. Она была счастлива, что теперь мамочка всегда будет только её!

...Но не сказал тогда учитель, что платой будет жизнь слабейшего из них троих: Энн, их матери, Мари или Владлены.

Владлена своими руками наложила смертельное проклятие на свою семью, и стала по-настоящему темной ведьмой в одиннадцать лет от роду.

Глава 2. Белые

Мари очнулась, когда уже было темно. Она лежала на собственной кровати под одеялом. Голова была пуста совершенно. Она потёрла рукой лоб и приподнялась на локтях в постели. Будильник показывал без пяти минут двенадцать.

«Как меня зовут? Вроде, Мари... Сколько мне лет? Так, я с 1987, значит, семнадцать...» Постепенно мысли возвращались на круги своя, но последние воспоминания почему-то резко и неестественно обрывались на их ссоре с Влади.

Слегка покачнувшись, Мари встала и пошла вдоль стены с книжным шкафом к креслу. Когда она проходила мимо шкафа, её словно что-то дёрнуло, девочка обернулась — вроде, всё так, как и должно быть, всё на месте, стопка тетрадей в порядке... Стоп! Не в порядке! Мари перелистала большим пальцем тетради, и точно — в ряды обычных тетрадей затесался большой блокнот на пружине.

Мари вытащила его. Без обложки, по размерам — чуть меньше обычной школьной тетради. Она его увидела только потому, что такие штуки ненавидела: они рвались, разваливались... а ещё одноклассники выдирали из них листы с её конспектами.

Листы в клетку были чистыми. Немного подумав, она села за письменный стол и, не спеша, написала обычной синей ручкой на одной из страниц: «И откуда ты взялся...» Надпись тут же приняла зеленоватый оттенок. Мари отбросила ручку и уставилась на тетрадь. «Наверное, такая бумага...» Она взяла оранжевый маркер и добавила рядом «странный-странный блокнот?» Но и написанное маркером тоже стало зеленым. Мари, казалось, забыла, как дышать.

В ту секунду, когда она была готова продолжить эксперименты, ниже, под её каракулями, выплыли строки. Они были написаны явно мужской рукой — строго, чётко, без лишних завитков. Коричневые буквы выливались в слова: «Вспомни свой сон, и ты всё поймёшь».

Хорошенькое дельце! Какого только бреда ей не снилось в последнее время. На ум пришла белиберда про тёмный кабинет, но что-то подсказывало ей, что речь вовсе не об этом.

«Я оставлю тебе подсказку» — да, ей говорили про это во сне. Получается, что этот блокнот и есть подсказка? К чему же?

Мари сглотнула комок в горле и быстро написала: «Кто ты?» Ответ не замедлил появиться: «Твой друг. Зови меня Ричард».

— Что происходит? Я ничего не понимаю... Что тебе от меня нужно?

— Мне от тебя — пожалуй, пока ничего. Скорее, ты можешь нуждаться во мне.

— Откуда такая самоуверенность? — Мари при этом усмехнулась — на бумаге появилась скептическая рожица, словно второпях нарисованная на промокашке.

Ответа не было минутой...

— Ты бы хотела снова, хотя бы одним глазком увидеть свою маму?

— Это удар ниже пояса. То, что ушло не вернуть. Но... разумеется, хотела бы.

— И я могу тебе это дать. А ещё могу показать совершенно особый мир, который никогда не будет тебе доступен.

— Я заинтригована. Допустим, мне надо...

— Ты мне не веришь.

— Нет, не верю. Слишком просто, реалистично и бредово одновременно, — она снова усмехнулась, и снова появилась примерно такая же рожица.

— Я знаю, что перед тобой лежит стопка книг. Книги толстые. Здесь и учебники, и романы. Ветер их не сдует — разве что только ураган. Да и человеку надо постараться разом их сдвинуть с места. А ты можешь это сделать, даже не прикасаясь к ним. Фокус стар как мир. Любой из нас в состоянии это проделать. При некоторых условиях, разве что...

— Вы меня дурите.

— Поверь хотя бы на мгновение и попробуй.

Мари напряглась изо всех сил, ей показалось, что вены вздулись на лбу... Но книги не пошевелились ни на миллиметр.

— У меня ничего не выходит. Глупости какие-то!

— Просто неверная тактика.

— Для начала надо было сказать, как делать надо, а не критиковать, — разозлилась Мари. Цвет её строк из зеленого стал почти мятным.

— Найди источник силы внутри себя. Внутри тебя — целая бесконечность возможностей. Перенеси это ощущение на стопку книг. Ты — стопка книг, и эта стопка книг движется. Увидь свою цель, приложи к ним силы. И...

Мари уже не читала то, что появлялось слово за словом в этой странной тетрадке: всё, что она могла сейчас делать — это следить за тем, как огромная стопка книг плывёт по комнате по робкой указке её руки.

Она повернулась снова к тетради, чтобы поделиться впечатлениями... Книги с грохотом рухнули на пол. Голова закружилась — словно она без подготовки присела с полсотни раз.

Страницы были вновь девственно чисты. Мари сначала показалось, что это просто из-за недомогания ей так видится. Немного пришла в себя и перепроверила — ни единой записи. Она попыталась снова что-то писать, но слова держались всего несколько секунд, а затем исчезали.

«Он должен написать мне снова! Должен!» — с досадой думала она, держа в руках тетрадь. Так и заснула за столом — слабость взяла верх.

* * *

Бомптириус Славный толкнул дверь бара и ещё раз обернулся на чёрно-синий грязный туман, стелящийся по земле. Едва он зашёл, местное население бара приумолкло и стало прислушиваться к мелодичному стуку его сапог со шпорами по плохо подогнанным булыжникам заплыванного пола.

Это был мужчина на вид лет тридцати пяти со светлыми, почти что белыми длинными волосами до лопаток, с правильными чертами лица, но тяжелой челюстью и маленькими лукавыми глазками. Он сам, его белый кожаный плащ, шпага на боку, рубашка с попугаями, ядовито-зеленый сотовый телефон в руках, — всё было настолько неуместным здесь, насколько это вообще можно представить.

Он подошёл к стойке:

— Пива и мяса!

— Сначала пять золотых, которые ты мне задолжал, а там поговорим, — на бармена этот господин должного впечатления не произвёл.

— Ну началооось... — Бомптириус закатил глаза. — Порядочному магу уже и пожрать нельзя.

— Порядочные маги сначала платят, а потом жрут, — все так же невозмутимо отвечал бармен.

— Фредди, ну по старой дружбе...

— По старой дружбе я могу тебе стакан воды налить и под зад пнуть. — Бармен усмехнулся.

Бомптириус не успел ничего возразить, как дверь бара распахнулась, запуская очередную порцию мглы с улицы города, и высокую женщину в длинном грязно-бирюзовом платье. Потрясающее воображение декольте, безобразный шрам на правой половине лица и извивающиеся серьги-змеи были, похоже, слишком хорошо знакомы всем посетителям этого заведения. Все, кто в баре сидел — встали, и покорно опустили головы. И только Бомптириус не только не изменил положения, но даже и взгляд его оставался таким же — как будто перед ним просто был давний приятель.

— О, Дюва! Каким ветром да в такую дыру? — Бомптириус отошёл от стойки бара и распахнул руки в ожидании дружеского объятия.

Она зло прищурилась.

— Только не надо заигрывать со мной. Ты сам предложил встретиться здесь.

Взгляд его стал цепким и спокойным. От придурковатости почти не осталось следа.

— Разумеется. Я еще не потерял остатки мозгов, чтобы общаться с тобой тет-а-тет. — Он обернулся к бармену. — Фредди, ну а сейчас-то ты принесешь пожрать?

Бармен скрипнул зубами:

— Для тёмной княжны — всё, что угодно, — и удалился.

— Присядем? — Бомптириус гостеприимно показал на столик в глубине зала за тёмными портьерами.

Дюва молча прошла и села. Сделала сложное движение руками и заметно напряглась. Блондин с интересом наблюдал за её действиями.

— Ты ловко маскируешься, княжна. Я и сам хотел поставить полог тишины, но хотелось посмотреть, как ты...

— Завались. Сейчас говорить буду я. — Она скрестила руки на груди. — У меня есть к тебе дело.

— За бесплатно я работать не буду, ты же знаешь!

Дюва фыркнула:

— Ты бы за деньги для начала работать научился, бестолочь, — беззлобно парировала она. — Есть одна проблемка, и пока ты сможешь с ней разобраться.

— И что это за проблема?

— Кто, не что.

Он поморщился.

— Я за такое не берусь.

— Да если б у меня был выбор, я бы к тебе не обратилась, будь покоен. Но условия непростые, а проблема обещает быть грандиозной уже через пару месяцев. — Она приблизила к нему лицо через стол, и змеи в её ушах зашипели.

— Объясняй тогда толком. Нас никто не услышит...

— Ну да, ну да, никто, даже всякие не в меру одарённые?

— А с годами паранойя берёт своё! — Он залиvisto рассмеялся. — Не переживай, тут

нет Скелетто, чтобы разбить твои чары.

Дюва с ненавистью оглядела бар и Бомптириуса. Этот олух был прав. Неважно где — здесь или в замке, — их всегда могут подслушать. Тем более, дело отлагательств не терпит, если верить её полоумной коллеге.

— У Ричарда есть наследник.

— Ну да, да, у него есть дети.

— Ты не понял, дружок. У нашего великого белого мага, прекрасного и, сука, вездесущего, есть магический наследник. Ричард где-то откопал девицу с таким же потенциалом, как у него самого. Я жду не дождусь, когда он наконец-то сдохнет — пожил уже пару сотен, хватит. А тут новости от Амалии — она, прикинь, письмо накатала.

— Тебе написала белая королева??

— Конечно, нет! — Дюва почти улыбнулась. — Мне донесли, что эта дура написала письмо. Еще бы позвонила по телефону с такими новостями! Теперь я точно знаю, что Ричарду осталось недолго. И это отличная новость. Плохая новость в том, что наследница вот-вот прибудет в преисподнюю. И от неё надо избавиться сейчас. Она еще не была здесь, она еще не узнала своей силы.

— Дюва, ты же знаешь, я не убийца.

— Мне плевать. Ты должен от неё избавиться. Иначе от тебя избавлюсь я. Это будет отличный повод поквитаться.

— И останешься без дипломатической связи со светлыми?

— Просто избавься от неё. Мне всё равно, как. Я не постою за ценой. — Она на минуту задумалась. — У тебя же ведь еще остались связи там?

— Не понимаю, почему именно я. — Упорствовал Бомптириус.

— Она просто должна сдохнуть так, как будто это дело рук белых. Тёмные должны остаться в стороне. Такой ответ тебя устроит?

* * *

Мари проснулась в четыре ночи от того, что отлежала себе руку. Она так и уснула на этом блокноте, прямо за столом. Так и подмывало снова взяться за карандаш, но она одернула себя и заставила выключить свет и перебраться в кровать.

Это утро выходного дня дало иллюзию ясности. Она... Чёрт, кто же она такая? Пока Мари точно знала о себе одно: она может что-то, что выходит за рамки обычных человеческих способностей, но это что-то сжирает колоссальное количество энергии. И есть такие же как она.

Она была странно, иррационально спокойна. Взяла давешнюю тетрадь. Разумеется, листы были всё так же чисты. Села за стол и набросала: «И что же дальше?»

— Я ждала, когда ты проснёшься, — слова были написаны явно женской рукой: редкий мужчина хотел бы придать своим словам розовый цвет и писал бы с таким количеством завитушек.

— Кто ты?

— Тебе это ни о чём не скажет. Зовут меня Жюли.

— А зачем тогда было меня ждать?

— Ты нам нужна.

— О. Исчерпывающе... А поподробнее можно?

— Не смейся и не удивляйся. Я приду к тебе. Выйди из дома часа через полтора.

— Как я тебя узнаю?

— Узнаешь! Не бойся!

И строки поплыли. Мари даже сделала попытку удержать строки ладонью. Но, разумеется, это не помогло.

Внезапная мысль озарила её: «А что это за тетрадь?» — вдогонку написала она.

— Какая тетрадь?

— Ну... эта, — оторопела Мари.

— Не у всех таччилд выглядит как тетрадь. У кого-то томик классика, у кого-то записная книжка, у кого-то даже кусок картонки. Эта вещь — почти что живая, она, можно сказать, сама находит себе владельца. Увидимся.

— Но...

— Не переживай, я всё тебе покажу и расскажу!

Строки расплылись, и Мари откинулась на спинку стула. Но не прошло и пяти секунд, как в голове зазвенел приятный, но надоедливый звонок: в тетради снова выросли розовые буквы:

— Извини, я кое-что забыла. Когда ты кому-то пишешь, не надо указывать адрес, а надо лишь подумать об этом человеке или о конкретном таччилде, как это с тобой произошло. — И, не дождавшись ответа, буквы расплылись снова.

Мари пугало собственное спокойствие. Всё, всё происходящее давно уже выпало за рамки нормального, но как будто бы только сейчас всё встало на свои места.

Через полчаса Мари спустилась на кухню, где уже закончила колдовать над завтраком Элизабет. На столе высились горы горячих бутербродов.

— Доброе утро, Лиз!

— О! Ты уже проснулась, Мари? Доброе утро! — блондинка достала с полки две огромные кружки, по размерам едва отличавшиеся от пивных, и разлила по ним крепкий ароматный чай с мятой.

— Слушай, как у тебя получается из не пойми чего создавать шедевры? — хрустнув бутербродом, спросила Мари.

— Не боги горшки обжигают, — она подмигнула падчерице. — Я тебя как-нибудь научу своим секретам. Но только не сейчас...

— Отчего же?

— Открою тебе страшную тайну — я лентяйка!

Мари даже поперхнулась:

— Ты?.. лентяйка?.. Кхе... хм... Насмешила!

— Ты зря так! — улыбнулась Лиз. — Просто, я жаворонок, встаю рано... А что ещё утром делать, когда в животе урчит от голода?

— И то верно.

Зевая и почёсываясь, в кухню вошла Влади в пижаме цвета ясного неба с облаками и в розовых безразмерных тапочках-зайчиках. Уши зайцев волочились по полу, собирая крошки. Сестра достала с полки подобную кружку, налила чай и под села к притихшим Элизабет и Мари — они едва переводили дыхание от растерянности. Владлена, всегда ухоженная и почти идеальная, не то что в пижаме, даже босиком никогда не выходила из своей спальни. Что уж говорить про макияж, укладку и безупречную одежду! Владлена в пижаме и эти тапочках — это было событие почище землетрясения.

— С добрым утром, Влади! — Мари пришлось прокашляться, прежде чем сказать что-то внятное.

— С добрым утром, сестрёнка! — Влади с аппетитом засунула в рот почти половину огромного бутерброда с ветчиной и сыром. — Хорошо спалось? Что снилось?

— Ничего. А что? — спросила ошеломлённая младшенькая.

— Да, так. К слову. — Владлена дожевала кусок. — Раньше — помнишь, Мари? — мы всегда рассказывали друг другу свои сны, потом сочиняли из них всякие истории. Помнишь?

— Помню... — пробормотала Мари. Она удивилась очень: уже лет десять как Влади сама перестала ей рассказывать по утрам за завтраком свои сны, объяснив, что «ей надоели эти детские глупости». Теперь двадцатилетняя Владлена сидит за столом в очаровательной небесной пижаме, пушистых розовых тапочках с зайчиками и уминает бутерброд.

— Ну, так что же тебе снилось? — с легким нажимом спрашивала сестра.

— Да... Так... ничего особенного. Я же говорила...

— А у меня был весьма интересный сон, — включилась в разговор сестёр Элизабет.

Владлена непонимающе уставилась на Элизабет:

— Прости, Лиззи, но я тебя не спрашивала. — Чем мягче была внешность Владлены тем жёстче показались её слова. — Я спрашивала про сон у Мари, а, следовательно, разговаривать я собиралась с ней. Твои глюки, Лиззи, меня не интересуют.

— А я тебе уже всё сказала, — твёрдо вставила младшенькая.

Влади меланхолично огляделась вокруг и вышла из кухни, энергично шлёпая зайчиками. Мари перевела взгляд на Лиз: та с трудом сдерживала слезы.

— Лиз, о боже... Лиз, прости её! Она просто не понимает! — Мари обошла стол и обняла мачеху.

Женщина тряслась в рыданиях в объятиях.

— Н-нет... Думаю, она всё... отлично понимает...

* * *

Ещё через час Мари выскользнула на улицу. Ей вовсе не хотелось, чтобы Лиз и Влади узнали, что за ней кто-то зашёл. Вроде бы умом она понимала, что в этом нет ничего предосудительного, но каким-то внутренним чутьём знала: так надо.

Ждать пришлось недолго. Спустя минуты три высокая чуть полноватая шатенка в открытом розовом платье с пышной длинной юбкой, крайне необычной для банального мегаполиса в начале XXI века, перешла дорогу и оказалась в трёх метрах от девочки.

— Мари! — она радостно взвизгнула и кинулась обнимать её, словно они были не один десяток лет знакомы. — Здравствуй! Как же я рада тебя видеть!..

Едва только хватка ослабла, и Мари сумела набрать воздух в лёгкие, она спросила:

— Ты Жюли? — но ответа не последовало.

— О, Мари! Ты даже представить себе не можешь, как я мечтала об этой секунде! Ричард много о тебе рассказывал...

— Но я знакома с Ричардом не много лучше, чем с тобой...

— Оу! Как я рада, что ты так хорошо меня знаешь!! — снова взвизгнула та. — Знаешь, — заговорческим шёпотом заговорила она на ухо Мари, — у меня есть задание.

Мари скептически приподняла одну бровь.

— И не удивляйся! Должна же верная секретарша хотя бы раз в сорок лет получить

повышение! А то телефон да печатная машинка, печатная машинка да телефон... Ну, таччилд для разнообразия. Тоска!

Жюли схватила Мари в охапку и потащила на противоположную сторону Уэйт-стрит.

— Мари-Мари... Ну и одежда на тебе... — запричитала секретарша.

— А что с моей одеждой? — Мари остановилась и посмотрела на себя — джинсы, кеды и клетчатая рубашка. — Да всё норм. Я всегда так хожу...

— О, какой позор! — в сердцах воскликнула спутница. — Вот посмотри на меня. — Она с гордостью окинула взглядом своё платье-взрыв-из-прошлого. — Супер, правда?

И снова брови Мари поползли вверх, изображая скептическую гримасу.

— И знаешь, Мари, я тебе даже покажу местечко, где можно купить вот такую же классную шмотку... — но она не договорила — в недрах розовой юбки зазвенел телефон.

— Ой! Прости, одну минутку... — Жюли реально потребовалась почти минута, чтобы найти в складках платья карман, где затерялся аппарат. — Да... Да... я помню, — она прикрыла лицо рукой, будто бы подавляя зевок, однако Мари почему услышала сдавленное хихиканье. Этого было достаточно, чтобы позитивный настрой почти прошёл. — Да... значит... значит так? Ладно, сделаю... — Продолжала говорить Жюли. — Хорошо-хорошо... я поняла... моя... мой господин. — И она закрыла телефончик.

— Ричард звонил? — тихо спросила Мари.

— Угу... Безумец! — Жюли тихо и не очень-то искренне выругалась. — А, впрочем, может, и к лучшему! В таком случае, нам стоит поторопиться!!

— А что же случилось?

— Ты всё узнаешь, — Жюли бесцеремонно схватила её за руку и потащила за собой вглубь города.

Минут через пять Жюли торжественно остановилась на пустынной грязной улочке перед изрядно потёртой телефонной будкой. На будке висела табличка, наверное, тридцатилетней давности: «Временно не работает».

— Заходи! — скомандовала Жюли.

— Зачем? Он же не работает! — воспротивилась Мари.

— Мари! Заходи!

— Ну, да ладно, если тебе так надо... — она открыла дверцу и, едва только её обе ноги коснулись пола с резиновым ковриком на нём, она полетела вниз. Падение продолжалось считанные мгновения. Девочка открыла глаза — та же самая улица, та же телефонная будка, но улица заполнена людьми, огромными магазинами в неописуемо красивых домах, свет преломляется в клубах синей дымки, которая стелется по земле, и разливается всюду.

Пересилив вопившее во всё горло чувство самосохранения, Мари вышла из будки. Спустя секунду оттуда же вышла и Жюли.

Это было странное, потрясающее ощущение: будто бы она всю жизнь была пустым сосудом, бессильным, безвольным, нечего не значащим — но теперь какая-то неведомая сила хлынула в неё бурным потоком. Это было что-то сродни опьянению и чувству пробуждения одновременно. Но Жюли, очевидно, было не до этого.

— Ну как, нравится? — самодовольно спросила она.

— Не то слово... — Мари чувствовала себя словно во сне. — Где я?

— В преисподней.

— Что-о?!? — Мари обернулась и посмотрела в весёлые серые глаза своей проводницы. — Я что, умерла?

— Сплюнь! — и она засмеялась. — Это просто так называется. Мы просто под землей.

Мари задрала голову вверх — и поняла, что да, действительно, солнца нет. Где-то за тонкими рамками ослепительного света, который, казалось, излучало здесь всё вокруг одновременно, была пугающая мгла.

— Здорово... — согласилась Мари. — А откуда свет? Мы же ведь под землёй.

— О! Закономерный вопрос. Знаешь, все, кого ты здесь сейчас видишь — белые маги, и их духовного света, более чем хватает для освещения!

— Да, ладно. Тогда они бы и светились изнутри, как радиоактивные. — Мари сложила руки на груди.

Жюли оторопела от такого скепсиса неофита.

— Ну, да, ты права. На самом деле некоторые ухищрения и пара сот непростых заклятий, которые поддерживает Ричард, делают это место таким, каким ты его видишь. Ох, да что же мы стоим! — вдруг спохватилась Жюли. — Я же ведь тебе обещала кое-что показать и кое-что приобрести.

— На какие шиши? — Мари начала раздражаться. Жюли её нервировала. Худшего проводника представить было сложно.

— Мари, ты с ума сошла? Твоих денег и не хватит? Ты хоть не забыла ещё, кто ты?

— Понятия не имею, кто я. Я просто Мария Амалия Курт...

— Я не об этом! — засмеялась Жюли. — Ты хоть знаешь, кем ты являешься в преисподней белых магов?

— Нет, с чего бы мне знать. — Её раздражения рвалось наружу, и краем глаза она отметила, что странная синяя дымка так и вилась вокруг неё. Ощущение того, что она пустой сосуд, почти пропало. И чем больший прилив сил она ощущала, тем сложнее было справиться с эмоциями.

— Мари, ты — наследница престола и Ричарда.

— То есть, Ричард — властелин этого места? — задала она, вроде, закономерный вопрос. И тем удивительнее было видеть, как Жюли замялась.

— Я думаю, чуть позже тебе объяснят.

— Нет-нет, скажи!

Эта странная женщина встала посреди дороги, помяла в руках складки юбки...

— Как бы тебе объяснить... Не всегда тот, кто находится на престоле, правит... — Она будто бы расстроилась. — Давай, не сейчас. Ты действительно со временем поймёшь, но сейчас нам пора идти.

— Куда?

— В резиденцию королевы.

Буквально через десять минут Мари и Жюли стояли перед воротами огромного белокаменного дворца с серебряными шпильями.

— Какая красота... — прошептала Мари.

— Мда... Недурно, — ответила Жюли с завистью.

Мари ничего не ответила и лишь поспешила ко входу, поражённо оглядываясь по сторонам. Если бы ей кто-то сказал сейчас, что она под землёй, куда глубже, чем метро или подземные парковки, глубже многих шахт, она бы не поверила. Свет разливался, словно солнце перестало быть в одной точке, и разлилось по небу, обрамляя его. Люди вокруг казались красивее, камни мягче, а трава зеленее. И при этом всё было реальным.

Мария улыбнулась сама себе твёрдо прошла по дороге, в конце которой, у входа в

резиденцию, стояли лакеи в тёмно-зелёных ливреях с серебряными галунами. Они отворили огромные двери из светлого дерева с серебряными ручками. Мари сделала несколько шагов и остановилась не в силах продолжать свой путь — так поражена она была великолепием. Серебряные узоры то растворялись, то вновь проявлялись на белой лакированной мебели и стенах. Две огромные лестницы по бокам с белоснежным пушистым ковром вели наверх и были настолько высоки, что, казалось, упираются в самое небо.

— Думаю, ты не скоро привыкнешь к такой роскоши... — протянула Жюли, оглядываясь с явной завистью.

— Отчего же? Я уже привыкла! Словно впервые дома оказалась... Конечно, я люблю наш коттедж на Уэйт-стрит, — начала она шёпотом оправдываться, — да вот только там размах не тот.

Раздвинулись двойные двери меж лестниц напротив девушек, и оттуда вышла невысокая светловолосая женщина в богато украшенном платье с широкой юбкой. Рядом с ней проскользнул высокий сухопарый старик в тёмно-коричневом сюртуке, чёрных чулках, тупоносых туфлях с серебряными пряжками и в высоком завитом и напудренном чёрном парике. Он держал в руках что-то вроде трости с большим серебряным набалдашником, который для Мари с неожиданным стуком ударился о мраморный пол.

— Королева Амалия! — торжественно провозгласил он и с пафосом поклонился. Было видно, что он делал это тысячи раз в своей жизни, а ещё видно было, что он хотел, чтобы это перед ним отворяли двери и торжественно провозглашали его имя.

Женщина сделала несколько шагов по направлению к пришедшим, и Мари смогла чуть лучше разглядеть её. Она могла бы быть красавицей, если бы не выражение усталости от безделья на её лице, не потухшие глаза, которые, казалось, давно уже лишились жизни. Девочке внезапно стало не по себе: её показалось, что если этой женщине закрыть глаза — то её невозможно будет отличить от мертвеца.

— Здравствуй, Мария Амалия. Ты здесь лишь потому, что этого захотел мой советник, Ричард. По его словам, ты обладаешь невероятными способностями...

— Всё, что я умею — это только двигать предметы на расстоянии, — перебила королеву, разведя руками Мари. — Вы, наверное, ошиблись...

Королева Амалия хмыкнула:

— Что я могу сказать, милочка: во-первых, у нас беда с этикетом, а во-вторых, сроки твоего обучения были настолько малы, а результаты настолько впечатляющими, что не стоит делать скоропалительных выводов.

— Какое обучение?... — Опешила Мари.

— С тобой общались какие-то десять минут по таччилду — и книги стали двигаться. Неужели ты считаешь это нормой? — Спросила королева.

— Ну что ж, видимо, не мне об этом судить, — попыталась улыбнуться Мари, но улыбаться этой женщине ей почему-то совершенно не хотелось. — А можно у вас спросить, пользуясь случаем?

— Спрашивай, — пренебрежительно кинула в её сторону королева.

— Вы же белые маги?

— Да, — было заметно, что королева удивлена такому вопросу. — А почему ты спрашиваешь?

Мари промолчала, говорить то, что она увидела, ей совершенно не хотелось.

— Что ж, сейчас пока можешь пообщаться с Жюли, она покажет тебе дворец, твои

покои. В ближайшее время начнутся занятия. — С этими словами она уже развернулась и собиралась уходить.

— Можно ещё один вопрос?? — почти вдогонку спросила Мари.

Амалия вполоборота посмотрела на неё, вскинула бровями, так и говоря: «Что ещё-то?»

— Почему вы выбрали меня? Зачем я?

Королева на мгновение задумалась, подбирая слова:

— Когда уже так много сил, работы вложено в какой-то продукт, не стоит отказываться от него из-за крошечного брака, ведь так? Ричард выбрал тебя, и я верю его выбору.

— Но где он сам? Почему он не встречается меня? Я только и слышу «Ричард, Ричард, Ричард» — но я даже не знаю, кто он такой!

— Ты еще успеешь познакомиться с ним. Боюсь, даже, он успеет утомить тебя. Сегодня я просто выполняю его просьбу. — Она быстро развернулась и, словно боясь еще вопросов, покинула зал.

Церемониймейстер поспешил следом за ней.

Мари обернулась: ни лакеев, ни других слуг уже не было за спинами её и Жюли.

— Пойдём мерить платья? — обернулась к ней секретарша.

— Жюли... А всегда так?

— Ты о чём? — искренне удивилась та.

— Не бери в голову! — Мари сделала вид, что ей действительно всё равно. «Платья? Что вообще в голове у этой бабы??» — Пойдём, если так надо.

* * *

Светловолосый лакей поправил зелёную ливрею с серебряными галунами и провёл рукой по напوماженным волосам. Внезапно в комнате послышались голоса быстро приближающихся женщин.

— Oh! Mon cher! Cest charmant! Quel belle... Oh! Mon Marie!!..

— Да ладно тебе! Платье с нафталином...

— Oh! Quel belle fleurs...

Жюли тащила Мари по галерее мимо множества зеркал.

— О, ma Marie, тебе так идёт белый цвет!..

Неожиданно в голове Мари зазвенел какой-то фальшивый колокольчик.

— Ах... таччилд... — она вытащила его из-за пазухи, пролистнула и увидела слова, написанные грязно-синим с разводами: «Мари, необходимо встретиться. Я подойду через пять минут к воротам резиденции. У меня крупные неприятности, необходима твоя помощь. Не обращай внимания на почерк — я пишу на коленях и в чужом таччилде. Ричард».

«Да, конечно!» — написала быстро Мари, но тетрадку сразу не закрыла.

Светловолосый лакей быстро вышел из зала.

Жюли заглянула через плечо Мари в таччилд.

— Эй! Ты что, с ума сошла?! Что за бред!

— А что? — вздрогнула Мари.

— Поверь мне, не тот человек Ричард, чтобы у кого-либо просить о помощи. Это у него просят поддержки, денег... Чего угодно. Но не он у кого-то. Знаешь, сколько ему лет? Лично я даже представить боюсь... А во-вторых, из какого бы таччилда человек не писал, его почерк и аура никогда не изменяются, разве что сам человек может измениться... Но это может произойти только со временем, а тут и двух дней не прошло! — объяснила Жюли.

— Значит, это был не Ричард?

— О, Господи, ну, конечно же нет! У Ричарда другой почерк и совершенно другой цвет, а этот или эта... Я даже определить не могу! — слизняк жуткий, судя по всему — ты только посмотри, какие подтёки. Да и цвет тошнотный... Я тебе, Мари, так скажу — самая главная прелесть таччилда в том, что он не просто передаёт информацию, а показывает душу, эмоции человека. Поэтому тёмные не очень-то любят эту штуку, у них в приоритете игрушки обывателей. Так-то.

Жюли замолчала и убеждающе посмотрела на Мари.

— В таком случае, кому и зачем потребовалось выманить меня из дворца?

— Это может быть на руку тёмным, — серьёзно ответила Жюли. — Но они сюда не приходят. Тёмная магия здесь блокируется благодаря Ричарду. Да и к тому же, многие из нас видят ауры — сложно остаться инкогнито, если ты на самом деле не белый.

— Ауры?? — вот это точно что-то новенькое.

— Ну, это не всем под силу, — ехидно заметила Жюли. — Кто-то учится этому всю жизнь, а кому-то дано от рождения. Ты, скорее всего, научишься...

— Чем белые отличаются от тёмных? Что за странное деление?

— Оно условное, конечно, — Жюли улыбнулась. — Разница в том... Хм, как бы объяснить... У нас разные ценности.

— Прости, я не понимаю. — Мари нахмурилась. Пока белые вовсе не казались ей теми святошами, какими они хотели казаться. — У меня и у моей сестры тоже разные ценности, но это еще не значит, что мы не одна семья.

— Ох, ну вот это довольно скользкая тема... — Жюли замялась. — Мы обращаемся к разным эмоциям, когда творим магию. И магия света — она не про вещи, а про дух. Белые маги часто здесь не живут, а только появляются время от времени, чтобы восстановить силы. Это могут быть творческие люди, которым магия сама по себе не очень-то интересна.

— То есть, чтобы быть белым магом, нужно быть пушистым зайчиком?

— Ну, можно и так сказать, — Жюли рассмеялась. — Но, знаешь, я не сказала тебе самого главного. Тебе надо находить время и для этого места, и для своего дома. Но лучше бы ты осталась здесь насовсем.

— То есть, ты хочешь сказать, я сейчас должна вернуться домой? Или...

— Или лучше для всех, чтобы ты всегда была здесь.

Мари крепко задумалась. Всё происходящее ей сильно не нравилось. Как будто всё, что происходило сегодня, шло не по плану. Но это чудесное ощущение колоссальной силы внутри неё немного примиряло с действительностью.

— Значит, я — наследница Ричарда, но он меня почему-то не встретил.

Жюли покраснела.

— И я должна появляться зачем-то здесь, чтобы делать что?

— Учиться у него, — поспешно ответила Жюли. — И не только магии. Он не только сильнейший из нас, благодаря кому тёмные еще не истребили нас, он еще и политик. Ричард потратил слишком много сил на всё это, пока не нашёл тебя. Он понял, что в тебе огромный потенциал. И... — Жюли снова замялась. Она выдавала информацию неохотно, как будто не должна была этого делать, — белых меньше, чем кажется. А ещё меньше тех, кто готов создавать и поддерживать наш мир. Ричард долго возился с тобой...

— В смысле? Я вообще не знаю Ричарда! Я с ним лишь один раз разговаривала, и то через таччилд! — взорвалась Мари.

— Это неправда.

— Нет, правда!

— Я не буду спорить, — осадила её Жюли. — Но факт остаётся фактом — ты необходима преисподней. И ты должна хотя бы раз в пару дней появляться здесь. Это очень важно! Ты должна быть здесь!.. Тем более, Ричард очень скоро умрет. Уже были предвестия. А замены нет. Точнее, не было. Королева Амалия, — Жюли снова покраснела и тихо добавила, — ничего не сможет противопоставить тёмным без него. В тебе бездна сил, Мари. И он понимает, что эта бездна необходима здесь. И поэтому ты должна быть здесь.

— А есть другой вариант? — спросила Мари. — У меня есть своя жизнь, и это всё слишком неожиданно. Как я смогу объяснить своим родным, что я вечно где-то пропадаю? Мне не будет хватать времени!

— Можно решить проблему радикально. Сделать так, чтобы все думали, будто ты умерла.

Мари остолбенела. Не, ну а что, действительно радикально, и не поспоришь. Она нервно рассмеялась:

— Н-нет, пожалуй, на такое я не готова.

* * *

Стоя на пороге дома № 19 по Уэйт-стрит, Мари ещё раз посмотрела на часы — 22:30. Осторожно открыла дверь, протиснулась в прихожую, облегчённо вздохнула. И в этот момент зажётся ослепительный верхний свет. Мари невольно зажмурилась.

— Ты где была? — нависла над ней Влади.

— Я? Я... Я гуляла.

— Ах, ты гуляла!.. Ты почему телефон не взяла? Ты хоть представляешь, сколько я нервов потратила из-за тебя?!

— А где папа и Элизабет? — тихо спросила девочка, ежась под взглядом сестры.

— Ушли в ресторан.

— Хорошо, что их нет...

— А то бы устроили тебе допрос с пристрастием!! — Влади выругалась, выключила свет и в полной темноте поднялась наверх.

Мари пожалала плечами и побежала к себе.

Спустя полминуты она стояла по середине своей комнаты, в нерешительности глядя на клочок бумаги в руке. Жюли посоветовала ей сделать портал у себя дома, который бы сразу переносил её в резиденцию. Подготовка во дворце уже была сделана, и теперь Мари не могла решить, где же ей сделать дверь. Наконец, она остановилась на ванной. Мари взяла красный маркер, направилась туда, и прямо на кафеле очертила дверной проём. Подумала о хорошем, глубоко вздохнула и коснулась ладонью нарисованной линии.

Линия коротко блеснула и красная линия маркера пропала. Мари слегка надавила на стену с кафелем, магическая дверь без звука поддалась. Девочка просунула в щель голову и с удовлетворением огляделась — её светлая с серебром спальня в резиденции королевы.

И она закрыла дверь.

* * *

— Прости, Дюва, у меня ничего не вышло... — Бомптириус стоял перед тёмной княжной в её приемном кабинете и невозмутимо чистил отточенной спичкой зубы.

— Что? — тёмная княжна вскочила со своего места и схватила за зеленую ливрею Бомптириуса. — Ты что несешь?

— Не вышло, и уже не выйдет. Ты сказала, что нужно избавиться от наследницы, пока еще она не была здесь. Всё, уже поздно. — Он говорил это легко, буднично и будто бы с облегчением. — Если бы не шпионы, я никогда бы не узнал, что Амалия решила выдернуть её раньше. Я и так наскоро...

Дюва влепила ему пощечину. Зубочистка вылетела из его рта.

— Тряпка! Она еще ничего не умеет, и ничего тебе не сделает. Избавься от неё любым способом! Возьми любое оружие, любой яд, но только избавься!

— Ты же хотела, чтобы это было так, будто это сделали белые?

Серьги-удава топорщились в разные стороны, их глазки-изумрудинки вылезали из орбит. Дюва с ненавистью оттолкнула белого.

— У тебя еще есть время, — шипела она. — Еще пара недель, месяц — у тебя еще будет шанс. И если ты упустишь его, путь на Лысую Гору тебе будет заказан.

Бомптириус побледнел:

— Я избавлюсь от неё, чего бы мне это ни стоило.

* * *

На следующий вечер Мари сидела в гостиной с отцом и Элизабет. К ним снова пришёл на огонёк и мистер Риддл. Было тепло и сонно, чай остывал в кружках, лежали сыр и ветчина, половина нарезанного домашнего торта.

Лиз сидела, приобняв Мари, рядом. Было видно, что и она почти дремлет. Сонно, ленно, сытно и тепло... Папа и его друг о чём-то не очень оживлённо беседовали, будто пытаются продлить эту посиделку. Спустя пару минут Элизабет особенно сладко зевнула и сказала, что пойдёт спать. Дэниел, словно его что-то толкнуло, поднялся за ней наверх.

В комнате остались только Мари и мистер Риддл.

— Привет, наследница. — Улыбнулся папин друг.

Весь сон будто тут же испарился. Мари недоверчиво разглядывала вроде бы прекрасно знакомого ей человека.

— Извини, что раньше не открылся тебе... Как ни странно, когда слышишь поразительные вещи от чужих людей, им веришь. Правда?

— Ричард? Ричард Риддл?...

Он только улыбнулся.

— Зачем тогда был этот спектакль? Зачем меня было знакомить с этой странной...

— Жюли?

— Нет, Жюли вполне адекватна, — рассмеялась Мари. — Королева... Она странная.

— Она просто больна. Не только обычные люди бывают душевно больны, но и маги. И это страшно. — Он покачал головой. — Она слабая...

— Я ещё не видела кого-то действительно сильного, — возразила Мари. — Даже странно, насколько мало пользуются магией. Как будто это ненужно! Ведь столько можно было бы...

Мистер Риддл поднялся с кресла:

— Прогуляемся немного? — и он не торопясь вышел на улицу.

Мари поспешила за ним. Ричард Риддл стоял, замороженный, глядя на звёзды.

— У каждого есть свой потенциал, — заговорил он, — чем меньше ты его растрачиваешь, тем дольше живёшь. Белых на самом деле тысячи, и лишь единицы живут в преисподней. Большая часть предпочитает прожить всю жизнь среди обывателей. Они бывают чаще всего учителями, медиками, писателями, художниками... Они могут и не знать, кем являются. Они могут жить много-много лет. А вот тёмные... Хм, это интересно. Они любят магию во всём, по поводу и без. Живут меньше, но не все... Поразительные люди. Лживые и такие честные, что зубы сводит! — Ричард усмехнулся. — Когда-то я хотел быть тёмным. Мне сулили невозможное. А я выбрал... — Мари показалось, что в его голосе мелькнула тень разочарования. — Что выбрал, то и выбрал. — Отрезал он и вздохнул.

Они, прогуливаясь, ходили туда-обратно по улице, не выпуская из виду дом.

— Мистер Риддл, а почему я?

— Ну, не твоя же сестра!

— Почему?

Он как-то совсем по-старчески крякнул.

— Всею своё время, Мария.

Ветер шевелил волосы девушки, раздавался тихий звук шагов. Порхали ночные мотыльки. Изредка проезжали машины.

— У меня осталось мало времени, Мари, — внезапно громко и чётко сказал Ричард. — А научить тебя надо очень многому. И очень быстро. Потому что уже сейчас у тебя есть враг.

— Кто? — удивилась она.

— Тёмная княжна. Когда-то одна из её предшественниц пыталась избавиться и от меня. Как видишь, я есть, а княжны нет.

Взгляд Мари потяжелел:

— Вы её убили? — переводя дыхание, спросила она.

Её спутник только улыбнулся.

— Зачем? Её время пришло само, без моего участия.

В это время они в очередной раз подошли к дому № 19.

— Пора бы мне домой. Передавай привет Дэну и ангелу. — С этими словами, будто между делом в его руках оказался кейс. — А мы с тобой ещё увидимся. — И он привычно взъерошил ей волосы.

— До свидания. — Пролепетала Мари, с запозданием осознав, что «ангелом» Ричард назвал её мачеху.

И господин белый маг исчез.

* * *

Прошла неделя.

Казалось бы, это должен был быть волнительный день для Мари, однако, к своему удивлению, она была презрительно спокойна. Королева Амалия, с того самого дня, как Мари впервые появилась в её резиденции, ещё ни разу не выразила желания пообщаться с ней с глазу на глаз. Возможно, её кто-то попросил об этой встрече... Иначе не стала бы королева Амалия общаться с наследницей с высоты серебряного трона в главном зале дворца. По крайней мере, у Мари никогда не вызывали доверия слова, сказанные под высокими сводами, которые, казалось, только и предназначены для громких и неискренних речей.

— Приветствую тебя, Мария, — равнодушно кинула в её сторону королева.

Мари сделал реверанс, которому её недавно научила Жюли.

— Доброе утро, королева Амалия!

Повисло молчание. Королева была самым воплощением скуки, а Мари было неудобно спрашивать королеву... Прошло несколько минут. Мари переступила с ноги на ногу.

— Я знаю, что у тебя есть вопросы ко мне. Задавай, — и Амалия отвернулась в другую сторону. Мари стало противно.

— Зачем вы позвали меня? — спросила она, заведомо зная, что вряд ли королева сможет дать внятный ответ. Или ей захотелось провокации? — Ричард попросил вас?

— Ты хоть что-то знаешь обо мне? — гневно сверкнув глазами, спросила у неё Амалия. — Ничего не знаешь.

— Мне казалось, что того времени, которое я провела здесь, вполне достаточно, чтобы узнать немного историю правящей династии, — настолько иронично, насколько позволяла обстановка, улыбнулась Мари. — И мне известна история о том, как ваш отец принял приглашение тёмной княжны... — Мари прервалась на полуслове: королева Амалия смотрела на неё с плохо скрытой ненавистью.

— И что я теперь могу поделать с этим?! — срывающимся голосом спросила она.

Мари даже оторопела:

— Как что? Поступать так, чтобы никто не смел припоминать былое...

Лицо королевы перекосила гримаса праведного гнева, которая обычно скрывает слабость.

— Ты — ничего не понимающая обывательница! Как ты смеешь?..

— Я лишь желаю вам добра!

— Иди вон!! — завопила королева.

Волна обиды, разочарования захлестнула Мари. Глупо-глупо было ждать чего-то другого от этой напыщенной, обиженной на мир суки. Она выбежала прочь из зала, ринулась по лестнице вверх в свои покои, заперлась и... истерично рассмеялась.

«Ничего! Я ещё им всем устрою! — Злоба разливалась по телу, будто горячительный напиток по венам. — Будет им наследница-праведница-поддержка-всего-сущего!»

Она нервно мерила шагами свою комнату.

«Чего я ожидала? Понимания от королевы или тёплых слов напутствия? — Так нет же!...»

Она остановилась на секунду, сделала глубокий вдох.

«Успокойся-успокойся, она того не стоит, — уговаривала она саму себя. — А то Ричард заметит, узнает... Успокойся!»

Ещё два десятка шагов туда-сюда... Снова глубокий вдох. Выдох.

Мари сжала кулаки и направилась в противоположное крыло, где её уже ждал Ричард. Они начали заниматься на следующий день после того, как он открылся ей. Занятия по большей части были ей в радость — она вообще любила учиться, и неважно чему. Но учитель вместо того, чтобы давать ей четкие инструкции, все время заставлял погружаться в себя, находить там источники силы и еще какую-то чушь. Практики было мало. Ричард заставлял её медитировать — но по большей части она спала.

Сила, которую она ощущала с каждым днём всё более отчётливо, будто бы не понимала, почему ей, наконец, не могут найти какое-то разумное применение.

Сегодня должно было быть очередное занятие, но именно сегодня она бы с радостью его избежала. Всё-таки наставник хорошо читал её душу.

Мари потянула на себя светлую дверь, за которой скрывался скромный кабинет, особенно для такого сооружения, как резиденция Амалии. Мари прощмыгнула внутрь и задержала дыхание, словно пытаясь таким образом утихомирить свою злобу.

Ричард повернулся к ней и сдержанно улыбнулся:

— Как успехи?

Мари не без труда растянула губы:

— Не так плохо, как может показаться...

— Встречалась с Амалией? — словно между делом спросил он.

— Да...

— И как? — Он с преувеличенным воодушевлением посмотрел на девушку.

— Бывало и похуже...

— Амалия — своеобразный человек, не всегда стоит воспринимать всё, что она говорит близко к сердцу... — неуверенно сказал он. — И всё же, Мари, как твои успехи?

Она грубым движением переместила со стола Ричарда чистый лист бумаги в свою руку и другой рукой, будто бы зажигалкой, подожгла её.

— Недурно-недурно, — улыбаясь одними глазами оценил учитель. — А если так? — он погасил свечу, которая одиноко горела в канделябре под потолком и лист бумаги, дотлевающий в руке Мари.

Девушка напряглась. Сегодня явно не её день... невыполненное должным образом домашнее задание. А она с таким упорством несла эту искру от зажигалки до этого дурацкого канделябра, надеясь, что Ричард не заметит её обмана. Перенести огонь было делом почти плёвым, однако создать его из небытия было задачей совершенно иного уровня сложности.

«Проклятье!» — ругнулась Мари про себя, продолжая тупо разглядывать то, что осталось от листка бумаги.

— Помнишь, о чём мы говорили накануне? Ничто не берётся из ничего, однако в твоих силах переместить элементы и заставить их взаимодействовать именно так, как тебе угодно. Ты можешь замедлить их ход — и нас скуёт холод, или же можешь ускорить, найдя и пищу для горения...

Девушка зажмурилась. Разумеется, она понимала всё то, что говорил ей наставник... Но говорить всегда проще! Хоть бы раз на собственном примере показал! А она понимала, что он может, она видела по его ауре, которые не столь давно начала различать, что он может всё... или почти всё. А он только говорит и говорит... Он-то может!

Из груди Мари вырвался сдавленный крик — и раздался вздох удивления мистера Риддла. Она открыла глаза: с удивлением разглядывая свои руки, она их не узнавала. Они были мужскими. И коричневый костюм... Листок выпал из рук. Она едва не упала от удивления.

Ощупала лицо и голову: щетина на лице и лысина на макушке.

— А-а-а-а-а-а!!!! — дикий крик разрезал воздух.

Мистер Риддл подбежал к ней. Глаза его были полны удивления и ужаса, губы его дрожали:

— Успокойся, Мари. Переведи дыхание... Спокойно... — Он говорил эти слова и будто сам следовал своим же указаниям. — Ты знаешь, кто ты, как ты должна выглядеть... Просто расслабься... Сейчас должно быть напряжение — а ты расслабься...

Мари закрыла глаза, тихонько выдохнула, с удивлением замечая, что злоба на Амалию

почти прошла — и почувствовала, что тело вновь принимает свои привычные очертания, и только одежда, преобразованная в запале, повисла на ней неуклюжим мешком.

— Что это было? — Едва выговорила она.

— Мари... Эм... Мари, ты — метаморф. — Не веря в свои слова ответил Ричард. — Ты можешь менять свою внешность так, как ты того захочешь...

— Это плохо?

— Это странно. — Нервно облизав губы, сказал он.

Она пробуравила его вопросительным взглядом.

— Обычно метаморфы только и могут, что менять свою внешность. В них заключена как правило огромная магическая мощь, которую они, тем не менее, не в состоянии выплеснуть за рамки собственного тела. Но это редкость, это аномалия, как сиамские близнецы... Метаморфов не любят и, как правило, боятся. Обычно они рождаются у тёмных магов, и это расценивается как оплата грехов, кара, месть свыше... Ведь как можно верить тому, чья природа изменчива? Понятно, что это пережитки Средневековья...

— Ричард, вы сказали, что метаморфы — дети тёмных магов? — не веря своим ушам переспросила Мари.

Тот только покачал головой, соглашаясь.

— Да. Как правило. Но... — он с опасением оглянулся на девушку. — В вашей семье есть к этому предрасположенность...

— То есть? — не поняла Мари.

Ричард поджал губы и отвернулся от Мари.

— Ступай домой. На сегодня хватит.

— Вы не хотите мне чего-то говорить? — постаравшись заглушить новую волну злобы, спросила девушка.

— Да, я хочу быть кое в чём уверенным, — негромко, будто самому себе ответил он.

«Кто знает, вдруг ты истинная тёмная?» — эту догадку он не посмел произнести вслух.

Мари сощурила глаза:

— Когда мне придти в следующий раз? Завтра?

Ричард вновь повернулся к ней, в задумчивости пожевал губы.

— Отдохни пока пару дней. А там продолжим.

Школьный коридор был всё тем же, и лица была теми же.

Мари шла легко, как будто бы это была и не она. Всё вокруг стало казаться каким-то глупым, незначительным, надуманным.

И эти уроки, в которых она раньше находила отдушину, сейчас казались глупым пересказом уже прочитанных ею учебников.

И эти дети вокруг — а они вокруг и правда были просто детьми, которые играли во взрослых со своими «очень важными разговорами» и любовными страданиями, — перестали её трогать.

Мари прошла к своей парте, выложила тетрадь и, подперев рукой подбородок, принялась ждать начала урока.

— Эй, Мэри! Мэри Поппинс...

Всё, да не все стали другими. Голос Майка по-прежнему заставлял дрожать. Однако сейчас эта странная сила внутри давала уверенность, которой у неё раньше не было.

Она подняла на него твёрдый взгляд:

— Да, Майк. Тебе опять нужны мои записи? — она помахала тетрадью.

— О, да ты научилась говорить? — он удивленно вскинул брови и обернулся к свите, ища поддержки.

— Ага, — она встала из-за парты и с удовольствием потянулась. — Ты хочешь получить мою тетрадь, да?

— Ну, да.

— Ну так давай, проси меня. — Она улыбнулась широко. «Как же это имя из сна? Анна? Анабель?..»

Майк натянуто рассмеялся, свита за его спиной зашипела.

— Ну ты мне всегда и так давала! — очевидная двусмысленность развеселила одноклассников. Краем глаза Мари отметила, что за ними наблюдает почти весь класс. Хм, всего-то ей нужно было твёрдо заговорить, чтобы приковать к себе внимание.

Она чуть прищурилась и попыталась ментально прикоснуться к Майку — его аура, полная самовлюбленного самодовольства, не несла в себе больше ничего интересного.

— А ты, оказывается, пустышка, — вырвалось у неё.

— Что ты сказала? — лицо Майка, которое она так долго представляла в своих розовых мечтах, как-то враз потеряло всякую привлекательность.

— Я так и не услышала просьбы.

— Я был с тобой вежлив, но сейчас я обещаю, что сделаю твою жизнь здесь невыносимой!

Мари приблизилась к нему вплотную. Эмоции зашкаливали, а сила, запертая внутри тела, требовала немедленного выхода. Она представила, как закидывает на его шею удавку и тянет за неё к парте: парень тут же, задыхаясь упал лицом на столешницу. Мари запоздало положила руку ему на голову, но, кажется, никто не заметил подвоха.

— Помнишь, сюда пару недель назад ввалилась моя сестра? Помнишь, Майки? — она наклонилась, и будто бы говорила только ему, но на самом деле говорила всем, кто с жадностью уставился на эту безобразную сцену. — Так вот сейчас я с ней согласна. Ты мне не ровня. — И она отпустила парня.

Наверное, теперь, в школу больше приходить не следовало...

— Королева Амалия решила устроить бал послезавтра, — так Жюли спустя пару дней после сцены в школе приветствовала вышедшую из портала Мари. — И всё из-за тебя.

Мари поморщилась. То, что говорила Жюли, стоило фильтровать и проверять.

— Ей просто скучно, я-то тут при чём? — Мари плюхнулась на огромную кровать, на которой ей еще ни разу не довелось даже переночевать. Самое большее, она валялась здесь с книжкой до или после занятий с Ричардом.

— Бал в твою честь, чтобы познакомить свет с невероятной наследницей великого белого мага. — Не понятно было, говорит Жюли серьёзно или издевается. Вдохновенное полное лицо, обрамлённое кудряшками, выражало крайнюю степень воодушевления.

— И что требуется от меня? Просто быть там?

— Конечно же не только это! — Жюли набрала в грудь побольше воздуха и принялась перечислять: — Ты должна встретить гостей, уделить каждому своё внимание, познакомиться. Но прежде! — Жюли испуганно посмотрела на Мари. — Ох, Мари, прежде

всего тебе нужно выучить, кто есть кто среди гостей!..

— Амалия просто решила поиздеваться надо мной... — Девушка вздохнула. — Ну, конечно. Она хочет, чтобы я глупо улыбалась и что-то мямлила. Сколько планируется гостей?

— Около тысячи, — упавшим голосом отвечала Жюли.

— Без шансов. Я смогу выучить только несколько ключевых персон за это время. — Она вскочила с постели. — Ну и чёрт с ними и с Амалией, — она до хруста потянулась, — я просто буду там. А ты мне поможешь, ни на шаг не отойдёшь, правда, Жюли?

Тучная фрейлина покорно вздохнула.

Сотни хоть сколько-то значимых белых магов пришли в этот вечер в резиденцию королевы. Блестяще одетые, молодые и старые, все они прибыли на её зов, желая познакомиться со своим будущим.

Интересно было наблюдать за движением толпы минут десять — потом рот сковывала зевота, которую следовало тщательно скрывать. Однообразные, ничего не значащие разговоры, дежурные любезности и далеко не самые лицеприятные комментарии Жюли, которые у наследницы вызывали лишь отвращение и только усиливали скуку.

— Мари, видишь старую швабру в бардовом?.. Мария, позвольте вам представить графиню де Глюк, умнейшая ведьма со множеством учёных степеней во всевозможных областях знаний, председатель общества защиты древних фресок, около двухсот лет назад была фрейлиной королевы Луизы, супруги короля Фердинанда XXVI... Надеюсь, недолг осталось ей воздух портить... Господин советник, добрый вечер! Как поживаете?.. У него тёмные корни, и родственники на Лысой Горе. Я не представляю, за что Ричард держит его здесь!.. О, моя милая, милая Вероника! — Жюли походя «расцеловалась» с дамой с дрожащей собакой под мышкой. — Как твои дела?.. Эта красотка была любовницей покойного короля. Амалия до сих пор её недолюбливает...

Голова шла кругом, и больше всего хотелось сбежать.

Даже лакеи были словно напояжены жирнее обычного, и серебряные пуговицы будто ярче блестели на фоне их зелёных ливрей. Нанятые официанты бегали за гостями, подбирая пустые бокалы. Мари видела, что они — тоже маги, но что-то в них настораживало, и Жюли, как назло отошла, спросить было не у кого...

— А тёмные на слуг обычно денег не тратят, — прозвучал над ухом наследницы насмешливый мужской голос.

Мари резко обернулась: перед ней стоял высокий блондин, почти альбинос, на вид лет тридцати пяти. Но взгляд светлых глаз был совсем мальчишеским.

— Они оживляют мертвецов, приводят их с помощью всем известных манипуляций в приличный вид... да и запах, и используют ровно до тех пор, пока слуги не начинают разваливаться. Только очень-очень богатые люди могут позволить себе одного-двух живых слуг. И дело даже не в деньгах, а в том, как к этому относятся.

Мари расширенными от ужаса глазами смотрела на него. Собеседник усмехнулся и церемонно поклонился:

— Следовало представиться раньше. Бомптириус Славный, посол тёмной княжны и Прабеле. — Он лукаво улыбнулся. — Однако мало кто об этом знает.

— Господин Бомптириус! — Мари пришло в голову, что то, чем её пугали, совсем

близко. И совсем не страшно. А потому можно и спросить о том, что действительно её интересует. — А... а... расскажите мне о тёмных магах, пожалуйста.

Он удивленно глянул на неё и прикусил губу, будто решая непосильную задачку.

— Рассказ получится запутанным, жутковатым и однообразным... Хотя, — лицо его неожиданно прояснилось, — наверное, что-то ценное поведать наследнице великого мага я всё же смогу... Однако здесь шумно. Может, выйдем в парк?

— Да, конечно! — восторженно согласилась она.

А упустившая свою подопечную из виду на какие-то жалкие три минуты, Жюли уже громко звала Марию, но та не слышала её, покидая толчею светломагического сообщества.

Глава 3. Надевая маску

— ...Соберись, тряпка! Соберись! Не будь трусом!! Ну, что стоит!.. м-м-м... Дурак! Дурак! Дурак!.. Проклятье... это же так просто! Тряпка!..

Мари с трудом разлепила глаза — и почти оглохла от собственного крика, который отразился эхом. На её горло острием вниз был направлен нож. Человек с ножом, кажется, испугался больше неё самой, и заорал в унисон. Он, всё же оцарапав её, вскочил на ноги и схватился за голову, едва не плача. Мари потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в нём Бомптириуса.

Она с трудом села под завывания тёмного и огляделась. Ощущение было, словно она в подвале: темно, влажно, гулко. И крайне неудобно.

— Зачем? — спросила Мари.

— Приказ, — всхлипывая, ответил тот.

— Чей?

— Тёмной княжны. Она боится тебя.

— Я её не знаю, мне нет дела до неё...

— А ещё ты не нужна королеве Амалии, — Бомптириус последний раз всхлипнул.

— О, чёрт... — Мари потерла рукой лоб, и только потом сообразила, что руки у неё не очень чистые. Её похититель особо не заморачивался, и положил её прямо на земляной пол. — Думаю, мне стоит вернуться.

— Нет! — он вскочил на ноги и, забыв, что нож до сих пор в руках, едва не порезал себя же. С омерзением откинул лезвие подальше. — Амалия не отпустит тебя живой, так или иначе. И даже Ричард тебе не поможет. Ему уже устроили проблем, его даже не было на приёме.

Мари с большим сомнением смотрела на похитителя.

— Тогда мне тем более стоит вернуться и помочь ему.

— Ты придёшь обратно — и тебя тут же назовут предательницей. Просто за то, что ты ушла со мной. Им этого будет достаточно. Амалии этого будет достаточно, чтобы линчевать тебя. Ты не уйдёшь живой от чокнутой королевы.

Кровь застучала в висках. До этого момента, всё, что касалось магических дел, было для Мари чем-то вроде забавного хобби, тем, чем она занималась после школы и до семейного ужина. До неё только сейчас начало доходить, что это — самостоятельный мир, и её роль в нём решается здесь и сейчас.

Ясность мысли возвращалась с трудом. Но где-то в глубине души Мари знала, что Бомптириус прав: Амалия всем сердцем ненавидела её, и не скрывала этого. Но стала бы она так рисковать?

С другой стороны, когда рисковать, как не сейчас, когда Ричард слаб уже, а она, Мари, — ещё?

— Врёшь, лживый тёмный, — прошептала она. — Мне не нужна Амалия! Есть же Ричард!..

— О нём забудь. — Отрезал Бомптириус. — Я же сказал...

— Я не верю, что он так просто бросит меня, — упорствовала она. — Он много лет искал кого-то с моим даром и много сил потратил, чтобы...

— Сейчас для него в приоритете семья. Просто поверь.

Мари прищурилась, словно пытаюсь понять, что же задумал этот странный маг.

— Почему я должна верить тому, кто минуту назад хотел меня убить?

— Да, не хотел я! — заломил в отчаянии руки тёмный. — Никогда никого не убивал...

Я не могу!

Мари удивлённо смотрела на него:

— Но ты же тёмный...

— Я не убийца! Я лишь придворный белый маг у тёмной княжны! И только поэтому княжна Дюва попросила именно меня. Потому что только я мог пройти в Прабел. На резиденции королевы стоит одно из заклятий Ричарда. По всему их городишку воет сирена стоит сотворить хоть малейшее темное колдовство.

— Я не верю ни единому твоему слову. — Немного подумав, сказала она.

Бомптириус только горько усмехнулся:

— И не верь! Вспомнишь меня, когда тебя казнят!

— Да за что? — Мари, наконец, пошатываясь поднялась на ноги. Они были в каком-то туннеле. Капала вода. Голова раскалывалась.

— О, Амалия найдёт, не переживай! — тёмно-белый оперся на влажную стену. — Если выплывет, что ты жива, меня убьёт Дюва. Тебе нельзя показываться ни у белых, ни у обывателей, ни у тёмных... А к отщепенцам и даже я не пойду... Надо было убить тебя, пока ещё был шанс, — он снова схватился за голову.

Это было так странно: он словно бы и правда переживал за неё, хотя вслух жалел, что не убил. Мари стало жаль его. И появилась одна мысль. На самом деле, она давно уже вынашивала её, но идея эта была слишком безумна, чтобы так просто претворить её в жизнь.

Она вспомнила, как по чистой случайности стала Ричардом. Тогда её разрывали эмоции. О, сейчас эмоций тоже было с избытком! Жгучая ненависть к Амалии, страх, непонимание, растерянность — вряд ли хоть что-то из этого можно было применить для белого волшебства! Тело, казалось, только и радо было отозваться на любую её магическую команду.

— Бомпти, — почти нежно обратилась она к тёмному, — у меня есть один секрет.

Бомптириус поднял на неё глаза... и увидел сам себя: белые волосы, собранные в грязный хвост, испачканная белая рубашка с кружевными манжетами и расстёгнутая зеленая ливрея с мокрыми пятнами.

— О, Мрак... — у него подкосились ноги, и он попятился от своего отражения.

— Я — метаморф, и я попытаюсь сделать так, чтобы меня не нашли белые. — Даже голос был не её, и Мари изо всех сил пыталась сделать вид, что её сама это несколько не удивляет. Она мысленно выдохнула, расслабилась и снова стала собой. В этот раз одежда и драгоценности, которых не пожалели для бала, вернулись на место.

— Да тебе сам чёрт не страшен, — пробормотал Бомптириус.

— Тогда, может, я просто вернусь обратно, и дело с концом?

— Вот же глупая баба! — он схватил её за руку — и Мари показалось, будто её протащило через игольное ушко, вывернуло на изнанку и вернуло обратно. На секунду она будто оказалась в звенящем тишиной вакууме, а потом снова ощутила мир вокруг себя.

Она едва не упала, когда это кончилось, и только Бомптириус удержал её от падения:

— Смотри внимательно, и больше не спрашивай, можно ли тебе вернуться, — он повернул её голову, и Мари поняла, что стоит за их коттеджем № 19 по Уэйт-стрит, а по

углам улицы ошиваются несколько странных людей, в знакомых голубых мантиях.

— Наверное, это Ричард просто прислал охранять... — проблеяла она.

— Это личная гвардия королевы. И с чего бы Ричарду начинать тебя охранять именно сегодня? — процедил он, снова схватил за плечи, и её снова протащило через вакуум. Мари запоздало сообразила, что это телепортация. Второй раз, казалось, было проще — её тело быстрее неё самой понимало, как правильно применить любую магию, стоило просто перестать сопротивляться.

На этот раз они стояли в тени кустов, рядом с резиденцией королевы. Бал в честь наследницы еще был в разгаре. Бомптириус тяжело дышал, лоб покрылся испариной. Видимо, телепортация давалась ему очень непросто.

— Эй, Роммо! — оклик был совсем рядом, и Мари вздрогнула всем телом. Бомптириус зажал ей рот ладонью.

— Да, Синес?

— Девчонку не видел?

— Нет еще.

— Планы меняются: ничего не говорить, оглушить и под замок. Её величество будет сама решать всё завтра.

— Есть. А... Синес, что она натворила?

— Она шпионка, — уверенно ответил белый.

Мари задышала глубоко, слёзы полились прямо на ладонь Бомптириуса, который всё еще зажимал её рот.

«Достаточно!! Хватит!! Всё!» — в ужасе думала она.

Мари почти не удивилась, когда Бомптириус коротко кивнул и снова телепортировался, всё в тот же туннель. Он отпустил её, и ноги девочки подкосились.

— Где мы? — безразлично спросила Мари. Она рассеянно оглядывала чудесное платье, которое расстелилось облаком вокруг. Жаль, что юбку она уже безнадежно испоганила водой и грязью. Сегодня этого добра с избытком...

— На Лысой Горе.

— Лысой Горе? — непонимающе переспросила она.

— Это столица тёмных. Неужели тебе не говорили? — поразился он.

— Так, только вскользь упоминали, — Мари поморщилась.

— Что, теперь ты больше не рвешься обратно?

Мари отвернулась. Господи, как же больно! Как же ей быть! Ведь есть папа, сестра, есть Лиз... Они же с ума сойдут!

Она попыталась найти по карманам телефон, и вспомнила, что забыла его в спальне, в резиденции. Надо же, а в начале вечера ей это вовсе не казалось везением! Что ж, так даже лучше — нет соблазна немедленно позвонить домой или Ричарду.

Мари прислонилась головой к прохладной стене.

У них толком не сложилось с учителем никаких отношений. Сначала она просто считала его коллегой своего отца, а потом он просто учил её магии.

Что ему интересно? Чем он увлекается? Какие книги предпочитает? Какая у него семья? — Она не знала о нём ровным счётом ничего.

Мари для него — просто инструмент.

А Ричард для неё — почти чужой человек, чью грядущую дату смерти знает, кажется, каждая крыса.

— Может быть, теперь, действительно, рваться обратно прямо сейчас не буду, — она сделала над собой усилие — чёрт, какое же по счёту за этот вечер? — и встала. — Думаю, мне нужно куда-то идти, да? Мы под городом, получается, да?

— Ты пойдёшь одна по Лысой Горе? — с сомнением спросил Бомптириус.

— А что?

— Увидишь, — хмыкнул он. — Выход в километре отсюда, — он показал рукой в одну из сторон туннеля. — Заблудиться сложно: там тупик и лестница наверх. И знаешь, Мари... — она поймала себя на мысли, что он впервые за всё время назвал её по имени, обращаясь как к другу за одолжением. — Я бы хотел у тебя кое-что попросить... — Он многозначительно покосился на её драгоценности.

Она фыркнула. Ну-ну, друг, падкий на золотишко... Мари сняла с себя серьги и браслет и протянула их похитителю.

— А это? — он ткнул пальцем в ожерелье на её шее, золотое с жемчугом, изящной работы, но тяжелое.

— Мне тоже нужны деньги.

Хорошо, что он спросил про эти побрякушки. Никаких иллюзий, никакой дружбы. Так ей не жалко с ним расставаться — не о чем тут жалеть.

Мари проводила взглядом Бомптириуса, который подобрал оброненный нож.

— Удачи тебе! — Неожиданно тепло пожелал ей маг. — И не вздумай соваться домой! — с этими словами он поспешил в сторону выхода. И вскоре сорвался на бег.

Мари вздохнула и подавила волну дрожи.

«Успокойся, Ричард говорил, что ты можешь всё», — аутотренинг будто бы и правда помогал.

Только сейчас она огляделась как следует: туннель, земляной пол, свет от ржавого светильника под низким потолком, капает вода — уже набралась целая лужа.

Мари прикрыла глаза. Белая магия и раньше такая непростая в применении, теперь и вовсе словно забилась в дальний угол. Но что-то новое, сильное, бурлящее, притягательное, стихийное так и рвалось наружу.

Стоит просто захотеть!

Просто подумать!

И... Она провела рукой над лужей — и это уже было зеркало. Еще одно движение рукой — и зеркало прислонено к стене, отражая ведьму в полный рост.

Невысокая, русоволосая, сероглазая, в бальном платье. Вот если бы не это платье и ожерелье — такая обычная, что аж зубы сводит! Мари с ненавистью взгляделась в отражение.

Никакая.

Если она может превратиться в кого угодно, значит, она может создать с нуля кого угодно! Мари всегда мечтала быть яркой брюнеткой, как сестра. Мгновение, и на неё из зеркала смотрела Владлена.

— О, нет-нет-нет... — пробормотала она губами сестры. — Соблазнительно, но нет...

Сестра была выше, и этот рост был каким-то... слишком. Нет, она должна быть невысокой. И с короткой стрижкой — папа всегда смурнел лицом, когда она заговаривала о парикмахерской, а сейчас возиться с длинными волосами явно лишнее. Да, волосы чёрные, чёлка вбок.

Лицо... лицо...

Менять свой облик было так страшно, как будто она лишалась его вовсе.

Глаза крупнее и тёмные.

Кожа чуть смуглая.

Нос тонкий, скулы явные, рот чуть уже, изящно очерченные губы.

Мари честно пыталась вспомнить лицо, которое видела теперь в зеркале и понимала, что она создаёт что-то уникальное. И чем дальше, тем больше её поглощал азарт, и рождалась уверенность, что у неё всё получится!

— А что, интересно, носят, на Лысой горе? — бальной платье, было, конечно, милым... но бальным. — Платье... сделать чёрным? Хм... нет. Такая юбка наверняка будет привлекать внимание. Тогда прямое чёрное платье... — Мари попробовала шагнуть и чуть не упала. — Неудобно. — Походила туда-сюда. Как же тогда папа смотрел на неё, когда она попросила купить ей гриндерсы! Улыбка растянулась от уха до уха. Грех было не воспользоваться моментом. Потрясающе-отвратительные чёрные ботинки оказались на её ногах. — Да, не буду оригинальной, — она, смеясь, махнула рукой и закончила преобразование гардероба: удобные джинсы, чёрная хлопковая блуза и кожаная куртка поверх.

Только ожерелье принцессы, наследницы великого белого мага было как бельмо на глазу. Стараясь не смотреть на себя в отражении, Мари дрожащими пальцами расстегнула застёжку и спрятала его за пазуху — в куртке, словно она понимала её приказы, в нужном месте появился карман идеально подходящий по размеру.

В зеркале была растерянная незнакомка.

— Нет, так не пойдёт, — Мари сделала выпад самой себе, — у тебя, милочка, силы столько, что уже сейчас все королевы ссутся с тобой связываться! Ты — сильнейшая! И ты, слышишь? — ты сможешь всё.

Она вздёрнула подбородок, и сила внутри неё будто бы подтвердила: «Да, всё так и есть!» Мари со всей силы пнула по зеркалу стальным носком ботинка. Осколки полетели на неё водяной пылью, словно брызги из фонтана. И она направилась к выходу.

* * *

Владлена волновалась. Мари не пришла ночевать, её телефон не отвечал. Влади со злорадством думала о том, что Элизабет волнуется не меньше её. Девушка слышала, как Элиза звонила в полицию, называла приметы Мари... Владлена была уверена: никакая полиция здесь не поможет. Сидя в комнате младшей сестры, она думала лишь о том, что где-то здесь должен быть заперт портал. Это мог быть любой предмет, который бы работал как телепорт или «дверь». Владлена, перешупала, казалось, всё в комнате, вплоть до одежды в шкафу — пусто. Наконец, решила проверить и стены, надавливая на них весом. Комната была осмотрена полностью — и ничего. Брюнетка хмыкнула и направилась в маленькую ванную.

Стоило ей надавить на ближайшую стену — «дверь» отворилась, за ней показались столь блестящие покои, что она, потрясенная, не сразу сообразила дверь закрыть. А зазвучавшие следом приглушённые голоса заставили её прислушаться. Владлена оставила щёлку. Говорили плаксивая женщина и мужчина, будто бы военный.

— Людвиг, вы не забыли об охране?

— Нет, мой племянник и его отряд...

— Она не должна больше здесь появиться! Где Ричард?

— Наняли пару тёмных из окружения мэра Лысой Горы, серьёзные люди...

— Только без крови, ладно? — брезгливо отозвалась она.

— Разумеется. Сейчас с ним всё равно не справиться. Поработали с его женой и внуками. Пока о нём можно забыть.

— Но зная его силу и связи... — она сомневалась.

— Всё рассчитано. — Отрезал он.

— И всё же, вы можете сказать, где она? Точно сказать?

Владлена словно кожей почувствовала напряжение тишины, повисшей в комнате.

— Хоть что-то?? — несколько повысила голос она.

— Можно обратиться к Дюве... — Неуверенно ответил он.

— Нет. Она уже думает, что опасность устранена. — С толикой сожаления ответила она.

Влади чувствовала, что по спине у неё бежит струйка холодного пота, руки словно свело судорогой. Она продолжала жадно вслушиваться в эти не до конца ясные фразы.

— Опасность должна быть устранена. Ещё день-два-неделя, и нас здесь не будет. Она сотрёт нас в порошок. Ричард не говорил мне об её успехах, а вот Жюли просто визжала от восторга, — она усмехнулась, — эта дурочка сотворила себе ещё одного кумира... Людвиг, я устала от неё.

— Понял.

— А эту девчонку надо найти. Надеюсь мёртвой. Потому что живой её уже не схватить...

Владлена, не в силах дальше слушать, захлопнула «дверь» и, пробормотав нехитрое заклинание, удалила портал. На всякий случай.

Мари где-то. И никто не сможет сказать, где именно. И Элиза волнуется. Очень. Искренне.

«И ради чего было её изводить? Только из-за необоснованного подозрения?» — Владлена запустила пальцы в волосы и задумалась. Медитация сейчас ей не поможет в поисках сестры — слишком она взвинчена...

Оставался только один, весьма сомнительный, скользкий вариант, который самой Влади был почти противен.

* * *

Выход из тоннеля был, по всем канонам жанра, в подворотне. В одном из таких мест, каких много в любом старом городе: три шага от главного проспекта — и уже какая-то дыра. Мари не стоило больших усилий понять, куда нужно двигаться, чтобы выйти к людям.

Стояла ночь, которую, как подозревала Мари, здесь мало что от дня отличало. Жалкое освещение, люди-тени и синий, почти осязаемый, вязкий туман под ногами — такой предстала Лысая Гора. Люди здесь больше походили на обывателей, чем в Прабеле: они так же спешили по своим делам, заходили в приветливо открытые двери лавок и кафе, говорили о чём-то улице. И одеты были очень по-разному — на их фоне рокерский наряд бунтующего подростка выглядел даже как-то серо. И мантии, и сюртуки разных эпох, и платья разной степени замшелости — местные маги, кажется, вообще об одежде не думали, а просто ходили в том, что однажды пришлось впору лет десять, тридцать, сто назад, и что еще каким-то чудом не развалилось.

Когда первое волнение прошло, когда Мари поняла, что никто её здесь и сейчас не собирается убивать, накатила усталость. По ощущениям, был уже третий час ночи, и давно было пора найти место для ночлега. Но денег не было, как не было никаких документов.

Впрочем, она даже не знала, помогли бы ей хоть чем-то её права и паспорт... Из кармана только кололо бок ожерелье, но его еще только предстояло продать.

Следовало срочно найти ломбард. Судя по тому, что Мари еще не увидела ни одного закрытого на ночь заведения, она надеялась, что и ломбард исключением не будет.

Стоило спросить у прохожих. Мари замедлила шаг и стала выискивать глазами того, к кому было бы не так боязно обратиться.

Да, люди здесь были другими. Они почти не улыбались и смотрели почти всегда с подозрением. Ей повезло с третьей попытки — пожилая леди указала ей на вывеску, которая была совсем рядом.

Странное чувство минута за минутой овладевало ей: словно только сейчас, а не среди обывателей или у белых, она почувствовала себя в своей тарелке. Да, она нервничала, да, она устала. Но здесь было её место. Лысая Гора приняла её, хотя жители мегаполиса еще даже не подозревали об этом.

«Расслабься и получай удовольствие. Даже если это будет недолго. Терять то особо всё равно нечего», — она самодовольно улыбнулась и толкнула дверь ломбарда.

Маленькое, обшарпанное помещение с массивными решетками и выставленными на продажу чьими-то нелепыми ценностями за их прутьями, угнетало. Мари в первый раз в жизни оказалась в ломбарде, и предполагала, что и у обывателей подобные места выглядят не лучше.

— Здравствуй, дорогуша! — протянула она, обращаясь к пареньку за прилавком. — Есть у меня одна очень ценная вещица, — она достала ожерелье. — Что скажешь?

Приемщик на вид лет двадцати — двадцати двух, в засаленном пиджачонке, не говоря ни слова, брезгливо прикоснулся к произведению искусства.

— Это бижутерия, я такое брать не буду. — Холодно ответил он.

— Этого не может быть, посмотрите внимательней! — вся уверенность слетела с неё.

Он насмешливо оглядел её, девчонку, насколько позволял прилавок.

— Если эта побрякушка не бижутерия, это один из тех шедевров, которые хранятся в частных коллекциях.

За спиной Мари хлопнула дверь.

Чёрт, она была на сто процентов уверена, что как бы Амалия её ни ненавидела, она бы не опустила до бижутерии для такого события!

Мари вспомнился фокус с Майком в школе — и парень шмякнулся носом об прилавок.

— А теперь ты посмотришь внимательнее! — тихо проговорила она ему в самое ухо. Магия всегда придавала уверенности.

— Так и быть, я посмотрю чуть внимательнее. — Покорно проговорил он.

Мари отпустила его: парень как будто бы и не удивился произошедшему.

— Деметрикус, — он протянул руку.

— А... Анита! — выпалила она первое, что пришло на ум и первый раз в жизни пожала руку при знакомстве.

— Мне нужно пару минут.

— А, не торопись! — она махнула рукой и обернулась. Прямо за ней стоял еще один молодой человек, холёный, в дорогом костюме, блестящих тёмно-зеленых туфлях и шляпе с плюмажем. В руках он держал трость. На вид ему было, пожалуй, около двадцати.

— Вы, я услышал, принесли какую-то занимательную вещицу? — спросил он бархатным баритоном.

— Да, — она удивленно вскинула брови. — Но откуда... ну, да, вы же всё и так слышали. И вы бы хотели купить его?

Он неожиданно тепло улыбнулся. Мари хватило часа на Лысой Горе, чтобы понять — здесь так просто никто не улыбается.

— Для начала я хочу посмотреть, что беру. Но, да, я люблю разные странные вещи. Вероятно, я действительно смогу...

— Анита?

— Да? — она обернулась к прилавку.

Деметрикус смотрел на неё квадратными глазами:

— Это действительно всё золото и натуральный жемчуг, а работа такая точная, детальная... — Он взял себя в руки, и уже совсем другим тоном добавил. — Моя цена — тридцать золотых. Это очень щедрое предложение! — поспешил заверить он.

Холёный посетитель встал рядом с Мари и принялся разглядывать ожерелье.

— Помилуйте, — заговорил он, — это шедевр эпохи княжны Лейлы. Я дам вам пятьсот золотом, — он обратился к Мари.

— О... — она не успела ничего сообразить, как встрял служащий:

— Пятьдесят золотых, здесь и сейчас! Только наличные, никакого обмана! — горячо добавил он.

Господин закатил глаза:

— Пятьсот пятьдесят чеком лучшего банка Лысой Горы. Он кредитует саму Дюву!

— Сто! — осипшим от волнения голосом перебил парнишка. — Сто! — повторил он, едва веря в озвученную сумму.

— Семьсот, и закончим этот базар, — чуть утомленно приказал посетитель — и всучил в руку Мари уже подписанный, на безупречной плотной бумаге чек «Лысегогорского тёмно-магического банка» на семьсот золотых. Поле получателя осталось пустым.

Деметрикус за прилавком, поражённый, замер, всё так же держа в руках ожерелье.

— Милейший, будьте любезны, — покупатель жестом аристократа указал на украшение. Первое предположение о его возрасте показалось Мари ошибочным. Он держал себя так, как двадцатилетние ещё не умеют. Как сама Мари ни за что бы не сумела.

Оценщик, растерявшись, сунул ожерелье в руку покупателя.

— Ну, конечно, глупо было тягаться со Скелетто, — пробубнил он.

Мари вздрогнула. Фамилия показалась ей знакомой.

Теперь у Мари номинально были деньги, но что делать дальше, яснее не стало. Цель стала ещё более расплывчатой, а голова соображала от усталости всё хуже.

Она вышла из ломбарда как в тумане. Аристократ, который только что купил у неё ожерелье, последовал за ней.

— Я рад, что сумел отыскать такое сокровище, — довольно сказал он, до сих пор крутя в руках украшение, как какую-то милую безделушку, одну из тысяч. Он лукаво улыбнулся, глядя на Мари — и ожерелье исчезло из его рук.

Мари вздрогнула от неожиданности.

— Теперь оно в сейфе, — пояснил он. — И я совсем забыл о приличиях. Герцог Аскольд Скелетто. Можете называть меня просто Аскольд. — Он вежливо приподнял уголки губ и едва поклонился.

— Анита, — ох, вроде, она назвала ведь то же самое имя, да?

— Мне показалось, или вы удивились, когда ожерелье исчезло?

Мари деланно улыбнулась:

— Немного. У нас не принято так пользоваться магией, — ляпнула она.

— У вас? У кого же? — приподняв одну бровь, поинтересовался Аскольд. — Только не говорите мне, что вы — светленькая. В жизни не поверю.

— Я не местная... есть пара дел на Лысой Горе... и вот... — лепетала Мари. Хотелось провалиться сквозь землю, куда глубже Преисподней...

— О-о! — Иронично протянул тот. — Не секрет, откуда и куда?

— Это личное, — Мари попыталась натянуть маску еще мало известной ей Аниты.

— Как Бомптириус поживает?

Мари не на шутку испугалась. Смуглое лицо Аниты посерело, что не укрылось от внимания Аскольда. Она резко повернулась к нему.

— Кто тебя подослал? — зашипела она.

Аскольд рассмеялся:

— Меня подослать мог бы только я сам. Скелетто достаточно сильны, чтобы нами даже Дюва не помыкала.

— Не верю. — Голова у Мари шла кругом. Хотелось закрыть глаза — и всё. И чтобы всё это закончилось. И чтобы не было ни белых, ни тёмных, чтобы она, Мари, сейчас была дома и писала сочинение о Лопе да Вега... Но наваждение никуда не уходило. Голова гудела, она стояла посреди улицы и пыталась вести светскую беседу со странным хлыщом, чьи мысли, чем больше она нервничала, тем более отчётливо звучали в её голове. И мысли эти были далеки от заговоров или политики. Пока она просто была ему интересна.

— Твоё право, — хмыкнул он, в ответ отбрасывая формальности. — Веришь или нет, но я здесь, потому что мне скучно. А порой, знаешь, хочется чего-то нового, вполне вероятно, запретного... — Он ей подмигнул.

Мари напряглась ещё сильнее. Волнение захлёстывало волнами, и она видела отчётливо, кожей чувствовала магию, улавливала мысли. От этого становилось ещё тяжелее, будто её опускало в желе, где тяжело не только двигаться, но даже думать.

«Я не хочу! Мне страшно! Нет!» — мысленно закричала она.

Мгновение — и его взгляд стал совершенно иным. Еще секунду назад он, пожалуй, пытался, играя, подбить клинья, а теперь показал истинное лицо.

— Тебе нужна помощь. — Вынес вердикт он. — Пойдём ко мне.

Мари замотала головой.

— Я лучше останусь здесь.

— Где «здесь»? На улице? С чеком, который сможет обналичить любой?

Мари с ужасом смотрела на него. Конечно, отличная идея орать про чек посреди улицы рядом с ломбардом!

— Не смей меня. — Аскольд протянул ей руку. — Тебе нужна помощь. А я могу тебе помочь. К тому же... Мне, чёрт побери, скучно, и я хочу приключений!

Мари выдавила улыбку — и подала ему руку. Ну-ну, приключения... Она бы многое отдала, чтобы никогда с ними не сталкиваться.

Едва рука коснулась руки, ведьма и её новый знакомый уже оказались в огромном тёмном холле. На этот раз телепортация прошла почти незаметно. Видимо, чем сильнее маг, тем проще ему даётся это искусство.

Аскольд щёлкнул пальцами — и холл в тёмном дереве и камне залился светом.

— Это мой дом. Особняк Скелетто.

— Спасибо, — проговорила Мари.

Аскольд только усмехнулся.

— На третьем этаже есть несколько гостевых спален. Выбирай что понравится.

— А ты?

— У меня ещё есть дела.

Мари пожалала плечами и направилась к огромной лестнице в викторианском стиле.

А герцог Аскольд Скелетто прошёл в противоположное крыло усадьбы, снял заклятие с двери в свой кабинет, зашёл туда. Пыльные тяжёлые портьеры отбрасывали уродливые тени на пол. Он достал из-за пояса нож, который отдал ему сегодня Бомптириус, и который еще хранил тонкую память крови наследницы Ричарда. Сел в кожаное кресло, достал из кармана сложенную в четыре раза фотографию семнадцатилетней девушки с длинными русыми волосами и серыми глазами. Он совсем не был уверен, что выполнил просьбу. Но на душе было спокойно. Он взглядом сжёг фотографию и с удовольствием достал из ящика стола очередную свою рукопись с разработками по некромантии.

...Их дружба была весьма занимательным явлением: первый был настолько могущественен, что ему было безразлично общественное мнение, второй же настолько от этого мнения зависел, что эта дружба была для него спасительным кругом даже в самые тяжёлые времена. Однако с подобными просьбами Бомптириус обращался крайне редко, и, скорее, только поэтому герцог с такой лёгкостью согласился помочь. Аскольд не знал, чем всё это обернётся, однако приятное предчувствие чего-то невероятного даже для Лысой Горы уже начинало приятно покалывать ему кончики пальцев.

* * *

Неясный рассвет, словно пришедший из обители светлых магов разлился над Лысой Горой, обнажая все грязные, позолоченные углы столицы. Проснувшаяся рано Мари, словно её что-то толкало в спину, спешила покинуть особняк Скелетто. Не желая быть должной, она даже бережно поправила шёлковое постельное бельё, застелила кровать и, стараясь производить как можно меньше шума, ушла.

В животе бурчало от голода, но задерживаться не хотелось. Мари решила, что, по крайней мере, на первое время её должно хватить тех денег, которые она выручила, и на еду, и на жильё.

Она не имела ни малейшего представления, где именно находится Лысегорский Банк, однако того страха перед улицей, который овладел ею вчера, уже не было.

Утро Лысой Горы напоминало утро обычного грязного мегаполиса: открытые лавчонки, в которых продавали кофе и пончики, сигареты, газеты со свежими новостями. Люди самого обычного вида куда-то спешили, ловя на ходу деревянные трамваи, которые шли прямо по-над брусчатке. Горожане шли, почти бежали. Обычное рабочее утро. Мари было показалось, что она в обычном городе, пока какая-то дама на вид лет тридцати пяти не телепортировалась прямо перед ней. Ведьма с невозмутимым видом поправила красную шляпу и шагнула в ближайшее здание.

«Всё не так плохо, как можно было представить», — вздохнула про себя Мари и, набравшись смелости, обратилась к торговцу газетами:

— Не подскажите, где здесь Лысегорский Темномагический банк?

Тот, недовольный, повернулся к ней:

— Там. Слепая что ль? — и он ткнул пальцем вправо. Мари проследила за

направлением — действительно она стояла почти у подножия колоссального сооружения, на котором красовалась выбитая в камне и залитая золотом надпись: «ЛТБ».

— Спасибо! — выдохнула она.

— Должна будешь, — криво усмехнулся торговец и вернулся к своим делам.

Мари приближалась ко входу в здание — и сердце отчаянно колотилось: «Там должна быть охрана. А вдруг кто-то поймёт, что я не так должна выглядеть? И документов у меня нет... И... вдруг узнают, что я белая... Ужас! Что я делаю!?» Но она продолжала идти, открыла массивные двери из толстого чёрного стекла — и оказалась в пустом огромном пространстве. Растерявшись, она сделала ещё несколько шагов...

— Здравствуйте, госпожа Анита.

Мари едва удержалась, чтобы не схватиться за сердце — прямо перед ней сидела молоденькая девочка, не старше её самой за большим письменным столом. Было очевидно, что ещё пару секунд назад, ни девочки, ни стола даже близко не было.

— С нами связался герцог Скелетто и сообщил, что передал вам чек на сумму семьсот золотых. Знаете ли вы, что это весьма значительная сумма, которую весьма не рекомендуется держать наличными?

Мари расширенными от ужаса глазами Аниты смотрела на девушку.

— Нет. Я думала...

— Ничего страшно, мы можем открыть счёт на ваше имя. Аскольд Скелетто поручился за вас. От вас требуется только ваши имя и фамилия и год рождения.

— Анита... эм... Демен. 1987 год.

Девушка пристально посмотрела на неё. Мари пробил холодный пот.

— С 1987? — недоверчиво переспросила работница банка.

— Да.

— Хорошо. — Было видно, что та удивлена. — Какую сумму вы сейчас желаете получить?

— Двадцать золотых.

— Хорошо. Остальные средства будут лежать на вашем счету. Номер счёта, — откуда-то из-под стола девушка достала желтоватый конверт, — и все прочие реквизиты здесь. И вот ваши двадцать золотом — на столе материализовался небольшой холщовый мешочек, затянутый верёвкой с жёлтой нашивкой «ЛТБ». — Всего доброго вам! До свидания!

И девушка со столом испарилась.

Мари выскочила из банка красная как рак, судорожно засунув в карман конверт и деньги. Ощущение было, словно её надули, и не видать ей этих денег как своих ушей. Понимания того, сколько это «семьсот золотых», пока не было даже близко. Однако то, как оттягивали карман всего лишь двадцать монет, внушали робкую надежду.

Живот свело от голода. В последний раз она наскоро перекусила перед балом. Боже, это было словно в прошлой жизни, хотя даже еще и суток не прошло! Мари огляделась по сторонам: широкая улица, правда, без тротуаров, выложенная грубым почти чёрным камнем, высокие и совсем низкие здания перемежаются друг с другом, столь же разнокалиберные вывески, приглашающие в самые разные заведения... Кафе нашлось быстро.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стараясь соответствовать тому образу, который она создала, Мари шагнула туда. Не было ни души, кроме скучающего за стойкой официанта — молодого паренька не самого опрятного вида. Девушка села за один из столиков. Официант, ленивой походкой

приблизился к ней и бросил на столик меню. Мари открыла книжицу из светло-бежевой кожи... Официант стоял над душой. Мари нервничала, перелистывая страницы. Парень так и продолжал нависать над ней.

Нервозность стала раздражением, а спустя еще минуту — злостью.

— Тебе больше нечем заняться? — фыркнула Мари, бросив взгляд на официанта.

— У меня полно работы, особенно когда посетитель не вызывает доверия. —

Ухмыльнувшись, ответил тот.

Придуманная накануне Анита взяла верх: глаза злобно сузились, губы словно стали тоньше. Она отшвырнула меню и кинула на стол золотой. Паренёк выпучил глаза: перед ним лежало его двухмесячное жалование.

— Неси сюда сыр, буженину, свежий хлеб, масло, чай с мятой. Понял?!

Официант, уже лебезя, закивал и попытался взять со стола золотой...

— Э, нет! Только по счёту!

...Спустя полчаса Анита вышла из кафе вполне довольная собой, сытостью, Лысой Горой, а также тем, что теперь, помимо оставшихся девятнадцати золотых монет, в холщовом мешочке лежали ещё десять серебряных и пара медяков. «И впрямь, сумма недурная!» — довольно думала про себя она, заходя в одну из лысегорских гостиниц с мыслью снять номер на ближайшие пару недель.

* * *

Владлена сидела на одной из шатких скамеечек в Центральном Кладбище Лысой Горы и от волнения рвала на мелкие кусочки бумагу. Чувство беспомощности было невыносимым, а паника не давала трезво соображать.

Рядом с ней сел человек.

— Добрый день, мисс Владлена, — не глядя в её сторону, тихо приветствовал он.

— Добрый. Вы можете мне помочь в поиске этой девушки? — она протянула господину фотографию своей сестры. — Её зовут Мария Курт.

На мгновение глаза господина от удивления расширились, он бросил опасливый взгляд на Владлену...

— Насколько мне помнится, — осторожно начал он, — вы водите весьма недурные отношения с нашей тёмной княжной? Так почему бы не обратиться к ней?

Владлена молчала. Не могла же она придти к Дюве со словами: «Дюва, хорошая моя, у меня пропала сестра, которую пару месяцев назад завербовали белые. Не поможешь?» Э, нет, у неё с головой всё в порядке.

— У вас есть информация о моей сестре, или нужно время? — нетерпеливо спросила она.

— Нет же, зачем ждать! Я знаю, что это девушка мертва. И знаю я это лично от Дювы.

— Что? — Влади не верила своим ушам.

— Она мертва. — Медленно повторил он.

Владлена откинулась на спинку скамейки. Свет вокруг неё погас второй раз в жизни.

И она даже не заметила, как удалился господин Бомптириус Славный.

По Лысой Горе уже начали подниматься обычные для этого места густые тёмно-синие тени, когда Владлена наконец смогла подняться со своего места. Она думала все эти часы о том, что ей сделать ещё, где она может обрести надежду, и по её искреннему убеждению, такое место оставалось лишь одно: замок тёмной княжны.

Ворота парка перед замком как всегда приоткрылись при появлении тёмной ведьмы, у которой не было дурных намерений. Она пешком преодолела за пару минут расстояние до входа в резиденцию тёмной княжны. Здесь, отдавая дань традиции, скучали пара оболтусов — боевых магов — бритых громил в кожаных чёрных куртках. Они покосились на ведьму, входящую в стены замка, и тут же забыли о ней.

Владлену колотило, в висках стучало, руки, бледные, с проступившими на них капиллярами, едва слушались её. В голове была каша. Бомптириус сказал, что ему сообщила о смерти Мари княжна. И она идёт к ней, чтобы спросить о чём? Чем же Дюва сможет ей помочь?... Дюва же всё поймёт с полувзгляда...

Наконец, она предстала перед тёмной княжной.

Когда-то Владлене посчастливилось найти ключик к холодному сердцу Дювы и стать ей почти другом. Благодаря её везению, а еще — многим и многим часам на светских раутах и приёмах у Владлены, дочери обывателей, ученицы отщепенца и светской львицы, был шанс завести множество полезных связей. В том числе, и с Дювой. Никогда Владлена ничего не просила у владычицы, и никогда бы не сделала этого и впредь... Но ради сестры стоило рискнуть.

Тёмная княжна, готовая к ежеминутным посетителям, восседала на огромном троне, на котором поместилось бы три женщины её комплекции. Рядом с тронем парила массивная мраморная столешница, заваленная бумагами.

Губы Владлены дрожали. Она не знала, с чего ей начать. Казалось, будто ещё до начала разговора Дюва внимательно изучила содержимое её, Владлены, черепной коробки.

— Приветствую тебя, о властительница! — склонила голову ведьма.

— Здравствуй, — Дюва кивнула.

— У меня огромная просьба к тебе, Дюва, она не обременит тебя...

Княжна хмыкнула:

— Ну, это моя прерогатива судить, что мне просто, а что сложно.

— Разумеется! — поспешила согласиться девушка. — Однако выслушай мой вопрос...

Владлена с этими словами бухнулась на колени перед княжной. Дюва удивленно приподняла бровь: не принято было так вести себя при дворе. Не при ней, не при Дюве. Вот раньше, при тёмной княжне Эстер и её соратнице баронессе Гнильвецких, — вот при них очень любили подобное. Самоуничужение тогда стало почти нормой при дворе. И это было первое, что Дюва изменила, сев на трон. Смотреть на валяющихся в ногах вельмож было, конечно, занятно. Однако, чем более рьяно вылизывали они сапоги, тем быстрее были готовы предать.

Княжна удивилась, но не предложила Владлене подняться.

— Слушаю-слушаю...

— Умоляю, помоги мне найти мою сестру. Или скажи мне, что с ней случилось?

— Как её имя? — отрывисто спросила Дюва.

— Мария Амалия Курт.

Княжна вздрогнула. Встала с трона, спустилась к Владлене. Та подняла на неё влажные, полные надежды глаза.

Только усилием воли Дюве пришлось заставить в этот раз, чтобы серги-змеи недовольно зашипели и уставились глазками-изумрудинками на Владлену:

— Откуда мне знать, что случилось с твоей сестрой? — притворным гневом она пыталась скрыть растерянность.

Владлена ожидала чего-то подобного, и всё равно была растеряна.

— Мою сестру забирали светлые.

Притворный гнев сменился настоящим.

— А я тут при чём?? Иди к Амалии с такими вопросами!

— Я не могу!

— Что за глупости! Да хоть живи в Прабеле! — фыркнула Дюва. Этот разговор начинал её нервировать, навевал нехорошие подозрения и всё же успокаивал: хоть один раз за последние полсотни лет Бомптириус что-то сделал на совесть.

— Амалия — причина того, что Мари пропала. Она хотела её смерти, и я не могу сказать, что она могла бы мне помочь...

— Да умерла она, умерла. Теперь спокойна? — не сдержалась Дюва. Сегодня успех Бомптириуса был очевидным. — Я сама позаботилась об этом.

— Ты?... — растерялась Владлена. Все слова, которые уже были заготовлены, вылетели из головы. — Какая же я дура! Дура!.. — слёзы сами потекли из её глаз. — Дура... — Она резко развернулась и уже сделала несколько шагов к выходу.

— Ответь, кто твоя госпожа? — голос тёмной княжны разрезал сознание ведьмы.

Владлена медленно повернулась на каблуках.

— Ты, Дюва — моя госпожа.

— Кто твой недруг, Владлена?

— У меня нет врагов, но нет и друзей среди белых магов.

— Чья смерть должна печалить тебя больше?

— Смерть тёмного мага, который сильнее меня.

— А о чём здравии тебе нет дела?

— Мне безразличны белые. — Бесцветным голосом ответила Владлена на последний вопрос.

— Не переживай, дитя моё. Всё ты сможешь получить. И без сестры. — Дюва на пару секунд улыбнулась, села обратно на трон, придвинула столешницу, показывая, что аудиенция закончена. — Свободна!

Владлена вышла из зала. Комок стоял в горле. Она торопилась скорее выйти из замка. Но и в парке ей было тяжело... Только отойдя на пару километров от замка она наконец зарыдала, завывала, словно раненное животное.

Домой идти сил не было. Владлена не могла представить, что сказать Элизабет и папе. И даже непонятно, кому страшнее. Ни в одном страшном сне она не могла бы сказать ничего подобного: Мари нет, она умерла, а тела нет, и она не знает, где оно, но она точно умерла, а где доказательства... И пустые надежды. И бессмысленные выяснения обстоятельств... И слёзы, и горе... Владлена знала, что рано или поздно это всё будет. Но только не сейчас, не сию секунду. Она просто не вынесет этого!

Владлена шла по Лысой Горе уже долгое время. Опустилась непроглядная ночь, живых на улицах стало заметно меньше, то здесь, то там появлялась пара свежих мертвяков, которые не успели днём завершить свою работу. К Владлене пытались подходить, но ведьма по привычке бормотала заклинания, защищая себя на этот вечер...

К четырём ночи она упёрлась в кованые ворота, подняла глаза и с удивлением обнаружила, что стоит прямо перед особняком своего любимого. В последнее время, правда, с отношениями был бардак... От прикосновения её ладони к решётке, ворота тут же поддались. Она прошла по извилистой, выложенной камнем дорожке, к входу, где её уже

ждала прислуга:

— Добрая ночь, госпожа Владлена. Вы хотите сейчас увидеть герцога или же утром?

— Сейчас, — эгоизм возобладал над здравым смыслом. Она прекрасно понимала, что всё равно не уснёт, и мучиться в четырёх стенах ещё несколько часов для неё было бы самой страшной пыткой. А герцог... ничего страшного, сколько сотен ночей он не спал, развлекаясь? И ничего — как огурчик.

— Помощь мне не нужна. — Обратилась Владлена к прислуге.

Она поднялась на второй этаж, прошла в покои герцога. Ведьма привычным движением сняла заклęcia с одной двери, с другой, прошла по коридору... На удивление, Аскольд Скелетто спал один. Владлена прямо в чёрном плаще легла рядом с ним на огромную кровать под бархатным балдахинном. Не было ни сна, ни умиротворения. Аскольд продолжал спать, не подозревая о её присутствии. Прошло полчаса. Владлена всё так же лежала, ей не хватало духу разбудить его. Она уже пожалела, что вообще пришла: боялась в голос зареветь, боялась пошевелиться. Лежала, сложив руки на груди, словно в гробу, слёзы беззвучно стекали на шёлковую наволочку. Наконец усталость и головная боль взяли верх, и уже под утро её сморил сон.

Владлена проснулась, когда тусклый свет уже уверенно пробивался через окна спальни. Она, уже без плаща и обуви, лежала, укрытая одеялом. Аскольда нигде не было. Девушка приподнялась на локтях: будильник в серебряной оправе показывал половину одиннадцатого. Она, торопясь, встала: самое неприятное, что могло сейчас случиться — это не застать Аскольда дома. Ведьма спустилась на первый этаж, привычно зашла в столовую, и удивилась непривычно мирной картине: Аскольд в домашнем халате сидел нога на ногу за столом и меланхолично попивал кофе, поглядывая одним глазом в утренний выпуск «Безлунного магомольца». Только сейчас Владлене стало стыдно перед этим вельможей, который ещё совсем недавно смотрел на неё совершенно иными глазами. Её, на удивление, тогда даже не особо заботил тот факт, что каждые три дня особняк Скелетто превращался в бордель... Что бы там ни было, Аскольд любил её. А сейчас ей было стыдно, что она вообще показалась ему на глаза. Очень захотелось поскорей уйти.

Герцог будто бы нехотя поднял на неё взгляд:

— Ну что же ты стоишь? Присаживайся, — он указал на один из множества свободных стульев.

Владлена повиновалась.

— У тебя что-то случилось? — с самым безразличным видом спросил он, внимательно вчитываясь в текст газетной статьи.

Губы Владлены задрожали — и в этом доме она хотела найти поддержку!

— Сестра умерла, — тихо сказала она.

Аскольд только сейчас отвлёкся от газеты и поднял на неё обеспокоенный взгляд:

— Какая-то ты спокойная. Или мне кажется... Ох, прости, я плохо разбираюсь в чужих эмоциях, — он щёлкнул пальцами, телепортируя еду из кухни прямо перед Владленой. — Позавтракай, ты-то жива. Стоит ли переживать о том, что уже произошло и о том, что неизбежно?

Девушке не лез кусок в горло, слёзы душили её, она боялась, что ещё чуть-чуть — и горе разорвет на части.

— Я пойду, Аскольд, — прошептала брюнетка, — домой надо, сказать родным, — Владлена старательно отводила взгляд, пряча слёзы.

— Зачем? Побудь ещё. — Святая простота сквозила во всём виде герцога. И ведь ни капли цинизма не было в его словах!

— Зачем? — она взметнула на него взгляд, слёзы тут же брызнули из глаз.

Аскольд чуть не пролил на себя кофе и только теперь обеспокоенно, внимательно оглядел подругу.

— О, Мрак, да что же случилось? — он подошел к ней и обнял, чего давно уже не было.

Владлене показалось, будто мир разлился на мириады радуг. Она поспешила обвить руками Аскольда, осыпая его поцелуями вперемешку со слезами. «Он мой! Он слова мой! Он рядом!» — и улетучились все печали и даже пропали мысли о сестре, как если бы она просто уехала в отпуск...

А Аскольд плохо понимал, что происходит. Ему казалось, что у Владлены начинается обычная для многих женщин истерика. Он мягко её отстранил, провёл рукой по её чёрным локонам.

— Владлена, я, думаю, смогу утешить тебя. — И поцеловал так, как, наверное, не целовал никогда раньше.

По телу словно пустили ток. Как же она соскучилась по нему! Что же случилось между ними, что такие обыденные вещи она воспринимает как высший дар?

Аскольд мягко отстранил её и повлёк за собой.

Владлена, идя следом, смотрела на его спину глазами, полными желания и тоски. Но они почему-то шли вовсе не в спальню...

Аскольд привёл её в свой кабинет. Он коротко поколдовал над бюро с сейфом и достал из него небесной красоты ожерелье. Пожалуй, это было едва ли самое прекрасное, что Владлена видела в своей жизни. Что ж, это почти так же хорошо, как и его спальня...

— Невероятно... — с придыханием прошептала девушка, разглядывая украшение. Аскольд обошел её, мягко убрал волосы с шеи и застегнул на ней застёжку ожерелья. Погребной холод коснулся её груди, на мгновение настроение вновь ушло в минус.

— Мне кажется, тебе стоит идти домой, — Аскольд старался говорить мягко, приобнимая за плечи Владлену. Та подняла на него взгляд, полный немой надежды:

— Хорошо, — ответила она. Сегодня надежда снова вернулась в её сердце, но нужно было уходить, раз он об этом попросил. И Владлена покинула особняк Скелетто.

...А Аскольд, едва проводил её, взял из бара ближайшую бутылку коньяка, с задумчивым видом открыл её и, отрешенный, сделал хороший глоток. На душе было погано. Он сделал то, что было должно, и даже чуть больше. Значительно больше. Владлена была милой и довольно привлекательной... как десятки других. Просто она почему-то упорно считала себя особенной.

Другое дело эта странная девочка. Она назвала себя Анитой. Она... другая. Настоящая. Её хочется узнать, ей хочется помочь. С ней хочется быть.

Словно какое-то время ожерелье заменяло ему Аниту, Аскольд ощутил жгучее желание её увидеть.

Немного логики и два телефонных звонка — и герцог уже знал, в каком номере какой гостиницы остановилась Анита. Кончики пальцев господина Скелетто приятно покалывало, а в груди, казалось, помещался пушистый, чуть-чуть колючий тёплый комочек. Аскольд уже забыл думать о Владлене, когда подходил к ширпотребной гостинице в самом щегольском виде, какой только видели эти стены. Постукивая золочёной тростью по затёртому полу, герцог в роскошном бархатном сюртуке с золотой каймой, приблизился к стойке ресепшена.

Администратор в замусоленном сюртучке во все глаза глядел на вельможу, тем временем медленно поднимаясь со своего стула и постепенно принимая самую раболепную позу при виде смутно знакомого по светской хронике лица.

— Госпо... Ге... — администратор даже боялся как-то неверно обратиться с этому лощёному пришельцу.

Аскольд, однако, словно не видел смятения администратора:

— Милейший, — обратился к нему он, — не подскажите, госпожа Анита... к сожалению, не припомню её фамилии... она сняла номер 27 — она сейчас в гостинице?

Работник нервно жевал губы, быстро соображая, можно ли хоть один серебряный вытащить у этого господина.

— Да, она в номере... однако просила не беспокоить! — шустро соврал служащий.

Аскольд удивлённо вскинул брови.

— Неужели? — на лице вельможи отразилась ирония.

— Тем не менее, я могу позвонить и сообщить ей о вашем приходе... — тут же залебезил администратор, поглядывая маслянистыми глазками на герцога.

Герцог окинул его насмешливым взглядом — и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Служащий даже не подумал его останавливать — не стоит перечить сильным мира иного.

Подойдя к серой обшарпанной двери, Аскольд мгновение размышлял, как сделать лучше... Живот будто подвело судорогой в предвкушении... чего-то. Он, одним взглядом, бесшумно открыл серую, обычно дико визжащую дверь, сделал три бесшумных шага — и увидел Аниту. Она сидела с ногами на заправленной кровати и отрешённо грызла что-то вроде булочки.

— Анита? — Настолько мягко, насколько мог, произнёс Аскольд её имя.

Мари вскрикнула и выронила булочку на постель, одновременно пытаясь отползти как можно дальше от герцога, вжимаясь в спинку кровати. Ничего, кроме страха и вместе с тем непонятого, не вполне осознанного интереса, он у неё не вызывал. Что-то подсказывало ей — и это были её развивающиеся магические способности, — что лучше бы держаться от некромага подальше. Но вот просто так убежать или нагрубить, или сделать что-то, чтобы он ушёл, она вовсе не хотела.

— У тебя такая плохая память? Или что-то случилось? — немало удивившись, спросил герцог.

Та перевела дыхание, усилием воли заставила своё тело расслабиться и сесть более непринуждённо:

— Извини, реакция.

— Не у многих она бывает! — Усмехнулся Аскольд и две мысли одновременно промелькнули в его голове: «Точнее — только у белых...» и «Ух ты! Бомпти даже не соврал!»

— Наверное, — попыталась улыбнуться Мари.

— Давай хоть прогуляемся? На удивление отличная погода для Лысой Горы сегодня.

— У меня нет настроения, — ответила она, поднимая с кровати оброненную булочку и с тоской глядя за окно. — Не хочу. — «Точнее — боюсь, и тебе не верю».

Мысль была в полном объёме прочитана Аскольдом.

— Чего ты боишься? Меня что ли? Поверь, если бы я хотел причинить тебе вред, я давно бы это сделал. Если бы кто-то ещё...

— Бомптириус?

— Или же он... хотя нет, это существо до омерзения гуманно... Забудь! Пойдём. Странно побывать на Лысой Горе и не посетить ни одного злачного места!

— Как будто нет других мест? Театры, например... музеи...

— О, поверь, их немало... но они везде одинаковые...

Мари смотрела на него, как на ненормального.

— А рассматривать рестораны и кабаки — это здорово? — Полнейшее недоумение отразилось на её лице.

Аскольд, не выдержав, рассмеялся:

— Под злачными местами я имел в виду несколько иное. Ну, ничего, всему своё время... Идём?

— Ладно... — Мари без особого удовольствия поддалась на уговоры. — Только мне одеться надо... Подожди пять минут, я быстро...

«Точно белая... О, Мрак всемогущий, помоги мне!»

— Ты не знаешь элементарных заклинаний? — Скелетто не мог сдержать удивления.

Мари вздрогнула, что не ушло от его внимания.

— Почему же... Просто, бытовые меня не так интересуют... — промямлила она, натягивая на себя кожаную куртку.

«Ещё и в учителя тебе наймусь!» — недовольно прошипела одна часть Аскольда. А вторая, не находя слов, просто приплясывала где-то в груди тёплым комочком.

— Расслабься, мне кое-что Бомптириус поведал.

— И что же, если не секрет?

— Что не так давно ты здесь и что тебя ещё многому нужно учить. Отправить бы тебя в Университет, но ведь тебя там сожрут... Я так вообще сторонник домашнего образования.

Мари смотрела на этого лощёного господина и всё равно не могла понять, на кой бес она ему сдалась.

— А какая вам корысть?

— Давай уж на ты... — Аскольд почувствовал, как его уши загорелись.

— Хорошо... — Протянула Мари, в её сознании, это был переход на личное пространство, и это ей не нравилось совершенно. — Так какова корысть?

— Никакой, — просто ответил герцог. — Просто хочу.

— Чего?

— Общаться.

Мари большими чёрными глазами Аниты оглядела с намёком на иронию Аскольда.

— Тебе не с кем общаться? Мало что ли таких же... эм... состоятельных господ? — Запнувшись, проговорила она.

— Вообще не с кем. — На удивление искренне ответил он. — Если не веришь, могу тебе это доказать.

— И как же? Покажешь пустую телефонную книжку? — усмехнулась она.

— Нет, я приглашаю тебя на бал.

Мари заглянула в глаза Аскольду, пытаясь проверить, нет ли там огонька безумия. Вроде не нашёлся. Она нервно улыбнулась:

— Ага, Золушка. А принц кто?

— Не понимаю, о чём ты.

— Бал? Серьёзно?

— Скорее приём. У моего дяди юбилей. Двести лет. — Пожал плечами Аскольд, типа, «ну у кого не бывает двухсотлетних дядь!»

— Чего? — Мари округлила глаза. — Точно дядя? Не его кости?

— Окей... — Аскольд сделал страдальческое лицо. — Сколько мне лет? На твой взгляд?

Мари растерялась. Было очевидно, что её восприятие сильно расходится с реальностью, но не ответить честно было бы неправильно.

— Лет двадцать пять от силы. Я думала, что не больше двадцати трёх, когда мы познакомились... — Она сказала это и ещё раз внимательно взгляделась в черты Аскольда: кожа, которая явно каждое утро встречалась с бритвой, спокойные, чуть лукавые глаза, залегшая складочка лёгкой усмешки. Сейчас она бы с легкостью накинула ещё десяток лет.

— В этом году мне исполнилось сорок девять лет.

На глаза Мари невольно навернулись слёзы. То ли от обиды, то ли от непонимания. Так вот почему на неё так странно смотрели в банке!

— А мне семнадцать.

— Я не удивлён. Так что насчёт бала? — не стал продолжать тему возраста Аскольд.

— Когда он будет? — Мари сделала над собой усилие, чтобы спокойно задать этот вопрос. — И... неужели тебе не с кем пойти?

Аскольд рассмеялся.

— Кандидаток слишком много, и я устал от них всех. Они все как под копирку, от одного учителя манер и нравов, нашей местной светской львицы. Ни слова правды, ни нормального разговора. Так что, и да, и нет, не с кем.

— А когда бал будет?

— Через пару недель. Не сбежишь? — он улыбнулся. Сегодня он слишком много и легко улыбался.

— Куда мне бежать, Аскольд? — Мари сказала это, и тень легла на её лицо. Она прикрыла глаза, выдохнула, открыла глаза. — А чем займёмся сегодня? Ты же зачем-то пришёл?

— Я пришёл, потому что хотел тебя видеть.

Откровенность Аскольда была обезоруживающей.

— И всё.

— Я много чего хочу. Но ты скорее всего примешь только предложение погулять, вкусно поесть и пообщаться.

Мари не удержалась и рассмеялась.

— Чёрт, тебе и правда полтинник. Мои ровесники этого не понимают. Значит, просто гулять?

— Да, устрою тур гастрономического туризма! И могу показать достопримечательности. Ты знаешь, что особняк Skeletto — это признанный памятник архитектуры викторианской эпохи? А большинство комнат полностью сохранили изначальную обстановку?

Мари напряглась.

— Мы, вроде как договорились только на прогулку? Или в программу прогулки входит посещение спальни в особняке Skeletto? — она сделала шаг назад.

Аскольд усмехнулся:

— Заметь, про спальню заговорил не я. Но я тебя понял. С особо ценными

достопримечательностями мы ознакомимся позже.

— Успокойл, — фыркнула Анита и вышла из гостиничного номера.

Довольный герцог последовал за ней.

Глава 4. Скелетто

Беспардонность герцога Аскольда Скелетто порой больше походила на детскую наивность. На следующий день он точно так же, не спрашивая разрешения, пришёл в её номер.

Мари была в душе. Вчера после прогулки были силы только на то, чтобы дойти до кровати. Аскольд оглядел простой номер и улыбнулся сам себе. Чёрт, да эти сутки он только и делал, что улыбался.

Наконец шум воды прекратился, и спустя ещё минуту Анита вышла из ванной, завернувшись в небольшое полотенце. Вода капала с чёрных как смоль волос, а взгляд был задумчивым, пока она не заметила герцога, стоящего посреди номера.

— Ты чё тут делаешь? — оторопела она.

— Захотелось повидаться, — просто ответил он. — Предлагаю тебе небольшую культурную программу. Ты же не местная!

— Ты снова предлагаешь свою спальню? — рассмеялась Анита.

— Нет, библиотеку, — серьёзно заметил Аскольд. — А ещё что-нибудь вкусное и в меру пьянящее.

— Мне нравится, — легко улыбнулась Анита. — А теперь будь добр... — она сделала выпроваживающий жест.

— На улице подожду. Не выношу клоповники, — скривил губы герцог.

Он вышел, оставив Аниту в приятном предвкушении, а Мари в полном смятении. С ним было легко и просто, не надо было особенно претворяться, достаточно — просто не всё рассказывать. И это нравилось Мари. А ещё было приятно находиться рядом с ним, держать его за руку и смотреть в глаза, иногда лукавые, а иногда даже слишком серьёзные. И это нравилось Аните и совсем не входило в планы Мари.

Пугать сегодня было никого не нужно, но и соблазнять тоже. Мари в облике темноволосой Аниты стояла перед небольшим зеркалом и постукивала ногой об пол, раздумывая. Для начала, волосы должны быть сухими, никакого макияжа, украшений... Она же просто друг, верно? — Джинсы, кроссовки, растянутая футболка. Удобно и просто. И... — эх, она так долго отгоняла эту мысль! — в такой одежде будет по-домашнему удобно в особняке Скелетто.

Когда она вышла на улицу, Аскольд нахмурился:

— В тёмном ты мне нравилась больше. Так ты похожа на белую.

Дыхание Мари перехватило. А Анита разозлилась.

— Сегодня мне так удобнее.

— Раз так, ладно, — поспешил согласиться Аскольд. — Мне иногда тоже удобнее в простых шмотках, — и костюм-тройка денди, к которому Мари уже успела привыкнуть, сменился на джинсы, толстовку и кроссовки. Такой Аскольд Скелетто гораздо больше походил на студента-раздолбая, чем на могущественного герцога. И так было куда проще поверить, что ему лет двадцать.

Они двинулись от гостиницы пешком по запруженной людьми улице.

— Как ты это сделал? — Спросила, поймав себя на одной неожиданной мысли, Анита.

— Ты о чём?

— Как ты поменял одежду?

— Сейчас я просто телепортировал одну домой и поменял на другую. Это несколько рискованно, но с трансформацией материи у меня не всё гладко, — усмехнулся он. — А к чему это?

— Я поняла, что даже не задумываюсь о том, как поменять одно на другое, — медленно, подбирая слова, проговорили Анита.

Аскольд поражённо оглядел её с ног до головы.

— Невероятно! Ты же совершенно не знаешь теорию?

— Не-а.

— Невероятно! — снова воскликнул он. — В таком случае, я знаю, что именно тебе показать в моей библиотеке. Ты же, наверное, даже представить себе не можешь, сколько есть способов применения твоей силы. Есть вещи, которые ограничиваются фантазией, а есть и те, которые возможны только при соблюдении некоторых правил. И ты о них пока что не знаешь.

— Ну, о некоторых знаю, — протянула Анита, думая о тех правилах, которые ей вбивал в голову Ричард, и которые она уже благополучно нарушила. Ей хватило того недолгого времени, проведённого на Лысой Горе, чтобы понять: белая магия здесь не работает. А она, та, которая даже не задумывается о том, как именно творит, использовала последние два дня только и только тёмную магию. Сказать, что в ней что-то поменялось? — Вроде нет. Стала по-другому мыслить? — Вроде, тоже нет. Изменился характер? — Возможно, но явно не в фокусах дело. — Но не считаю их важными, — после долгой паузы добавила она.

Аскольд лукаво улыбнулся, но ничего не сказал.

Первое, что сделал Аскольд Скелетто, когда они зашли в библиотеку его особняка, — расстелил на большом столе огромный лист пожелтевшей бумаги. Мари не сразу поняла, что это — карта. Лист был почти чистым, и только в нескольких местах разлились чёрные кляксы. Одна из этих клякс была значительно больше остальных. Другие же были скорее точками, рассеянными в хаотичном порядке.

— Что ты знаешь об этом месте? — Спросил её Аскольд, глядя на карту.

— Достаточно, — буркнула Анита. «Ни черта я не знаю...» — выдохнула про себя Мари. — Лысая Гора — столица преисподней... бла-бла-бла...

— Ну, начнём с того, что Лысая Гора — это лишь небольшая возвышенность в самой большой пещере. — Он ткнул пальцем в самую большую кляксу. — А чем больше пещера, тем больше сил она даёт. Поэтому все сюда и рвутся, а не в эти каменные мешки, — он провёл пальцем по гряде точек.

— Любая пещера имеет такие свойства? — поражённая, откликнулась Анита.

— Нет, не любая. Но... это может быть любое место, где живёт одна магическая живность. Особая плесень. Солнечный свет, высокие температуры её убивают. Ты видела здесь такой синий туман?

— Да, конечно! — Анита невольно бросила взгляд в угол комнаты, где даже сейчас витали тени.

— Это её споры. И это то, что и есть магия. Это то, что даёт нам эти силы.

— Погоди, но я даже дома могла...

— Как мило, я учу обывательницу, — усмехнулся Аскольд.

Анита гневно уставилась на него.

— Эй-эй, полегче! — он схватился за грудь и осел на пол.

— Что с тобой? — она подскочила к нему и помогла подняться на ноги.

— Беру свои слова обратно, ты такая же обывательница, как я — белый! — он отдышался и с уважением посмотрел на девушку: вся его хваленая защита лопнула как мыльный пузырь под её бешеным, неконтролируемым натиском. До этих пор только одного мага он мог считать более сильным, чем он сам. Теперь конкурентов прибавилось. — Там, — он указал пальцем наверх, можно что-то делать, если твой резерв позволяет.

— Это как бы мана? — невинно спросила она.

— Прости, я не понимаю, о чём ты, — он покачала головой. — Здесь слишком много переменных. Обычный, средний маг, каких здесь большинство, может что-то сделать там в течение пары дней. Потом его будет не отличить от обывателя. Причём, вне зависимости, будет он использовать свой Мрак или нет. Некоторые умеют использовать свои жизненные силы на магию. Но так и надорваться недолго.

Мари вспомнила, как её вырубало дома после малейших манипуляций.

— Это... хм... это как заливать в автомобиль вместо бензина растительное масло. — Продолжал Аскольд. — Возможно, какой-то двигатель с этим и справится, но эффект будет не тот, и двигатель быстро сдохнет. Я вот могу быть там пару недель, особенно если не делать ничего ресурсоёмкого, типа телепортации. Она много отжирала...

Аскольд вернулся взглядом к карте.

Только сейчас Мари поняла, что это — карта мира, и что стоит только наложить её на обычную карту такого же масштаба, можно будет узнать, где именно находятся все эти пещеры.

— Это наша пещера — пещера тёмной княжны, на её периферии ошиваются белые, так уж и быть. Это — он ткнул в довольно солидную кляксу чуть восточнее — Трансильвания с её вампирами. — Он передернулся.

— Вампиры бывают? — слова вылетели быстрее, чем Мари успела подумать.

— Ну, они считают себя магами, хотя на самом деле — просто вырожденцы, — не скрывая омерзения, ответил Аскольд. — Это насколько странное место, что, если путь заказан на Лысую Гору, маг предпочитает стать отщепенцем и искать вонючие пещеры, чтобы пополнить резерв по большим праздникам, чем переезжать в Трансильванию. Это свой мирок. И хотя на самом деле это просто пещера глубоко под Восточной Европой, мы привыкли называть её именно так. Ничего кроме территориальной близости и чёрного юмора.

— А что в них такого? — спросила Анита.

— Они — пустые сосуды, которые можно чем-нибудь наполнить. Живут немерено, но — слава Мраку! — не бессмертны. Они могут кого-нибудь сожрать, в прямом смысле этого слова, и тогда у них прибавляется сил и чуть продлевается жизнь, то же самое с кровью, но такое себе могут позволить только богачи. А ещё они занимают у настоящих магов их силы, и даже могут ими пользоваться... Короче, правда мерзкие твари, и пока что не будем о них подробно.

— А как они размножаются? Ведь если верить легендам...

— Как и все люди. Только иногда на новоявленных мамаш находит безумие от вида их же крови, и они пожирают своих младенцев.

Аниту передёрнуло от отвращения.

— Вот уж точно, мерзкие твари... А кто здесь? — стараясь как можно скорей сменить тему, она ткнула на небольшую перещерку, по её прикидкам где-то в Средиземноморье.

— Это Атлантида.

— Атлантида?! Но она же затонула вроде... — Недоверчиво спросила Анита.

— Да, затонула. И это не пещерка. Это остров.

— Прости, я перестаю понимать...

— Атлантида действительно затонула, но в её недрах были споры всё тот же гриба. Когда остров скрылся под водой, и свет перестал проникать к нему, гриб развился. И хотя она по-прежнему под водой, благодаря источнику магии смогли сделать её копию в пятом измерении. Так что там светит искусственное солнце, плещется чудесное море, бьёт ключом сила, и ни один обыватель ни может ни увидеть это место, ни попасть туда. Это туристический центр и место для отпуска рядовых магов.

— Хотела бы я там побывать, — мечтательно протянула Анита. — А что это за каменные мешки, как ты сказал? — она указала на точки.

Аскольд фыркнул.

— Места, где шаманы режут баранов, а другие обыватели якобы лечат ревматизм. Ну еще приходят на паломничество отщепенцы, чтобы совсем то уж не забыть об истоках.

— Но они же...

— Да-да, они отмечены на карте, потому что имеют те же свойства, что и вся остальная преисподняя. Но сил дают мало. Слишком. Зависимость силы, которую дают эти места, от размеров корней под пещерами — не прямая. С увеличением их сила растёт в геометрической прогрессии. Если этих пещерок, — он снова кивнул на гряду точек, — для среднего мага едва хватит, чтобы различать ауру, то в самой большой пещере, пещере Тёмной княжны, возможности мага почти безграничны.

Зашла служанка, Анита обратила внимание, что она как будто не настоящая. Робот или мертвец. Совершенно пустой взгляд. Эффект не был бы большим, если бы мертвячка передвигалась с закрытыми глазами. Она поставила на пол, прямо на мягкий пыльный ковёр, большой поднос с закусками, фруктами и бутылкой вина.

Анита столь внимательно следила за горничной, что Аскольд невольно замолчал, прервав своё повествование.

— Прости, ты говорил о пещерах? — вновь сконцентрировав своё внимание на герцогине, спросила Анита.

Аскольд не сразу заговорил, внимательно глядя в выражение лица подруги.

— Да, но хотел сказать немного другое. Возможности достаточно сильного мага на Лысой Горе почти безграничны... — пробормотал он.

Анита в задумчивости смотрела на поднос.

— Знаешь, я есть хочу! — неожиданно громко сказал Аскольд, схватил персик и жадно впился в него зубами.

— Я тоже! — широко улыбнулась девушка и взяла с подноса бутерброд. — Из-за тебя я не позавтракала даже!

— Приношу свои извинения. Вина? — спросил Скелетто.

— Какое вино в полдень! — ужаснулась Мари.

Аскольд непонимающе посмотрел на неё.

— Если ты не против, я хочу поэкспериментировать. Тем более, ты же сам сказал, что здесь наши возможности почти безграничны.

Герцог вопросительно поднял брови.

Мари сосредоточенно уставилась на поднос, по привычке закусила нижнюю губу и

сжала кулаки. Постаралась вспомнить все уроки Ричарда. Да, светлая магия здесь не действует, но это же явно искусственный запрет!

Не зная ни строчки из теории тёмной магии, она на доли секунды сняла блок, сотворила здоровенный фарфоровый чайник, полный душистого чая, и поставила блок на место.

Аскольд с большим сомнение смотрел на белый чайник. Однако милостиво, одним только взглядом, телепортировал две чайные пары из буфета.

— Ты уверена, и не хочешь умереть в муках? — осторожно осведомился он.

— Аскольд, я знаю, что ты меня принимаешь за дуру. Однако я не думала, что ты настолько плохого мнения обо мне. Это просто светлая магия.

— Значит, я не ошибся, когда сказал, что ты похожа на светленькую?

— Заткнись и пей!

— Ты ручаешься?

— Я теорию и впрямь не знаю, да и практики было негусто. Но мяту от мертвечины отличить в состоянии.

Аскольд внешне спокойно налил себе целую чашку чая и сделал вид, что пьёт — едва смочил губы.

«Даже не облизал их, гад!»

— Да чтоб тебя... — фыркнула Анита, тоже налила себе чай и с явным удовольствием опустошила кружку в несколько глотков. — Очень вкусно. Именно то, что я хотела.

Герцог сосредоточенно следил за ней, словно отсчитывал секунды.

— Может, только у тебя иммунитет к своим творениям?

— Не пори чушь! — разозлилась Анита. — Если ты попробуешь сделать что-то подобное, тогда и впрямь будет яд. Ну, попробуй, ну, пожалуйста! — заныла она.

Аскольд сглотнул комок в горле.

— Если что, противоядия есть в моём кабинете...

— Не беси меня.

— Ладно-ладно. — Он взял чашку, зажмурился и сделал осторожный глоток.

— Мне бежать за зельями? — будничным тоном осведомилась Анита.

Он открыл глаза и восторженно уставился на девушку.

— Вкусно!

— А ещё я готовить умею.

Этот день напомнил Мари тот, в который она впервые оказалась в преисподней. Только тогда она была просто поражена, находилась под впечатлением не столько от увиденного, сколько от самой ошеломляющей новости. Сегодня же она была ошарашена своими возможностями. Почти всё, что показывал ей Аскольд, оказывалось так же просто как ходить или моргать, и так же естественно. Он показал, как под его рукой ткань меняет цвет и фактуру, как зажигается свет во всём доме по щелчку пальцев, как работают электронные приборы, едва он прикасается к ним, как разлетаются в щепки двери, когда он смотрит на них...

Мария наблюдала за ним, повторяла, прислушиваясь к своим эмоциям и мыслям. В её чувствах была только непроглядная чернота, а в мыслях — все худшие помыслы, какие только появлялись в её голове. Мрак! Не то божество, покровительствующее тёмным, не то сама суть силы тёмной магии.

Почему ей было так сложно зажигать свечи с помощью светлой магии и так легко

спалить целую комнату с помощью тёмной?

Почему было так тяжело держать себя в руках в Прабеле и так легко быть собой на Лысой Горе?

Ни-ко-гда она не была белой. Ни-ко-гда.

— Анита, а теперь я хочу тебе кое-что показать, — весь день такой непринуждённый Аскольд заметно напрягся, будто бы боязливо оглянулся по сторонам — тяжёлые портьеры с лёгким «пф-ф-ф...» закрыли полностью окна. Анита кожей почувствовала, как над домом нависла защита.

— Если ты так переживаешь, может не показывать? — замахала она руками.

— Тебе стоит знать. — Отозвался Аскольд. — Лучше, если я тебе расскажу, а не кто-то другой, и у тебя не возникнет лишних... Впрочем, иди за мной.

Мари напряглась, но проследовала за герцогом. Они пришли в кабинет. Антикварная тёмная мебель, стол с зеленым сукном и бархатные портьеры, как и везде в доме. Хозяин пропустил её вперёд и закрыл за девушкой дверь.

Анита настороженно следила за Аскольдом, который подошёл к книжному шкафу и стал методично стопками выкладывать книги со средней полки. Когда все книги были убраны, Аскольд провёл рукой над задней стенкой шкафа — теперь там была ручка выдвижного ящика. Он полностью вытащил его и поставил на стол, прямо поверх бумаг.

Сказать, что содержимое ящика смердело — не сказать ничего. Разлагающиеся тушки животных, их внутренности, целый набор ножей, которые никто и когда не мыл, почерневшие уши, заспиртованные человеческие пальцы и глаза, плавающие в формалине.

Анита непроизвольно попятилась к двери. В глазах её плескалась смесь страха, отвращение и интереса.

— Что это? — едва выдавила она, борясь с тошнотой.

— Я некромаг. Или некромант, как тебе больше нравится?

— Это что? — задала тот же вопрос она, указывая на ящик.

— Ты, верно, не поняла или не расслышала меня. Я — некромаг.

— Да будь ты хоть Папой римским! — выплюнула Анита. — Это что за гадость? И это тоже можно использовать? — теперь в её глазах остался лишь интерес.

— Да, это можно использовать... То есть, нет, нельзя. — Отрезал Аскольд. — Некромагия на Лысой Горе запрещена. За неё могут выгнать из преисподней и лишит всех сил.

— Но вы же тёмные, — возразила Анита тоном, подразумевающим «но вам же всё можно».

— Пожалуй, никто тебе не скажет, кто был создателем этого запрета. Думаю, это был человек, казнивший Асмодеуса Скелетто.

— Кого-кого? — переспросила девушка.

— Моего далёкого пращура. Последнего некромага, который открыто пользовался этим видом магии. А заодно правил пещерой Тёмной княжны, которая тогда называлась Средней. Тогда думали, что найдут пещеру ещё больше; что-то вроде мифа о философском камне у обывателей. В его же подчинении были Фессалия и Атлантида... А вообще его звали просто Асмодеус. Скелетто — прозвище данное ему чернью.

— То есть ты думаешь, что запрет придумал тот, кто победил его?

— Да, но этого никто не знает наверняка, даже представители нашей семьи. Однако сейчас важно не это. Я хотел сказать, что волею случая так вышло, что я тоже практикую

некромагию, и это не очень законно. Это было бы совсем незаконно, не будь я Скелетто, и не будь среди моих вечных друзей и должников мэр Лысой Горы.

Анита не удержалась от усмешки:

— То есть, если некромагию будет практиковать не герцог Скелетто, и этот господин не будет обладать достаточными средствами и связями, то его дни на Лысой Горе будут сочтены?

— Да.

Она округлила глаза.

— Ты что, смеёшься?

— Даже и не думал. Я делаю уступки мэру, он делает их мне. Все довольны.

— Это же взяточничество!

— И что с того? — удивился в свою очередь Аскольд. — Как ты себе представляешь жизнь без этого? Мы же просто помогаем друг другу.

— Но это неправильно... — неуверенно проговорила она. — Если кто-то совершает преступление...

— Нужно иметь знакомых в страже, а лучше начальников охраны и знакомых в замке тёмной княжны.

— Прости, я тебя правильно понимаю? Если есть связи, то всё можно?

— Нет, ещё нужны деньги. — Серьёзно добавил Аскольд. — Иначе ты никому не выгоден, а значит — не нужен в преисподней. Правда жизни. Мы все друг от друга чего-то ждём, общаемся только из корыстных побуждений. Любовь, например — удовлетворение своего эго, сексуальности и потребности в обществе.

— Тебе не кажется это слишком циничным? — с сомнением спросила Анита.

— Это естественно, а не цинично. От того, что ханжи не принимают подобные утверждения, ещё не значит, что они не живут по этим законам.

Мари, потрясённая вымолвила:

— Значит, ты живёшь по этим законам?

— О, да, — Аскольд довольно улыбнулся. — Думаю, этим мы займёмся чуть позже, — и он привычными движениями убрал ящик и сложил на место книги.

— То есть на самом деле все, конечно же, отлично знают, что ты — некромант.

— Разумеется! Но только никому ни слова! — он рассмеялся как мальчишка, подошёл к девушке и взял её за руку.

Мари перехватило дыхание.

Глупо, глупо, очень глупо! Нельзя было влюбляться в такого... в этого... слишком идеального герцога.

Кажется, её замешательство отразилось на смуглом лице Аниты. Краем сознания она отметила, что за окнами опустилась кромешная темнота.

— Анита, пожалуйста, останься здесь, — попросил её Аскольд.

— Я не могу, — очень, ужасно, невыносимо хотелось остаться. И ведь её действительно ничегошеньки не держало.

Почему-то именно сейчас она вспомнила о родных, о папе, Владлене и Лиз. Ох, как бы они все были разочарованы... Мысль о них была такой болезненной, что Анита предпочла задвинуть её в дальний ящик.

А что её держит?

Конечно, Аскольд видел её насквозь, вместе со всеми сомнениями.

— Мы можем болтать с тобой до ночи, а потом ты останешься здесь в любой гостевой спальне. Я научу тебя защитным заклятиям — даже я не зайду в твою комнату, — он по-прежнему держал её руку в своей. И это было правильно.

Чёрт, он старше её отца!! Но внешность совершенно сбивает с толку!

Анита подняла на него взгляд из-под дрожащих ресниц:

— Даже если сегодня, завтра, послезавтра я уйду, то рано или поздно, я ведь всё равно буду здесь, да?

С ним было потрясающе интересно, легко, просто. Не приходилось придумывать темы для бесед, нужные слова сами, легко ложились на язык. Он слышал её.

Аскольд попытался сдержать улыбку, но у него не вышло, и он тихонько рассмеялся:

— Да. Пожалуйста, будь здесь. Мне это в радость.

Мари нестерпимо захотелось узнать, как это, прикоснуться к его губам... Когда их взгляды пересеклись, она тут же сделала вид, будто её страшно занимают собственные руки.

«Нет, нет, не отпускай, ты же...»

Аскольд отпустил руку Аниты, лукаво глядя на неё. Конечно, он же читает её мысли так легко, а она уже столько всего про себя наболтала лишнего!

Анита стояла красная как помидор посреди его кабинета. Аскольд выдержал театральную паузу. Снова взял за руку и повёл на третий этаж.

— Ты же в прошлый раз ночевала здесь, да?

— Да, — осипшим голосом подтвердила она.

— Представь эту комнату полностью, ты на самом деле можешь видеть всё, что находится за дверью. Твоих способностей для этого хватит. А теперь построй мысленную стену. Можешь натывать ловушек — всё ограничивается лишь твоей фантазией.

Анита послушно следовала его словам. Кажется, уже в сотый раз за этот только день она обратилась к своей тёмной стороне: злости, гневу, ярости — эмоции создавали точные и безотказные рычаги управления той чудовищной силой, которая бурлила внутри неё.

Внешне ничего не изменилось — но Аскольд присвистнул.

— Ты крутая, — без тени шутки сказал он. — Если я рискну туда сунуться, мокрого места не останется, — вырвался нервный смешок. — Да ты и сама знаешь.

Она и правда откуда-то это знала — и вовсе не из слов Аскольда. Она знала, что любой, кто только приблизится к этой двери, тут же осыплется горкой пепла.

— Спокойной ночи. Я очень рад, что ты наконец осталась со мной.

Анита только неловко улыбнулась и спряталась в спальне.

Следовало срочно научиться блокировать собственные, дурацкие, детские мысли! Вот этим они и займутся завтра...

* * *

Это было странно и больно наблюдать за отцом и Элизабет, которые забыли о Мари. Владлена боялась отлучиться на лишние сутки, чтобы только не пропустить очередную дозу зелья для семьи.

Она чувствовала себя сумасшедшей, которая вместо того, чтобы похоронить родного человека, оставляет его труп не упокоенным. Это мучило, это сводило с ума, это заполняло все её мысли.

Владлена сама себя загнала в ловушку — чем больше проходило времени, тем сложнее было открыться. Из ночи в ночь за ней следовал один и тот же кошмар: что она забыла

подсыпать заговорённое на исчезновение Мари зелье, и родные требуют откопать тело сестры, которое она своими руками зарыла на заднем дворе... И хотя, разумеется, никакого тела и в помине не было, Владлену прошибал пот каждый раз, стоило ей вспомнить эти видения.

Теперь она вынуждена была постоянно ошиваться дома или, по меньшей мере, возвращаться домой каждый день. И как бы ни раздражала её Элизабет своим буквально бьющим по глазам светом, Владлена не могла не признать, что отец действительно стал счастливее. Элизабет по-прежнему избегала её, но теперь ведьма перестала лезть на рожон. Она просто была рядом со своей семьей, всеми силами оберегая их счастье.

Это казалось ей сумасшествием.

И это же почему-то было правильным. Так говорила ей интуиция, а интуиции Владлена верила едва ли не больше, чем своим глазам.

* * *

Неделя в обществе герцога, в его доме пролетела махом. Наступил день бала в честь юбилея дядюшки Аскольда.

Зал с бардовыми драпировками быстро наполнялся разодетой публикой. Усыпанные драгоценностями гости переливались в свете многих сотен свечей. Как Аскольд пояснил Аните, свечи — это дань традиции. Маги электрический свет не любили, хотя и отдавали ему должное.

Мари под руку с Аскольдом вошла в огромный зал, толпа тут же расступилась перед ними. Смущение Мари, пусть и немного привыкшей к великосветскому обществу, хорошо маскировалось невозмутимостью Аниты. Та горделиво вздёрнула подбородок, несколько более интимно, чем могла позволить обстановка, прижалась к Аскольду. Платье, найденное Аскольдом в гардеробе его матери, на удивление хорошо на неё село. Тёмно-малиновое, с огромной, шелестящей при каждом шаге юбкой, открывающее почти всю спину и едва прикрывающее грудь — оно было великолепно. Мари отгоняла от себя мысли о том, сколько лет этому платью, а Анита просто наслаждалась происходящим.

Аскольд рядом с ней был неотразим: только облик истинного английского денди начала девятнадцатого века мог вполне подчеркнуть его статус. Слегка завитые каштановые волосы, высокий воротник, пышный шейный платок, приталенный фрак, пара изящных колец на пальцах удивительно тонко подчёркивали его природную красоту.

Наконец, Анита и Аскольд приблизились к имениннику, абсолютно лысому мужчине с простоватыми чертами лица и крупными губами. Взгляд его был цепким, холодным и надменным. Герцог Скелетто-старший был не очень высок, упитан, и выглядел в глазах Мари лет на шестьдесят от силы.

— Здравствуйте, дядюшка! С юбилеем вас! — произнёс Аскольд и тепло оскалился родственничку. — Подарок чуть позже.

— О! Дорогой племянничек! — по-змеиному улыбнулся герцог Скелетто. — Не познакомишь меня с твоей спутницей? — осведомился он светским тоном, бросив безразличный взгляд на Мари.

— Ах, да! Анита, знакомься, герцог Сэмьюэл Скелетто, книгоиздатель, владелец кладбища, обладатель более пятидесяти наград за заслуги перед тёмномагическим миром. Дядюшка, это Анита... э-э...

— Демен, — подсказала Мари и сделала реверанс, который несомненно оценила бы

Жюли, если бы могла его видеть.

— Анита Демен, — как ни в чём не бывало, продолжил Аскольд. — Она здесь проездом, но задерживается по своим делам.

— Очень приятно! — проворковала Мари, протягивая руку для поцелуя. Сэммиюэл вздрогнул и только словно сейчас осознал, что перед ним стоит улыбающаяся красавица и протягивает ему свои пальчики.

— Оч-чень... — запнулся он, целуя руку в чёрной перчатке.

Мари уходила под руку с Аскольдом уже в глубину зала, где пары строились, готовые по знаку дирижёра закружиться в звуках вальса, и до сих пор чувствовала на себе липкий, раздевающий взгляд дядюшки Аскольда.

Грянула музыка, Аскольд подхватил Мари и увлёк в водоворот танца. Маги и ведьмы кружились словно в адской пляске, дамы задевали платья друг друга, свет свечей отражался в глазах их кавалеров, искажая взгляды и надевая на лица жуткие гримасы. Танец был словно выражением всеобщей ненависти друг к другу, конкуренции, вызывал ощущение дикой волчьей стаи... Чем дальше продолжались эти будто бесконечные круговые движения, тем явственней начинала видеть Мари ауры находящихся здесь знатных лысегорцев. Кто-то был сильнее, кто-то значительно слабее, чья-то аура горела красным, чья-то разливалась синим, и лишь две были черны, чернее самой Лысой Горы — Аскольда и Сэммиюэла Скелетто...

Мари внезапно показалось, что только что мимо неё пронеслась дама в огромном платье восемнадцатого века, а следом за ней некий господин — в костюме раннего средневековья. Те, кто только что был одет под стать ей и Аскольду, казались стаей диких птиц, попавших в разные банки с краской.

— Аскольд! — Мари судорожно вцепилась в плечо герцога. — Что происходит?

— Тебе плохо? — Озабоченно поинтересовался он, тут же высматривая способ выйти из круговерти танца.

— Я не знаю! Почему все... Все в разном! Вот! Смотри!! Она одета как королева Елизавета! А вот он — у него что, на ногах гольфы?

— Шоссы, — мягко поправил Аскольд.

— Гольфы, гульфик и... о, чёрт... Меня сейчас... У меня всё мелькает перед глазами...

Словно между делом, Аскольд вывел их из танца прямо к одному из свободных диванчиков.

— Я не понимаю... — прошептала Мари, оглядывая зал. Только Аскольд, Сэммиюэл и ещё десяток магов не походили на голограммы. — Они одеты...

— Каждый как считает нужным.

— Ну... это...

— Точнее, как принято в семье. Главы кланов — обычно очень сильные маги, и они нередко навязывают всем своим отпрыскам следовать традициям.

— Мне кажется или...

Аскольд проследил за взглядом девушки:

— О, Маришка Гнильвецких... Да, на ней действительно платье шестнадцатого века. Именно тогда клан Гнильвецких-Гнилович был в зените. Выходцы из Литвы.

Мари, начиная понимать, медленно кивнула.

— Ну а он? — указывая на полноватого пожилого господина в грязно-зелёном сюртуке, чёрном парике и туфлях с золотыми пряжками, выделяющего странные па.

— Забавный, туповатый, злобный тип. Это наш мэр. Почесалкин Аристарх Платонович.

Его отец любил такую одежду у себя на родине даже тогда, когда она уже вышла из моды.

Мари взяла у проходящего мимо мертвяка бокал с шампанским, сделала торопливый глоток.

— Но почему у меня в голове такая чехарда?

— Ты наблюдаешь сейчас за редким здесь явлением проявления уважения к другим кланам. Каждый видит то, что хочет видеть. Одежда каждого из них зачарована, как и моя, и твоя. Всем приятно видеть свои юбки, шоссы и парики, прости Мрак.

Мари легко улыбнулась и постаралась расслабиться в этом гвалте музыки, смеха и разговоров за игрой в карты. Закрыла на несколько секунд глаза, открыла их вновь, оглядела толпу...

Каждый джентльмен был во фраке или приталенном сюртуке более старого кроя. Каждая дама — в кринолине, перчатках и с веером.

— На такое имеют право только влиятельные дома и древние кланы. — Осторожно заметил Аскольд.

— То есть у вас нет своих цветов или гербов, но есть свои костюмы? — уточнила Мари.

— Ну, если очень грубо — то да. Но на деле подобное, — он сделал неопределенный жест в сторону других гостей, — большая редкость. Раньше, да, все заморачивались и действительно рьяно придерживались традиций. Но сейчас люди моего возраста и младше предпочитают быть похожими на обывателей. Это куда проще. Только в высшем свете ещё хранится эта традиция, одеваться в своё старье из сундуков.

Мари оглядела своё «старье из сундука» и хотела было возразить, что на самом деле в этом что-то есть, но промолчала. Аскольд выглядел задумчивым и утомлённым, хотя они пришли не больше получаса назад. Она мягко коснулась его руки своей рукой в перчатке. Сейчас, когда тонкий слой ткани отделял её от него, прикоснуться первой было почти не страшно.

— Аскольд, — мягко спросила она, — всё хорошо?

Он покачал головой.

— Давай прогуляемся немного. У дяди есть настоящее сокровище для Лысой Горы — свой парк.

— О, конечно.

Они вышли в слабо освещённый парк более похожий на смесь заброшенного кладбища и таёжного леса.

— Так что же случилось? — снова спросила она.

Аскольд грустно усмехнулся:

— Анита, у тебя есть семья?

Она споткнулась на ровном месте, что не ушло от внимания Аскольда, хотя виду он и не подал.

— Да, — тихо ответила она.

— Тогда ты, наверное, поймёшь меня. Моей семьей... Нет, не так. Моей лучшей частью семьи была моя мать. А вот с отцом мне катастрофически не повезло.

— А кто твой отец?

— Мой отец — Анатолий Скелетто, он умер сорок лет назад, в этом году как раз годовщина. Был владельцем трёх кладбищ и крупного черномагического издательства. Был некромантом и по-своему талантливой тварью, — он скорчил презрительную гримасу и бросил злобный взгляд в сторону особняка, где продолжался бал.

— Что-то ты не слишком вежливо отзываешься о своём прародителе! — ехидно заметила Анита.

— Он того заслуживает. Та ещё мразь... — Он слегка задумался. — Анита, ты любишь длинные истории?

— Пожалуй, — отозвалась та.

— Что ж, тогда я, пожалуй, расскажу...

Тот проклятый вечер ноября 1804 года, когда туман не просто стелился по преисподней, а так и норовил пробраться в нехитрые жилища его обитателей, Арнольд Скелетто запомнил на всю жизнь. Весь вечер он мучился угрызениями совести и невозможностью исправить своё прошлое, а теперь, судя по всему, уже и будущее. Дёрнул же его чёрт жениться на этой профурсетке Мадлен Фриштен. Да, не даром люди говорят: Седина в бороду — бес в ребро... Ему уже стукнуло сто семьдесят восемь, а этой всего-то на всего пятьдесят девятый год идёт! Детвора, что и говорить. Конечно, он ей не пара, он сейчас и сам это понимает, но тогда, когда он впервые увидел её, столь очаровательно примерявшую синюю шляпку в одном из самых модных магазинов Лысой Горы... Э-эх... Но а сейчас-то что делать?! Жена родила сына, а сама умерла во время родов. И обидно-то, что только через неделю после случившегося, после того, как Арнольд дал ребёнку имя Анатолий, как признал его своим сыном, объявился его настоящий отец, конюх с ближайшей транспортной станции. И теперь Арнольд в замкнутом круге — плюнет на ребёнка и отдаст его любовнику жены — репутация лучшего гробовщика на ЛГ полетит к чертям собачьим; оставит у себя — будет терпеть насмешки со стороны всего магического сообщества мегаполиса, что он, дескать, и наследника-то после себя не в состоянии оставить. И в этом случае тоже неизвестно, что будет с его карьерой. Тем более, ему уже сто семьдесят восемь лет и у него уже может и не быть других детей. Конечно, этот вариант тоже не лучший, но пусть уж будет хоть что-то, чем ничего.

В итоге Анатолий стал полноправным Скелетто.

Прошло три года. Зря волновался Арнольд: ещё одна женщина стала матерью его ребёнка. Теперь уж ничто не могло оспорить отцовство Арнольда Скелетто. Второй сын, Сэммиюэл, имел мало общего со своим сводным братом — он был простоват и глуповат, хотел узнать всё, в итоге не знал ничего, был довольно общительным и жизнерадостным пухлым мальчиком — полная противоположность жилистому, угрюмому, вечно читающему запретные книги, Анатолию. И если старший имел совершенно чёткие цели, то младший так и не определился, что же ему интересно в этой жизни. К сожалению, в преисподней титул — это всё равно, что сотрясение воздуха. Денег, почёта и славы он не даёт. Титул — это лишь дополнительные налоги. Титул — это то, что можно произносить в речах, упоминать в документах, покупать дабы потешить собственное честолюбие. И не более. Поэтому герцог Арнольд Скелетто рано начал задумываться, кто же будет продолжателем его дела. На одной стороне был чужой умница, на другой — свой дурак. В конце концов, гробовщиком стал Анатолий.

Прошло ещё семьдесят лет. Анатолию к этому моменту исполнилось сто сорок, Сэммиюэлу — сто тридцать семь. Как ни странно, оба брата весьма удачно устроились в преисподней: младший стал владельцем элитного кладбища, старший открыл черномAGICESKOE издательство. К этому времени старший Скелетто благополучно скончался,

оставив Анатомию своё дело. Но старший сын каким-то образом прознал о своём отсутствии родства и благородно подарил Сэммюэлу кладбище, правда, не безвозмездно, а под грабительский процент с выручки, а сам — всего-то пара-другая талантливых некрозаклинаний! — стал владельцем процветающего тёмномагического издательства, тем более, что он всегда тяготел к знаниям. Мать Сэммюэла осталась на попечении своего единственного сына, который, кажется, даже и не понял, что его сводный братец надул его на весьма внушительную сумму. Его мать постоянно твердила ему, что Анатомий его облапошивает, что девяносто девять процентов всей выручки с кладбища он отхватывает себе, а с тех денег, которые он им милостиво оставляет, едва хватает на текущие расходы. Но Сэммюэл ничего не желал слушать. Даже сейчас, будучи уже совершенно взрослым магом, он до колик обожал своего идеала — Анатомия, тем более, что у него, Сэммюэла, было всё, что ему было необходимо для счастья: крошечный домик на территории кладбища, в котором прошло его детство, кресло-качалка с тёплым чёрным пледом перед камином из грубых камней, тёплые пирожки с яблоками и ручной хомячок. Если он и занимался делами, то исключительно по минимуму. Все дела вёл Анатомий и если бы не он, про престижное кладбище в центре ЛГ попросту не вспомнили бы.

А в это время жизнь в преисподнии продолжалась — постоянные гастроли мега-звёзд магического мира, вечеринки, светские рауты, конкурсы... в том числе и конкурсы красоты, проводившийся раз в пять лет. Тогда, в 1944 году, конкурс красоты «Мисс ЛГ» был особенно интересен, а всё потому что одной из конкурсанток выступала юная дочь бывшего мэра Лысой Горы, Каролина Гнильвецких. Наверное, излишне будет даже упоминать о том, что она выиграла конкурс. На финальный этап конкурса было приглашено множество влиятельных гостей; по чистой случайности достался билетик и Сэммюэлу. Но ещё большей удачей было то, что его мать уговорила-таки его пойти. И, о чудо! Сэммюэл Скелетто, убеждённый холостяк, из всех женщин любящий и уважающий только свою породистую суку, сидя на предпоследнем ряду огромного концертного зала, влюбился, едва только увидел победительницу конкурса. Так уж случилось, что не только Сэммюэл Скелетто был на «Мисс ЛГ», но и его старший брат, который по чистой случайности перехватил взгляд Сэма и победительницы, тоже заметившей младшего герцога Скелетто, из-за которого у неё едва не задымилось чрезмерно декольтированное платье. Сэммюэл даже оказался настолько прытким, что один из первых очутился за кулисами у ног красавицы.

Удивительное совпадение, но Анатомий также влюбился в Каролину и, надо сказать, ничуть не меньше Сэма. Каролина Гнильвецких и Сэммюэл Скелетто вскоре поженились. Но старший Скелетто продолжал посылать даме своего сердца охапками розы, драгоценности, сногсшибательные платья от ведущих модельеров Лысой Горы... Каролина благосклонно улыбалась Анатомию, но верна была лишь Сэммюэлу. Такой странный любовный треугольник продолжал существовать на протяжении семи лет, пока Анатомий неожиданно для всех не женился на молоденькой невзрачной баронессе с весьма шатким финансовым положением. Но семейная идиллия продолжалась недолго — не прошло и полугода, как Каролина вновь увидела однажды утром на пороге своей шикарной виллы охапку нежных чайных роз. Удивительно, но через восемь лет практически постоянных навязчивых ухаживаний Каролина, наконец, сдалась... Примерно через год родился ребёнок — Аскольд Скелетто. Сэммюэл смеялся и плакал от счастья, а Анатомий лишь многозначительно ухмылялся. Прошло совсем немного времени, чтобы все могли понять, чей это ребёнок на самом деле. Теперь уже Сэм смеялся и плакал в приступах истерики; тем

не менее, он ни в чём не обвинял Каролину. Анатомий предпочитал не показываться в доме своего брата. Возможно, всё бы утряслось: Сэммюэл бы смирился с тем, что сын Каролины не его сын, Анатомий разорвал бы всякие отношения с семьёй своего брата... Но внезапно Анатомий скоропостижно скончался. Похороны были пышные и богатые, все сливки Лысой Горы пришли попрощаться с малолюбимым, но многоуважаемым герцогом Скелетто. Каролина с маленьким Аскольдом стояла перед гробом Анатомия, словно статуя, ничем не выражая своих эмоций. Сэммюэл стоял немного поодаль и вполне довольно ухмылялся.

После смерти брата Сэммюэл взял в свои руки типографию, занялся, наконец, вплотную кладбищем своего отца. Через какие-то два-три года он стал богаче самой тёмной княжны.

С тех пор прошло сорок девять лет.

* * *

Аскольд замолчал, подразумевая, что рассказ окончен.

— Ну, и? — нетерпеливо спросила Мари. — Что же такого страшного сделал твой отец?

— Неужели ты так и не поняла? — он поднял на неё удивлённые глаза. — Ведь ты сегодня разговаривала с Анатомием, а не с Сэммюэлом.

— Как так? — выпучила глаза Мари. — Но ты же сам сказал, что Анатомий умер.

— Тело умерло, но душа осталась. Или ты думаешь, что так-то просто убить сильного некроманта? Он совершил чудовищное преступление даже по меркам преисподней — он поменялся телами со своим сводным братом, а затем убил Сэммюэла в своём обличье.

— А почему это самое страшное?

— Он уничтожил его душу. Убийство, пожалуй, можно простить. Но он сделал нечто непростительное. Нечто такое, на что решился только один маг за всю историю, и поплатился за это.

— Но неужели никто кроме тебя не знает, что Сэммюэл это вовсе не Сэммюэл, а Анатомий? — поразились Мари.

— Отчего же? Напротив! — усмехнулся Аскольд. — Все делают вид, что ничего не знают, да люди уже и привыкли за полвека играть свои роли. Тем более, ты же понимаешь, я не мог хорошо знать Сэммюэла — всё, что я тебе рассказал, рассказала мне моя мать.

— Значит, тебя воспитывал твой отец под видом твоего дядюшки? — всё ещё не веря услышанному, спросила она.

— Получается, что так, — вздохнул Скелетто.

— А где твоя...

— Мама умерла шесть лет назад, а перед смертью всё мне рассказала. Думаю, отец отлично всё понимает. Но ему проще играть свою роль. Мне не стоит с ним ссориться. Я же его единственный наследник! — он криво усмехнулся. — Ссориться с Сэммюэлом мне нельзя. Я, конечно, и сам зарабатываю себе на безбедную жизнь, он поделился бизнесом, да и есть свои наработки... Но мои возможности на его фоне выглядят несерьёзно.

Мари как-то сразу вспомнилось, какими суммами Аскольд походя разбрасывается, и поняла, что её фантазии не хватает представить возможности его дяди.

— Давай сбежим отсюда! — внезапно предложила она.

— Но я даже ещё не вручил ему подарок... — заупрямился Аскольд.

Анита лукаво склонила голову на бок.

— Просто зайдёшь завтра на чай, извинишься, что так вышло... Скажешь, что я плохо себя почувствовала, и пришлось уйти. Вали всё на меня — а сейчас нам просто необходимо

сбежать!

«Я сказала «нам»?» — Мари запнулась, и поняла, что эту мысль она не закрыла. В последнее время у неё почти стало получаться закрывать всё, о чём она думала. По крайней мере, Аскольд утверждал именно это.

По выражению лица Аскольда она поняла, что действительно — забыла.

Это было очень странно. Они жили в одном доме, она надела платье его матери, они проводили вместе почти всё свободное от работы Аскольда время, они болтали обо всём на свете... Но самой прикоснуться к нему и даже подумать о чём-то большем, было... невозможно. Да, именно, невозможно! Аскольд был потрясающим другом, и потерять его из-за глупых девичьих грёз было бы очень-очень глупо. Тем более здесь и сейчас, когда она так от него зависит.

— Давай сбежим, я согласен! — и первый же ломанулся через кусты.

Они вывалились на дорогу смеясь, с листьями и хвоей, застрявшей в волосах. Шейный платок Аскольда съехал набок, а Анита чуть не оторвала кусок от юбки, запнувшись о корень. Прохожие с интересом оглядывали их.

Аскольд взял девушку за руку.

— Ну вот, сбежали. Пройдёмся пешком?

— С удовольствием!

Он счастливо рассмеялся. И тут же их ослепила вспышка — тип в надвинутой на глаза шляпе уже убежал прочь.

Улыбка Аскольда поблекла.

— Опять... Я уж думал, что им надело.

— О чём ты? — спросила Анита.

— Газетчики никак не успокоиться. Придумали себе развлечение, сделали из меня завидного жениха Лысой Горы, и примеряют меня к каждой особи женского пола, какая только оказывается рядом.

Мари будто окатили ледяной водой.

— Вот как. — Холодно отозвалась она.

— Меня уже с кем только ни женили! И с Маришкой Гнильвецких — хотя мы с ней всегда были скорее просто друзьями, и с Владленой Курт... — Скелетто запоздало понял, что ляпнул что-то не то.

— Что?!

В голове Аниты словно произошло помутнение. Владлена — тоже!? Это не могло быть совпадением. И она тоже... Ей показалось, что на мгновение улица погрузилась в непроглядный мрак... В голове пронеслись давно произнесённые слова:

— ...я живу половину своей жизни среди сна, и собираюсь выйти замуж за фантом из сказки. И ты, Мари, можешь всё то же самое, что и я. Но ты... О... ты сильнее, во сто крат сильнее! И на что ты себя растрачиваешь?? На мнение своих тупых одноклассничков? На личную жизнь своего отца, которому нужна уже совсем новая семья — а мы лишь тормоз, обуза, крест? Или на долбанутую обывательницу, да ещё и с задатками светлой??

— Анита! Анита!! — Аскольд тряс её за плечи. — Анни! С тобой всё хорошо?

Видимо, она отключилась на какое-то время... Значит, вот как да? — Владлена...

— Идём отсюда. Только... где дом? — Анита выглядела озадаченной, но настроенной решительно.

— Идём, — Аскольд двинулся в нужном направлении.

Путь до особняка младшего Скелетто занял не больше десяти минут, и всё это время Анита молчала. Она видела, что Аскольду неуютно, он, кажется чувствовал себя виноватым.

Только когда они пересекли порог дома, Анита расслабилась.

— Аскольд, я хочу выпить. У тебя найдётся что-нибудь? — она подняла на него растерянный взгляд.

Он кивнул, зажёл столько света, чтобы только чтобы не наткнуться на мебель, и прошёл в столовую, к бару.

— Ты же обычно не пьёшь, да? — спросил он, наливая немного красного вина в бокал.

— Да, — она стянула перчатки и как-то совсем по-детски, двумя руками взяла его, на секунду их пальцы соприкоснулись. Руки Аниты были холодными и чуть дрожали.

Она опустила прямо на ковёр и опёрлась спиной о ножку стула. Драгоценный, шерстяной, ручной работы, он казался удобнее стульев. Аскольд плеснул вина и себе и сел напротив, опёршись о бар.

Анита, зажмурившись, выпила всё залпом.

— Я обычно не пью. А ещё мне всего семнадцать лет. И я была обычной школьницей. — Говорила она, так и не открывая глаз. — Я не могу показаться дома, потому что на меня объявлена охота. — Она открыла глаза и с опаской глянула на Аскольда.

Он сидел по диагонали от неё, так, что их ноги соприкасались. Аскольд смотрел куда-то в пустоту.

— А я пью много. Пищу диссертацию по некромантии, и в этом нет смысла. Я её даже никогда не смогу защитить. И мне так пусто, что... — Он перевел глаза на Аниту. — Было пусто, — неловко, как-то смущенно выговорил он. Пригубил вина. — Ты ведь не уйдёшь, правда?

— Какая разница, кто будет рядом? — слова обжигали рот. — Я или... как там ты говорил, Владлена? — она сделала вид, будто с трудом припоминает имя.

Он налил ещё вина себе и Аните.

— Вот после такого я верю, что тебе семнадцать. — Аскольд улыбался. — Было много тех, кто хотел стать здесь хозяйкой. Они так стараются, что даже немного жаль их, бедняжек. — Он притворно покачал головой, будто бы судьба этих девиц его занимала.

Анита невольно улыбнулась. Ах, сиротинушка, вокруг бабы вьются, а он ещё недоволен!

— С тобой я могу сидеть на полу, говорить и пить вино. И тебе не кажется это странным. — Продолжал он.

Она пожала плечами. По ней так это было сейчас самым правильным, что только можно придумать. К тому же это именно она первая села на пол.

— Нам всегда есть о чём поговорить. — Добавил Аскольд.

— Да, — с улыбкой отозвалась она.

— И... меня пробивает дрожь каждый раз, когда я касаюсь тебя. — Эти слова дались ему непросто — Анита видела это.

В голове её возник образ, посланный Аскольдом: как он приближается и целует её.

Сердце заколотилось как бешеное, ладони вспотели — Аскольд смотрел на неё вопросительно. Она прикрыла глаза — и ответила таким же мысленным поцелуем, робким и неумелым — и поняла, что воображение стало реальностью: Аскольд касался губами её. Она вздохнула от неожиданности и распахнула глаза. Кажется, на его лице читался испуг, он отстранился и сел обратно.

— Прости, я не смог удержаться. — Он снова крутил в руках бокал.

Анита, её более удачное, сильное, красивое и уверенное альтер-эго, взяла верх: она на четвереньках приблизилась к Аскольду и, на секунду заглянув в его глаза, поцеловала его так, как воображала себе в своих мечтах последние недели.

Аскольд прижал её к себе.

— Я не хочу, чтобы с тобой были всякие Владлены, — обиженно выговорила она. — Только я.

Он расхохотался и прижал её еще крепче.

* * *

Прошло три недели как наследница Ричарда пропала.

Аскольд почти всё время проводил с ней, показывал наиболее интересные книги по тёмной магии, показывал всё на примерах, рассказывал историю Лысой Горы. Мари казалось, что ради неё он даже забросил все остальные свои дела, свой бизнес и своих приятелей.

Законы тёмной магии, основы некромагии очень легко и естественно ложились в её памяти, как будто она вовсе не впервые узнавала о них, а перечитывала давно забытую книгу. Практиковать темную магию было просто, естественно. Она за считанные минуты постигала то, чему другие учились неделями. Стоило Аскольду объяснить механику телепортации, как она почти мгновенно научилась этим пользоваться. Он даже, казалось, обиделся тогда на неё — сам герцог учился перемещаться в пространстве с помощью магии около месяца, когда ещё был подростком. И такие потрясающие успехи подружки его порой задевали за живое.

Занятия тёмной магией и особенно некромантией были одновременно и лёгкими, и тягостными. Чтобы управлять огромной силой, нужны были такие же сильные эмоции — самые темные и постыдные, какие только можно было представить. Каждый раз применяя могущественное волшебство, нужно было будоражить свою тёмную сторону. И почти каждый раз, чтобы сделать это, Мари пряталась за своим альтер-эго. Анита справлялась со всем блестяще. Она не сомневалась, не медлила, не мучилась угрызениями совести. «Вижу цель — не вижу препятствий», — такая Анита могла, казалось, сотворить любое колдовство, зарезать при этом любую животину и спокойно наблюдать за её мучениями. А одобрителный взгляд Аскольда только усиливал желание оставаться за этой идеальной маской.

Мари казалось, что она сходит с ума: чем больше она занималась тёмной магией, тем больше даже сама себя называла Анитой. Имя «Мари» стало почти чужим. Если бы её кто-то так окликнул на улице, едва ли она бы отреагировала. Сначала уроки Ричарда ещё держались в её памяти, и порой становилось стыдно, что она предаёт саму идею Света. Чуть позже при воспоминании о них уже становилось как-то некомфортно. В конце концов, она перестала даже думать об этом. Стоит ли помнить о тех, кто пляшет под дудку чокнутой королевы и не способен сам себя защитить?

Быть Анитой было приятно. Как будто то, чего Мари раньше стеснялась, что было стыдно показать, что казалось ей неправильным, жестоким, эгоистичным, было теперь воплощено в Аните. Анита Демен особенно не стеснялась в выражениях, беззастенчиво пользовалась магией, с удовольствием тратила деньги, требовала исполнения любых своих приказов и держала на коротком поводке герцога, который, казалось, был даже рад этому.

Порой казалось, что она просто сняла маску маленькой послушной девочки, из которой выросла и которая стала её тяготить. Хотелось говорить то, что думается, и делать то, что хочется.

Если три недели назад на предложение «Вина?» она ужаснулась, то сейчас не видела в этом ничего странного.

Если две недели назад она сама пользовалась белой магией, чтобы сделать себе чай, то сейчас она щёлкала пальцами, чтобы ей немедленно его принесли.

Если еще неделю назад она засыпала со слезами на глазах при мыслях о доме, то сейчас по вечерам на её губах играла улыбка: ведь ещё столько она не знает, столько не умеет пользоваться. А когда научится!.. О-о, что это будут за времена... Ей нравилась Лысая Гора, она была влюблена в Аскольда. Так о чём грустить?

Анита Демен, очаровательная в своей жестокости, медленно, но верно побеждала все слёзы и страхи Марии Курт.

Глава 5. Возвращение

Прошло больше месяца. И этот месяц Владлена металась не находя себе места.

Ей так и не хватило духу всё рассказать. К тому же внутреннее чутье, которому она привыкла доверять, подсказывало: «Жди». И она ждала. Готовила свой фирменный порошок забвения, заговорённый на отсутствие Мари для Элизабет и отца. В школе наплела что-то про жуткую болезнь, которая лечилась только в Новой Зеландии.

То, о чём ей сказали, казалось настолько нереальным, неправильным, невозможным. Уж кто-кто, а Владлена знала о потенциале своей сестрички.

«Жди», — говорил внутренний голос.

И она ждала какого-то чуда, едва веря в него.

* * *

Этот сумрачный день на Лысой Горе обещал быть для Аниты скучным и бесполезным. Аскольд уехал на два дня по делам своей Трансильванской типографии. Делать было откровенно нечего. А сидеть в библиотеке в одиночку и корпеть над теми древними талмудами, которые в последний раз достал для неё Аскольд, было не по душе.

И вот Анита со скучающим видом бродила по лавчонкам Лысой Горы. Она покупала какие-то безделушки всё на те же деньги, что дал ей при первой встрече Аскольд, и терепортировала покупки в свою спальню. Устав от безделья и бесполезных покупок, она заходила в кафешки и рестораны...

Светлая, даже слишком светлая голова привлекла её внимание за мутными окнами очередной таверны. Она зашла внутрь. Бомптириус Славный сидел, нахохлившись, над давно остывшим куском мяса, потерявшим уже всякую аппетитность. Тонкие пальцы его теребили изжёванную салфетку...

Убедившись, что это именно тот самый, её похититель, Анита подкралась к нему сзади, положила руки ему на плечи и, едва не касаясь уха, прошептала:

— Привет, Бомпти!

Бомптириус вскрикнул так, что даже невозмутимый охранник-вышибала у дверей трактира подпрыгнул.

Мгновение — и Анита села напротив испуганного блондина.

— Ты кто? — прошелестел он.

— Как нехорошо, Бомпти! Своих жертв надо бы в лицо знать! — она будто отчитывала его.

— Ты... ты Мари? — прошептал он, нервно озираясь.

— Я. — Ответила та и улыбнулась ему одними глазами, губы растянулись в ухмылке. — Что ж ты не ешь? Нет аппетита?

— Нет аппетита потреблять пищу в таком месте... — фыркнул Бомпти.

— Куда ж ты дел деньги, вырученные с драгоценностей? — искренне удивилась Анита.

— Можно подумать, эти безделушки стоят, как пять вилл!

— Вообще-то стоили они прилично. Но кто-то не умеет распорядиться деньгами, да?

Бомптириус насупленно молчал.

— Неужели и Дюва тебя не вознаградила?

— Мари-Мари... Как ты наивна! — Он закатил глаза. — Не выгнала — вот и вся благодарность. Кстати, ты знаешь, что ко мне обращалась некая особа, чтобы узнать, жива ли ты?

— Да, и кто же? — рассеяно отозвалась Анита, подзывая официанта.

— Тебе ни о чём не скажет её имя.

— С чего такая уверенность?

— Да ты никого не знаешь на Лысой Горе, кроме меня и Ске....

Анита наострила уши.

— Кого?

— Я слышал, ты была на балу герцога Скелетто... Ты знакома с Аскольдом?

— Да.

— Слава Мраку! Он тот ещё подлец, но хотя бы порядочный. — Честно признался Бомпти.

Анита сделала необременительный заказ. Бомптириус продолжал мять салфетку.

— Что касается той особы... Её зовут Владлена. К сожалению, фамилию не помню... На всякий случай я сказал ей, что ты мертва.

Смуглая кожа Аниты посерела.

— Что ты ей сказал?!

— Что... мертва... а что? На всякий случай сказал...

— Бомптириус, скажи мне предельно откровенно, так откровенно, как никогда в жизни не говорил.

— Смотря что.

Она смерила его презрительным взглядом.

— Дюва точно уверена, что я мертва?

— Да.

— Она не будет продолжать поиски?

— Сильно сомневаюсь. Тем более, это была инициатива Амалии, а та вполне довольна твоим отсутствием.

— Значит, я могу встретиться с сестрой?

— Вполне.

— А домой вернуться!? — сердце её заколотилось. Мари почувствовала, что маска Аниты начала её тяготить.

— Можно. Белым до тебя нет особого дела...

— А Ричард??

Вид у Бомптириуса стал озадаченным.

— Вполне возможно, что не стоит... — начал было он.

— Неважно... он не будет мне мешать. — Анита рассуждала вслух, не обращая внимания на блеяние блондина. — А папа, Элизабет... как же они, должно быть волнуются!! И Влади... как я могла! — С этими словами она вновь подозвала официанта: — Водки! — И по выражению её лица паренёк понял, что одной стопкой дело не ограничится.

Бомптириус видел её словно впервые:

— И ты больше не вернёшься к этому? — он сделал странное движение руками, показывая на всё, вокруг себя.

— Что ты имеешь в виду?

— К Лысой Горе, к Аскольду... Ты будешь и дальше жить дома, верно?

Анита смотрела на него, как на умалишённого:

— Бомпти, ты в своём уме? Как я сейчас смогу всё это забыть? Как я смогу от всего отказаться? Я, что, на дуру похожа?

— В том то и дело, что похожа... Уходи!

— Нет. Я хочу быть и там, и здесь.

— Так не получится, — он криво улыбнулся.

— Получится!!

— Ну-ну... не кипятись. Но ты ещё вспомнишь мои слова.

— Да иди ты к чёрту! — Она вскочила с места. — Ты хоть знаешь, что говорит обо мне Аскольд? Он считает, что я сильнее его, что я могу согнуть в бараний рог кого угодно! — Она, шутки ради, заморозила одним взглядом Бомптириуса так, что только глаза его оставались подвижными. Эту технику они разобрали с Аскольдом буквально пару дней назад.

Вид у застывшего Бомптириуса был жалкий до ужаса. Анита рассмеялась и отпустила его.

— Не самого ты сильного противника выбрала, чтобы показывать свою силушку. — Зло ответил Бомпти, разминая шею. — Иди-ка на Гнильвецких потренируйся, чтобы понять, что ты — ничто.

Досада и упрямство не позволяли принять слова белого.

— Да иди ты! — она направилась к выходу.

— Мари, не делай этого!

— Ты уж определись, делать мне что-то или нет? — выплюнула она и вышла.

Бомптириус покачал головой.

* * *

Мари открыла своим ключом дверь, вошла в холл, облегчённо вздохнула — она дома. Прошла по привычке на кухню. Было чисто прибрано, едва уловимо пахло сдобой. Нашла порожки, с удовольствием один съела. Поднялась в свою комнату. В доме было на удивление спокойно. Только сейчас сняла из-за спины рюкзак, вытащила выпрошенное у Аскольда сочинение по некромагии и недавно купленные в одной из лавчонок четки. Привыкшая уже к коротким волосам Аниты, она не знала, куда деть свои собственные длинные, укладываясь поудобнее на кровати для чтения.

Увлечённая, она не заметила, как хлопнула входная дверь. Через пару минут на пороге её комнаты оказалась Владлена. Выражение её лица сложно передать словами: увидеть живую и невредимую сестру почти через месяц после «гибели» той. Мари валялась на кровати и читала небольшую книгу в кожаном чёрном переплёте с золотыми уголками; листы были желтоватыми с тёмно-коричневыми витиеватыми буквами. Края листов были чуть подёрнуты плесенью и, судя по немногочисленным, но весьма красочным иллюстрациям, книга была о некромантии. Мари лениво перебирала в руке чёрные четки, увенчанные на одном из концов залакированным черепом крысы.

Владлена даже попятилась от такого зрелища.

— Мари? — внезапно осипшим голосом окликнула сестру Влади.

— Да, Влади! — девочка подняла невинные глаза на старшенькую. — Ты что-то хотела?

Владлена словно очнулась и выдохнула:

— Ох... Да, очень хотела бы узнать, где ты пропадала?! Ты хоть знаешь, что я

пережила?!

— Что там с Лиз и папой? — не обращая внимания на вопли спросила Мари.

Владлена осеклась.

— Они ни о чём не знают. Я тебя зачем-то прикрывала.

Мари с уважением глянула на сестру. А та, видимо и впрямь, недурная ведьма, раз смогла провернуть подобное. Наверное, стоило сказать сейчас, что и она — тоже...

— Но ты же могла позвонить хотя бы! — взорвалась сестра. — Хотя бы просто сказать, что ты — жива!

Мари лениво провела довольно длинным ногтем по виску.

— Да как-то в голову не пришло. А телефон я потеряла... — бесить Владлену было почему-то ужасно приятно. Она так смешно кричала на неё!

— Где ты была и чем занималась?!

«Пф, да ладно! Как будто ты сама не поняла!» — Анита внутри неё специально не стала скрывать свои мысли, проверяя, сможет ли Владлена прочесть их. Судя по всему, это было ведьме не под силу.

— Занималась? — Мари сделала вид, что задумалась. — Гуляла, многому училась...

— В смысле?

— Ну-у... много нового узнала.

— Правда? — Владлена саркастично ухмыльнулась.

— Да, — просто ответила сестра.

Владлена едва могла ровно дышать от гнева. Приходит как ни в чём ни бывало. Ни записки, ни смски, ни звонка. Гадина!

— Где ты была? — упрямо повторила она.

Мари подняла на сестру холодный взгляд Аниты.

— Боюсь, тебе ни о чём не скажет название. — «Скажет, ещё как скажет!» — Познакомилась с компанией, которая тусит по пещерам.

— По пещерам?! — переспросила Владлена, недоверчиво оглядывая Мари. — И где же стёртые в кровь ноги, груда грязной одежды и вонючий спальник?

— Она была довольно комфортной.

Владлена едва не закричала от ненависти. Сколько же можно ломать комедию!

— Значит, ты мне ничего не скажешь?

— Нет, не скажу, — отозвалась Мари.

— Да неужели?

— Иди к чёрту. Я хочу почитать.

Влади подумала, что и в руки не взяла бы эту гадость — не то что читать! Но промолчала и вышла из комнаты. Как же хорошо, что она ничего не сказала папе и Лиз!

А Мари так же продолжала лежать на кровати. И почему ей было не сказать правду? И почему бы ей не открыться той, кто желала ей добра?..

«А добра ли желала Владлена?» — и Анита затруднялась уверенно ответить на этот вопрос.

* * *

В этот вечер Владлена гуляла долго. Ещё около десяти вечера позвонил отец, поинтересовался, придёт ли она домой ночевать. Та ответила что-то невразумительное... Перемешанные в голове спиртные напитки не давали ни успокоения, ни даже опьянения...

Та тяжесть, которая её снедала последний месяц никуда не уходила, она лишь усилилась.

«Это точно Мари? Я ничего не попутала? Ради чего столько людей мне солгали? В чём была цель?» — она задавала себе эти вопросы. И хотя ей хотелось думать, что эта девица в комнате сестры — самозванка, на самом деле Владлена, конечно же, отлично понимала, что именно это — и есть Мари. Другой вопрос, что с ней могло случиться.

Только в третьем часу ночи Владлена пришла домой. Она ожидала увидеть полную темень пред глазами и даже припоминала заговор, помогающий видеть в темноте, однако из кухни в холл пробивалось достаточно света, чтобы, по меньшей мере, подняться на второй этаж. Любопытство пересилило чувство усталости — и Владлена шагнула на кухню. Картина, открывшаяся ей, вызывала не то озабоченность, не то смех: Элизабет в прелестной оранжевой пижаме стояла чуть не с головой в холодильнике, судя по звукам, она отчаянно пыталась маленькой вилкой для лимона достать что-то из стеклянной банки...

— Лиз? — почти полностью протрезвев, спросила Владлена. — Всё хорошо?

Элизабет резко обернулась, чуть не выронив из рук небольшую банку с корнионами.

— О... Владлена... — Она поспешно поставила банку на полку и закрыла холодильник. — Покушать захотелось, — она словно извиняющееся смотрела на свою падчерицу. Единственным желанием её было убежать наверх, к мужу.

Владлена поняла: или сейчас, или никогда. Либо не представится случая, либо не хватит духу, либо сделает что-то такое, за что просто нельзя прощать.

— Элиза, извини меня, пожалуйста. Спасибо, что ты сделала папу счастливым. Извини, что могла сказать или сделать что-то неприятное для тебя. Если можешь, не держи на меня зла...

Элизабет смотрела на Владлену, как если бы видела её в первый раз. Опыт подсказывал ей, что сейчас может последовать что-то особенно гадкое, а сердце нашёптывало, что брюнетка не лукавит.

— Ты мне не веришь... — усмехнулась Владлена. — Ты кушать хотела? Так достань всё и поешь по-человечески. Я могу уйти.

Мачеха покачала головой.

— Не уходи, лучше сядь. — И она достала открытую банку корнионов с затонувшей на дне крошечной вилкой. — Вот блин... утонула...

— Ты же раньше не ела по ночам? — спросила Влади.

Элиза покачала головой.

— Нет, не ела. А теперь стыдно днём есть.

— Не поняла...

— Да я уже все запасы подточила, — улыbnулась та. — Помидорки уже давно ушли, теперь вот этих малявок покупаю.

— Лиз, ты чего? — Владлена, конечно, предполагала, но до сих пор не верила.

Вместо ответа Элизабет встала в профиль и демонстративно натянула на себе пижаму. Владлена отчётливо увидела чуть округлившийся животик.

— Ой... а сколько уже? — Падчерица подняла испуганные глаза на мачеху.

Та широко улыbnулась, как-то нелепо пожала плечами и совсем по-детски показала на пальцах четыре.

По щекам Влади сами собой потекли слёзы, она вскочила и порывисто обняла Лиз.

— Извини меня... Я тебя очень люблю... на самом деле. — Лопнула струна напряжения в груди ведьмы, и она чувствовала, едва ли не большее облегчение испытала и Элизабет.

— Я знаю милая, — Лиз едва заметно прикоснулась губами к волосам Владлены. — ... Хочешь огурчик? — она с улыбкой отстранилась от неё.

— Нет, спасибо, — улыбнулась Влади. — Пойдём лучше спать?

* * *

Это был её второй выход в свет тёмного сообщества. И хотя первый раз прошёл вполне приемлемо, второй раз волнение захлестнуло Аниту. А причиной тому было странное поведение Аскольда. Ещё накануне приёма он достал из закров своей матери целый гардероб вечерних платьев, и перемерил на подруге почти все фамильные драгоценности. И при этом напряжённо что-то бормотал:

— Слишком обязывает... Миленько, но не оценит. Хм... Тогда может... хотя, нет, оскорбится и проигнорирует...

На все вопросы он нервно отмахивался и зарывался в ворох юбок.

Накануне приёма Анита осталась в особняке. Ей было на удивление наплевать, что там думают родные... Пусть Владлена выкручивается как хочет, если охота.

И вот уже за пару часов до выхода герцог, взъерошенный и дикий, снова, совершенно игнорируя все вопли полуодетой Аниты, ворвался к ней и, казалось, едва замечая её, принялся за подбор подходящего платья из отобранных накануне. Сама девушка уже определилась и теперь, неловко вывернувшись, пыталась затянуть как следует корсет. Получалось медленно и неудобно.

— ...Нет, это не пойдёт... Слишком ярко... Скромно... Не подходил... это можно... это не стоит... таааак...

— Аскольд!

— ...М-м... розовое платье... не. Красное? Сиреневое?..

— Чёрное!

— Та-ак... фиолетовое?.. Надевай!

Анита впервые смотрела на Аскольда как на умалишённого.

— Аскольд, ты что делаешь!?

— Мы же идём к Гробулль!

— И что?

— Эта светская львица должна тебя полюбить, принять на равных, сделать подругой. Иначе никто не будет с тобой общаться на Лысой Горе, кроме меня. Ясно?

— А при чём тут платья, туфли и ленты??

— Это же Натали!

— Мне это ни о чём говорит!

— Должно, ох, должно, моя дорогая Анита!

Наверное, никогда в преисподней не было более близких подруг, чем Натали Гробулль и Каролина Гнильвецких. Их обоих связывали молодость, красота и богемный образ жизни. Только Натали была, пожалуй, более свободолюбивой пташкой, нежели баронесса Гнильвецких. Истории двух подруг были чрезвычайно похожи: и та и другая были дочками мэров Лысой Горы, бывшего и настоящего, и обладательницами огромных состояний. И если Натали относительно повезло: её мать как бывший мэр Лысой горы получала немаленькое

пособие, а сама Нати была наследницей огромного состояния её отца-француза, соизволившего отбросить тапочки, когда малышке было пять лет, то её подруга Каролина оказывалась меж двух огней: своим отцом и люто ненавидевшей её тёткой, Гильотиной Полежаловной Гнильвецких, которая под давлением своего властолюбивого брата была вынуждена подписать завещание в пользу своей племянницы.

Но вот однажды («в один чёртов денёк», — по выражению самой Натали) бывший мэр Лысой Горы Эттель Морквони познакомилась на очередном светском рауте с одним из известнейших шулеров и проходимцев ЛГ Аристархом Платоновичем Почесалкиным, уроженцем Восточно-европейской равнины. Но Эттель посчитала, что Почесалкин — великолепная партия для её дочери, которая порядком уж надоела бывшему мэру ЛГ своими выходками и неумением удерживать в руках деньги. Зеленоглазая блондиночка Нати наивно согласилась познакомиться с подачи татап с одиноким богатым дельцом Аристархом Платоновичем. Но бедняжка слишком поздно сообразила, чего от неё хочет стотридцатилетний Почесалкин. Она брыкалась изо всех сил, призывая на помощь Каролину, но ничто не могло сломить упорства Эттель и вредности Гильотины Гнильвецких, желавшей окольным путём лишить Каролину лучшей подруги. Но, несмотря на все мольбы и проклятия Натали, свадьба всё же состоялась. Теперь в своих письмах Каролине Нати подписывалась не иначе, как «Натали Гро Почесалкинн». За какие-то два года Натали родила двоих детей — мальчика и девочку, которых, однако, люто ненавидела и вообще ими не занималась, по крайней мере, мальчиком точно. Про девочку же она говорила: «У Роксанны такие миленькие подленькие зелёные глазки... прямо как у меня! Только на неё я могу возлагать свои надежды!»

Не прошло и пяти лет, как Аристарх Платонович Почесалкин и Натали перестали жить в одном особняке. Ещё спустя три года он забрал сына и уехал в Трансильванию, где, по рассказам очевидцев, сколотил нехилое состояние.

Что же касается Роксанны, и здесь Натали не повезло. Едва молодой Роксанне Почесалкинн исполнилось двадцать, она познакомилась с каким-то сомнительным магов из среды тех, чьи предки ещё во время Великой войны оказались за пределами и тёмно- и светло-магической преисподней. Одним словом он был тем, кого на Лысой Горе называли отщепенцами. Ничтоже сумняшась, Роксанна бежала с ним от помешанной на светских раутах и бриллиантах мамочке. Стоит ли говорить, что Натали в течение года после этого изящно промокала платочком сухие уголки глаз на всевозможных светских мероприятиях. На деле же мадам Натали лишь облегчённо вздохнула.

И хотя вот уже сорок пять лет Нати не носила фамильное золотое кольцо с изумрудом, надетое когда-то на безымянный палец, она не переставала подписываться «Натали Гро Почесалкинн». И вот уже сорок пять лет после окончательного разрыва со своим супругом, оставаясь внешне прекрасной светловолосой ведьмочкой, Натали Гробулль вела исключительно светский образ жизни, живя на проценты от огромного состояния, оставленного ей давно покойным отцом и матерью, умершей десять лет назад.

* * *

Обычно они перемещались с Аскольдом по Лысой Горе пешком или телепортировались, куда было нужно. Это было быстро и удобно. Но сегодня происходило что-то странное: ради этой поездки Аскольд приказал заложить экипаж. Лошади тяжело переносили жизнь в преисподней, и потому были колоссальной драгоценностью. Такой

драгоценностью, какую даже Аскольд Скелетто мог позволить себе с большим трудом.

Когда они говорили об этом раньше, Аскольд упоминал, что тело мага еще тем отличается от обывателя, что способность к магии компенсирует недостаток солнечного света, и только слабая человеческая психика требует иногда видеть солнце. А вот животные этим не страдают. Кажется, только крысы и тараканы могут переносить жизнь здесь...

Итак, в этот раз это был настоящий выезд, а не обыденная телепортация. Хотя и Анита, и Аскольд явно предпочли бы последнее.

Когда Мари была в Прабеле, она ни разу не почувствовала себя принцессой, хотя условно и могла бы ей называться. Сейчас же ощущения были, словно она — особа королевских кровей, и происходит нечто просто потрясающее. Тем более, что Аскольд, обычно с иронией глядящий на все светской действо, в этот раз был отвратительно серьезен.

Особняк Натали Гробулль, куда они направлялись, был в глубине драгоценного парка. Клёны, дубы, ивы на берегу искусственного пруда радовали глаз, пока они ехали по подъездной дорожке. Жёлтый, с огромными окнами-витражами особняк, возвышался в центре парка.

Экипажи, чем ближе к цели, двигались тем медленнее. Гости выходили нарочито медленно и чинно, и сама хозяйка встречала их у парадного входа.

Натали Гробулль была безупречна в чайно-розовом вечернее платье-футляре со шлейфом в розах. На груди хозяйки красовался потрясающих размеров чистой воды бриллиант в платиновой оправе. Безупречный макияж, обманчиво простая причёска с парой крошечных бутонов роз в локонах, фарфоровая кожа — всё говорило о том, что её внешность её главная инвестиция.

— Oh, bonjour, mon cher Ascolde! Quelle jolie petite fille avec toi... Не познакомишь нас? — она с деланным интересом подмигнула.

— Oui, Natalie! — спохватился Скелетто. — Cest ma amie Anita, — он так же перешёл на французский.

Анита только хлопала глазами. Её знаний французского хватило единственно для того, чтобы понять: говорят о ней.

— Ma chere, — Натали обратилась к Аните, — пройдёмте в дом, нас уже давно ждут.

Анита приподняла в недоумении бровь: кто её может здесь ждать? Не этот прохвост Бомпти же! Однако эти слова Нати произвели на Аскольда совершенно противоположное впечатление — он широко заулыбался, всем видом давая понять девушке — первый, так сказать, вступительный экзамен, сдан.

Тем временем Натали Гробулль уже вела под руку Аниту, игнорируя всех прочих гостей, которые также выходили из экипажей и поднимались ко входу.

Аните на мгновение показалось, что её с ног до головы окружило музыкой. Огромный, слишком светлый для Лысой Горы зал освещали тысячи свечей. Они отражались в цветных витражах окон. Публика, разодетая во все оттенки тёмного бархата, частью кружилась под звуки словно обезумевшего камерного оркестра, частью пристроилась рядом с баром и, потягивая горячительные напитки, поглядывала на танцующих.

Натали шла к эпицентру праздника, где стоял концертный белоснежный рояль. За ним вертлявый напوماженный маг пытался играть в такт обезумевшим музыкантам на балконе. Несколько молодых ведьмочек, не знающих, куда девать свои конечности с множеством украшений, пытались делать вид, что слушают игру этого господина.

Прямо перед роялем Натали резко развернулась и неожиданно резко хлопнула в ладоши.

Музыка тут же замолкла, только шуршание многочисленных юбок не дали повиснуть тишине.

— Мои милейшие черепушечки! С радостью сообщаю вам о том, что мы наконец-то дождались нашего главного гостя! Великолепный Аскольд Скелетто наконец-то почтил нас своим присутствием. Однако, мои драгоценненькие, это ещё не всё! Он не один! — С этими словами она с нечеловеческой быстротой выдернула Аниту к себе. Девушка с трудом удержалась на ногах. — Его спутница на сегодня — эта мадемуазель, которая прибыла из некоего места, название которого не желает разглашать. И что-то мне подсказывает, — она перешла на лживый громкий шёпот, — что это скорее всего Трансильвания, ибо не бывает у отщепенцев таких...

Зал послушно захихикал-защущукался.

— Как вы угадали, моя милая, — злоба Аниты превратилась в улыбку, придав ей совершенно особый оскал, — я действительно проездом, причём из тех мест, о которых предпочитают не распространяться. — Она высвободила руку. Выдержала театральную паузу, подхватывая бокал вина, у проходящего мимо мертвяка.

— Не так уж много мест, которые наше скромное общество считает... неудачными, — с улыбкой парировала Натали.

Анита поймала взгляд Аскольда и его мысли «Прекрати! Не смей ей перечить! Ты должна ей понравиться!» Но у неё были другие планы насчёт этой мегеры. Зря, ох, зря Аскольд рассказал о ней так много!

Ведьма приподняла бровь:

— Ах, ну да, ну да... Конечно, не много — всего-то любое место, кроме Лысой Горы.

— Не преувеличивайте, моя дорогая, — выбить Натали из колеи было сложнее, чем кажется. — Только из уважения к памяти моей дорогой Кэр я не буду говорить вслух о том, с кем её сын проводит время...

— Натали, а давно ли вы виделись с дочерью? Говорят, у отщепенцев весьма сильная община благодаря её стараниям. — Вкрадчиво проговорила Анита. — Вы до сих пор хотите обсуждать меня?

Зал затаил дыхание.

Бледный Аскольд с ужасом смотрел на подругу. В его мыслях цензурного было маловато.

Анита оглядела зал.

— Смею представиться — Анита Демен, — она сделала пафосный. — Откуда я прибыла, не должно иметь для вас никакого значения, ибо для вас должно иметь вес только то, с кем я пришла сюда. Не правда ли, моя дражайшая черепушечка? — обратилась она к хозяйке бала.

Натали нервно улыбнулась брюнетке.

— А ты ничего... — тихо, уже только Аните сказала она. — Редкая сука. — И пленительно улыбнулась.

— Сказочный комплимент, — Анита снова сделала реверанс и вернулась к Аскольду. Казалось, сейчас у него повалит пар из ушей.

— Ты спятила?! Я сделал всё, чтобы она посчитала тебя своей!..

— Аскольд, только не пытайся убедить меня, будто это я начала этот фарс. Она же сама захотела скандала — она его получила.

— Ох, не пожалеть бы тебе об этом впоследствии... — Пробормотал он.

— По-моему, я ей понравилась, — усмехнулась Анита. — Эта твоя Натали та ещё извращенка.

— Посмотрим-посмотрим...

Они не успели сделать и шага в сторону бальной зоны, как из-за спин других гостей выплыла яркая высокая брюнетка в ослепительно-красном открытом платье, как у жены кролика Роджера. Анита вздрогнула.

— Аскольд, милый, — красotka беспардонно запечатлела на губах герцога многообещающий поцелуй, — где ты пропадал столько времени? Я соскучилась... — с большой претензией проворковала она.

— Эм... Э-э... Хочу познакомить тебя с моей спутницей... — Аскольд заметно смутился.

— Анита Демен, — пропела Анита, хотя ей казалось, что язык сейчас отсохнет, а глаза вылезут из орбит. Да, она знала, конечно... Но одно дело — просто знать, а другое — видеть своими собственными глазами. И чтобы в салоне у Натали?!..

На шее красотики висело до боли знакомое ожерелье.

— Владлена Курт, для друзей просто Влади, — она, словно случайно, задумавшись, медленно провела ногтем указательного пальца по собственной шее. Взгляд ей на герцога был полон ревности и гнева. — Мне казалось, Аскольд, мы о кое-чём договорились?

Анита взяла Аскольда за руку. Взгляд его до этого блуждающий и смятённый, стал твёрдым:

— Владлена, я рад тебя видеть. Ты всегда останешься моим другом. Но наша последняя встреча была... — Он запнулся. — В ней было больше, чем следовало. Я хотел тебя утешить — и сделал это.

— Была рада познакомиться, — Анита окончательно вытеснила в сознании Мари. — Мой молодой человек обещал мне пару танцев, — ведьма ослепительно улыбнулась.

Владлена хотела что-то сказать, но Анита её перебила:

— О! Может, вы хотите, чтобы я освободила вакантное место рядом с герцогом Скелетто? — Она вопросительно взглянула на сестричку и перевела взгляд на ошалевшего от такого напора Аскольда. — Поверьте мне, моя милая, теперь уж точно этого не будет. До конца дней моих я такого не допущу.

— Ничего-ничего, — прошипела ведьма, — всё в этой жизни поправимо... — И отошла от некромага и его пассии.

— Анита? — непонятно, то ли Аскольд был взбешен, то ли восторжен. — Что это было?

Она подняла на него уставший взгляд, говорить вслух совсем не хотелось — ушей вокруг было слишком много.

«Прости. Мне невыносимо думать, что кто-то еще может быть рядом с тобой».

«Ревнуешь?» — он, довольный, улыбался.

— Еще чего! — она надулась.

И Аскольд совсем не по-светски схватил её в охапку и закружил.

Нет, ну так обижаться было решительно невозможно! Она смеялась до икоты, дамы шушукались, Владлена злобно зыркала из своего угла. Ах, этот бал был просто прекрасен!

* * *

Владлена, злая как чёрт, влетела в дом № 19 и со всей силы хлопнула дверью. Из кухни выглянула обеспокоенная Лиз.

— Что-то случилось? — негромко спросила мачеха.

Владлена, несмотря на то, что внутри у неё всё закипало от бурлившей в ней ярости, попыталась улыбнуться. Получилось немного нелепо.

— Да нет, Лиззи, всё нормально. — Она оттянула одну из прядей. — А у тебя?

— Хорошо, только вот корнишоны уже кончились... — Она расстроено шмыгнула носом. Дэниел собирается отправить меня в какой-нибудь пансионат, чтобы мне и малышу было хорошо. Но без него мне хорошо не будет...

— Лиз, милая, так и объясни это папе. Скажи, что дома тебе лучше... — Владлена попыталась улыбнуться вновь, но сил на это уже не хватило.

— Владлена у тебя точно всё хорошо? — в мгновение всё ребячество ушло с лица Элизабет.

— Нет.

— Что случилось? Не хочешь рассказать?

Та покачала головой.

— Ты меня не поймёшь. Всё очень сложно.

Элиза позволила себе усмехнуться.

— И что же я не пойму? Расставания и измен? У тебя же всё и так на лице написано. Твоё — вернётся, не твоё — улыбнись и отпусти.

— Я не могу!! Как я могу отдать кому-то своё?? Как я могу отдать то, что я люблю?

— Кого.

— Что кого?

— Кого ты любишь. Ты так говоришь, будто любимого медвежонка у тебя забрали и другой девочке подарили.

Владлена вздрогнула всем телом.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто привела пример... — развела руками Элиза. — О чём ты?

Владлена опустилась на диван и положила голову на колени, словно на плаху.

— Кое-что вспомнила, из детства.

Элизабет села рядом и положила руку на спину падчерицы.

— То, что ушло, не вернуть.

— Не верю.

— Поверь, иначе будет только хуже.

— Хуже уже не будет. Я хочу бороться.

— Бороться надо за то, что хочет бороться за тебя. А отвоёвывать чужие земли — неблагодарное занятие. Отпусти.

— Меня и так никто не любит. Почему я должна отпускать последние крупички?

— Что за глупости? Что за настроения, Владлена?! Ты же умница и красавица! А ну, подними глаза на меня, — Элиза взяла её голову в свои руки. — Ты ещё будешь счастливой. Только отпусти прошлое.

— Я обязательно буду счастливой, и не буду отпускать ничего, что принадлежит только мне.

— Как знаешь...

— Знаю.

* * *

Владлена бесила Мари до зубного скрежета, каждый раз притворяться, будто всё как прежде, было невыносимо. Ещё сложнее было держать себя в руках и не демонстрировать ей вновь приобретённые навыки. Сестра же, напротив, казалось, была счастлива, что Мари снова дома. Она даже не задавала вопросов, хотя, несомненно, на языке у неё они крутились. Одна с трудом играла паиньку, другая — поддерживала образ стервы.

Дом и домашние дела незаметно легли на плечи Элизабет, и, если бы Мари была до конца с собой откровенна, это её радовало. И вроде бы, стоило мачехе помочь, учитывая её положение, но больше желания пересекаться с ней лишней раз не появлялось. При ней невозможно было быть самой собой. Всё хорошее рядом с ней, даже против воли Мари, выплёскивалось наружу в виде бескорыстной помощи и сочувствия. А времени на это не было. По крайней мере, именно в этом девушка себя убеждала и чуть ли не убегала из дома к Аскольду, лишь бы не торчать с Лиз на кухне.

Как и прочие обывательские штучки, школа звала в свои объятия, однако теперь она не вызывала ни раздражения, ни удовлетворения, ни радости. Одноклассники, наученные опытом Майка, выбрали единственную доступную безопасную тактику — полный игнор. Мари словно перестала существовать. Полгода назад она была бы счастлива такому стечению обстоятельств, но теперь это страшно бесило. Хотелось поиграться мускулами и показать полный арсенал своих навыков. Хотелось нарываться и показывать зубы, но её избегали все, даже, кажется, учителя. Чем дальше, тем больше школа напоминала фарс. Усугубляло положение, что учебники были давным-давно прочитаны, а задачи прорешаны.

* * *

Мари зевнула и ещё раз попыталась сосредоточиться на уроке физики. Она оглядела класс: два-три человека что-то вдохновенно зубрили, ещё пара человек усиленно кропали конспекты с других уроков в своих тетрадочках, другие спали с открытыми глазами. Вот уже второй урок она слушала заунывное завывание физички. Мари лениво глянула в тетрадь, где только и было выведено «Теория Максвелла». Девочка с трудом подавила ещё один зевок.

«Сколько же времени я трачу на эту муть, — невольно думалось ей. — Я могла бы в это время выучить пару-тройку некромагических заклятий с Аскольдом, да и с камнем позаниматься... как раз новые мертвячки появились, есть, кого превратить...»

Едва-едва дожив до конца урока, Мари выскользнула из школы. Она вышла на освещённую солнцем улицу, прошла несколько кварталов и приостановилась, завидев маленькую скамеечку в тени яблони. Она устроилась поудобнее на деревянной скамейке и на мгновение перевела взгляд на небо.

«Небо... Свет... Чистота... Белые маги!.. — она порывисто встала, но мгновение спустя снова плюхнулась обратно на скамейку. — Интересно, Амалия точно уверена, что я мертва?»

Удивительно, что целых три месяца Мари даже не приходили мысли о белых. Как будто их и не существовало. Как будто и не было титула наследницы... У тому же соваться туда было бессмысленно и опасно. А Лысая Гора так умело захватила в свой водоворот жизни!

Внезапно пролетевшая мысль настолько потрясла её, что та подпрыгнула и едва не побежала к телефонной будке с надписью «Временно не работает». Порядком набегавшись по лабиринту запутанных, почти нежилых улиц, Мари с большим трудом отыскала наконец ту самую телефонную будку. Она запрятала в кучу прелой листвы свою школьную сумку и, приняв вид благообразной добренькой чародейки, шагнула в кабинку. В ту же секунду она

уже видела ту же улицу, но уже заполонённую людьми в причудливых одеждах, которые не торопясь прогуливались, заглядывая в витрины маленьких магазинчиков.

Уже готовая вновь увидеть грязный серый туман Лысой Горы, Мари на мгновение растерялась. Она прошлась по паре улиц, так и не решившись приблизиться ко дворцу королевы, завернула в очередную уютную светлую улочку и вздрогнула: на груде хлама и грязного тряпья сидела какая-то кикимора с грязными, спутанными, довольно тёмными волосами в изодранном, некогда розовом, платье, которое было ей велико размера на четыре. Пока это чудовище её не увидело, Мари приняла уже привычный для неё облик Аниты.

Только когда Анита подошла к ней на расстояние трёх метров, кикимора её заметила.

— Э-эй! Найдётся пара медяков у чистенькой тёмненькой леди? — она обдала Аниту перегаром.

Та кинула бродяжке серебряную монету, та проследила за траекторией её полёта и поползла за серебром в кусты, росшие неподалёку. Наконец, она выползла задом из кустов с монетой в руках, со второго раза встала на ноги, затем снова шлёпнулась на землю, нашарила в куче хлама шерстяную кофту с одним рукавом и ровно тремя пуговицами, надела её и теперь уже с третьего раза приняла вертикальное положение.

— Идём, тут есть один милый трактирчик, — страшила повела Аниту по лабиринту узких переулков и, в конце концов, вывела к обшарпанной двери под вывеской «Обед у Дарти».

«По-моему, лучше было бы назвать «Похмелье у Дарти», — подумала Анита, но послушно шагнула в помещение. Это было первое место в светлой части преисподнии, где Мари не чувствовала этакой чистенькой благонадёжности, которая обычно пронизывала каждый уголок пристанища белых магов. Хмурые волшебники и ведьмы сидели за барной стойкой и потягивали напитки, один крепче другого. Почти никто ничего не ел.

Девушка в грязном платье подошла к бармену и повелительным тоном произнесла:

— Две водки.

— Я не пью, — возразила Анита.

— Всё равно, две, — девушка смерила спутницу удивлённым взглядом расплзающихся глаз.

— Ничего я тебе не дам, ты мне и так задолжала пятьдесят медяков.

Пьянчужка прищёлкнула языком и кинула на стойку серебро.

Бармен поднял на неё удивлённый взгляд.

— Я не украла, — возразила она.

— Я за неё плачу, — вмешалась Анита.

Бармен хмыкнул и выставил два стакана с водкой. Девушка тут же опрокинула в себя первый, занюхала его единственным рукавом и опустилась на сиделище перед барной стойкой. Она шмыгнула носом, ещё немного посидела и влила в себя и второй стакан, даже не закусывая.

Анита вздохнула.

— Давай, поговорим? — спросила она.

Женщина посмотрела на неё и слегка улыбнулась.

— Давай, — отозвалась та. — Э-эх! Какая же несправедливая штука жизнь! Ещё месяц назад я была лучшей подругой наследницы королевы, была фрейлиной самой Амалии, а сейчас я настоящий бомж... Меня выгнали из дворца мои же друзья, родные отвернулись от

меня, потеряна связь с Ричардом... потому что пропит таччилд... — она залилась пьяными слезами. — И это после восьмидесяти лет верной службы!..

— А за что тебя выгнали?

— Не проследила-а-а-а!.. Не увидела-а-а!.. Дура-а-а!! — она завопила так, что многие стали оборачиваться, а самый приличный из всей этой публики маг поспешно вышел из трактира.

— Тихо, тихо! — Анита поспешно натянула на руки шёлковые чёрные перчатки и погладила Жюли по руке. — Ну-ну, успокойся...

— Не доглядела я за наследницей... А её возьми да и укради! — она грязно выругалась по-французски. — Mon amie, за что мне это?!

— Неужели наследницу так и не нашли, а похитителя так и не поймали? — деланно удивилась собеседница.

— Всё куплено, всё куплено, — Жюли закачалась, словно в гипнотическом трансе. — Всё сволочи продажные, грязные тёмные маги!! — внезапно рявкнула она.

Анита немного подумала, ещё раз взглянула на Жюли, достала сотовый, набрала номер Аскольда и стала прислушиваться к длинным гудкам.

— Алло... Аскольд?... Слушай, ничего, если я к тебе в ближайшее время заскочу?... Ну, через час... Слушай, Скелетто (при этих словах множество голов повернулись в сторону Аниты), хватит демагогию разводить. Мне приходить или нет?... Вот так бы сразу и сказал! И учти Скелетто, я хочу оказаться в твоём доме, а не в твоём борделе!.. Хорошо, тогда буду через два часа. Ну, давай... Пока! — и она захлопнула раскладушку.

— Кстати, я так и не знаю, как тебя зовут, — изобразила незнание Анита.

— Ж-жюли.

— А я Анита, Анита Демен. — Она немного помолчала. — Жюли, пойдём, я отведу тебя к моему другу.

— Зачем?

— Хочу тебя привести в порядок. Ведь ты обычно не так выглядишь. Верно?

— Верно. Mais cest ne pas russi ide[1]... Зачем я пойду к твоему другу, тем более, к тёмному.

— Он не тёмный маг, — возразила Анита, — он некромаг.

— Обрадовала! — воскликнула Жюли. — Я к нему не пойду.

— Жюли, ты что так и умереть здесь хочешь, на этой грязной помойке, чтобы потом над твоим телом поглумились местные маргиналы?

Жюли вздохнула и встала, держась за стойку бара.

— Ладно, идём. — Она ещё раз всхлипнула. — В какую же задницу летят мои принципы!.. Я покажу тебе короткую дорогу к тёмным.

Анита удивлённо приподняла брови, но последовала за Жюли.

Спустя примерно часа два, как и просил Аскольд, Анита и Жюли стояли перед особняком герцога Скелетто. Анита по-хозяйски толкнула тяжёлую тёмную калитку. Аскольд, заслышав шум во дворе, вышел встречать непрошенных гостей.

— Добрый день! Чёрт вас принёс... — он по-дружески чмокнул Аниту в щёчку. — А это ещё кто? — он вытаращил глаза на испускающую миазмы Жюли.

— О, это Жюльетта, моя давняя подруга, — промямлила Анита, выразительно глядя на Жюли. — К сожалению, с ней случилась неприятность, сушая мелочь...

— Э-э... М-м... Я вижу! — Хмыкнул Аскольд. — Рита! — окликнул он горничную. —

Помоги мадемуазель Жюльетте с ванной и... гардеробом!

Невысокая брюнеточка едва ли не со свистом вылетела из-за угла и увлекла за собой Жюли. Аскольд в очередной раз хмыкнул и перешёл в гостиную к бару, Анита последовала следом.

— Что-то будешь? — спросил он.

— Не откажусь от мартини.

Герцог поспешно разлил по бокалам вино и с подозрением уставился на Аниту.

— Это кто?

— В смысле? А, это... Моя хорошая подруга, которой не повезло в жизни.

— И много у тебя знакомых-бомжей? — ехидно отозвался тот.

Анита нетерпеливо влила в себя остатки мартини и поставила бокал на стойку бара.

— Что ты хочешь от меня услышать? Я уверяю тебя, она здесь не задержится, я имею в виду твой дом. Как только Жюли оклемается, мы с ней переедем в Сон мага, где я живу последние пару недель. Так что мы не будем стеснять тебя своим присутствием более трёх-четырёх дней...

— Меня не интересует, сколько она у меня проживёт! — неожиданно громко рявкнул он, и сам на мгновение ошеломился от звука собственного же голоса. — Меня интересует, кто она.

— Моя подруга, — повторила Анита, тупо уставившись в бокал с вновь налитым мартини. — Мы познакомились с ней, когда я перекапывалась у белых...

— И ты сейчас её у белых нашла? Долго пришлось искать значные места в этом пристанище чистоплюев? — Не удержался и съязвил он.

— Не беспокойся, не долго, — с иронией ответила подруга. — Как мне тебя отблагодарить? — она заискивающе улыбнулась.

— Анита, очень прошу тебя, не приводи ко мне больше сомнительных личностей на санитарную обработку — у меня не клоповник!

— Зато бордель! — она весело рассмеялась.

Аскольд кисло улыбнулся, но, поняв, что девушка лишь по-доброму издевается над ним, рассмеялся в ответ. Теперь, спустя совсем немного времени, ему уже с трудом представлялось, как Анита может быть белой. Бомптириус, безусловно, просил помощи и поддержки у Аскольда, и не мог бы её получить, не рассказав хоть что-то об этой девушке. Но фразы, сказанные им впопыхах, давали самую общую картину. И больше на эту тему Бомптириус упорно распространяться не желал...

И ведь по большому счёту, Аскольд Скелетто действительно мало представлял, кем является Анита Демен, кроме того, что она рассказала ему в первую неделю их знакомства. Потому что потом она словно забыла о жизни до Лысой Горы.

* * *

Жизнь в тёмной преисподней походила на нескончаемый светский раут: бесконечные балы, маскарады, фейерверки, юбилеи, открытия новых склепов и кладбищ... Словом, всё не перечести. Но, разумеется, не у всех была такая жизнь, а лишь у самой верхушки общества, богатой на грязнокровных аристократов. Герцог Аскольд Скелетто также принадлежал к их числу. Ну, а поскольку Анита не отходила практически ни на шаг от Аскольда и даже в последнее время часто оставалась в его доме с появлением здесь Жюли, она также постоянно присутствовала на подобного рода вечеринках. Но был у тёмного сообщества,

пожалуй, только один горячо нелюбимый праздник, который отмечали в середине весны — День тёмной княжны, он же День Мести и Возмездия. Это был единственный раз в три года, когда весь бомонд собирался в чёрно-зелёных залах и псевдо-беззаботно попивал коктейли под уничтожающим своей презрительностью взглядом тёмной княжны. Так было заведено вот уже восемьсот лет, и Дюва не собиралась менять традиции.

И вот в календаре праздников Лысой Горы наступил этот особый, знаменательный день — День Мести и Возмездия. Особенно ценен этот день был тем, что именно в этот день считалось своим святым долгом отомстить своим недругам.

В этот день не было принято украшать жилища, хозяева, напротив, ревностно припрятавали своё добро по чердакам да подвалам, придавали дому самый непотребный вид и с самым скорбным видом показывали всем окружающим, что, мол, на них уже использовали все чары и возможности этого дня.

И уже по сложившейся традиции только особняк госпожи Гробулль не только не портил свой внешний вид, напротив — в этот день Нати особенно пышно декорировала свой дом цветами, гирляндами, блёстками и прочими украшениями. В том числе украшения на воротах перед этим домом своим размахом и разномастностью приводили в ступор случайных прохожих. Именно туда, к этим воротам, шла Владлена. Едва девушка подошла к воротам, над ними навис голубоватый туман, в котором она вполне явственно сумела различить черты хозяйки особняка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Натали, это Владлена.

— Владлена?.. Э-э... — Хозяйка едва ли её помнила.

— Владлена Курт!

— А-а! Дорогая, проходи, проходи, милочка!! — и ворота медленно отворились.

Когда Владлена подошла уже непосредственно к дому, на пороге её ждала Натали, облачённая в белоснежный брючный костюм и белые же туфли на десятисантиметровой шпильке, которые их обладательница называла не иначе, как домашними. Они расцеловались в честь встречи, и Натали провела свою гостью в уютную небольшую гостиную в чайно-розовых тонах.

После дежурных любезностей, предложения чая и кофе, Натали наконец спросила Владлену о причине её визита.

— О, Натали! У меня такая беда, — Влади картинно закатила глаза и тяжело вздохнула. — Ах... Соперница...

Натали со знанием дела кивнула и с надуманной серьёзностью начала давать советы:

— Во-первых, не беспокойся! Будь великолепа и невозмутима. Во-вторых, моя драгоценная, — Нати ласково обнажила зубки, — ты одна из моих лучших учениц, которая вполне могла бы подыскать и иную, менее скандальную, партию...

— Но я люблю Аскольда! — выдохнула Владлена и промокнула платочком сухие глаза.

— И в-третьих, моя милочка, я тебе обязательно помогу, будь уверена!

Владлена тут же широко благодарно улыбнулась, но быстро спохватилась и слепила второпях скорбную мину.

— О, Natalie! Merci, ma amie, ты так добра...

— Мне в удовольствие помочь тебе, — проворковала та, по-светски скаля зубки.

* * *

Горничная как раз затягивала Аните корсет, когда в ворота резиденции Скелетто постучали. Анита, оттолкнув служанку, в полураздетом виде спустилась вниз, чтобы самолично ответить по магофону. Едва она нажала на чёрную кнопку, перед ней в голубоватом сиянии выплыло как всегда самодовольное лицо Бомптириуса.

— Ты?! — только и сумела выдать Анита.

— Я? Что я?! О! Привет, Ма... э-э... Анита! — Бомптириус широко по-идиотски улыбнулся и помахал рукой.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела та.

— Пусти меня, — в миг посерьёзnel Бомптириус, — я тебя хочу кое о чём предупредить.

Анита секунду подумала.

— Ладно, — и щёлкнула пальцами.

Едва Бомптириус Славный оказался на пороге особняка, Анита чуть ли не за шкуру протащила его по коридорам, впихнула в кабинет Аскольда и заперлась изнутри.

— А ты классно выглядишь! — хмыкнул он, ощупывая её глазами.

— Да, мне тоже нравится! — ответила Анита, а Мари поёжилась и пожалела, что не накинула на плечи хотя бы платок.

— Знаешь, — после минутного молчания изрёк Бомптириус, — у меня есть для тебя некоторые новости. Тебе решать, хорошие они или плохие.

— И что я могу не знать? — иронично ухмыльнулась Анита.

— Ты знаешь, на какой праздник пойдёшь сегодня? Точнее говоря, на чей? — вызывающе спросил Бомптириус. И сам же ответил: — К Дюве, к той, от кого чудом спаслась!

Мурашки пробежали по смуглой коже Аниты, и она опустилась в кожаное кресло.

— Она меня не узнает?

— Возможно... — обнадѣжил её Бомпти. — Но тебе всё равно не стоит там появляться.

— Если я не появлюсь, это вызовет лишние вопросы, — она зажмурилась и сжала кулаки.

— Это ещё не все новости, — ухмыльнулся Бомптириус. — Кое-что по поводу Мари есть...

— Что именно?!

— Наследница Мария Амалия признана без вести пропавшей, прислуга, упустившая её, уволена...

— Жюли? — расслабившись, спросила Анита.

— ВСЯ прислуга, охранявшая вас, Ваше Высочество, уволена. Абсолютно вся.

— Это сделал Ричард? — она зло сузила глаза.

— Нет, Ричард, напротив, удивительно спокоен. Кажется, он единственный из белых магов знает, что с тобой произошло. Это сделал Людвиг дель Марко. Ты же знаешь, королева ни на что не способна, кроме мелких козней раз в тридцать лет...

— Людвиг?!? Да как он посмел?! — вскрикнула Анита и вскочила с кресла. — Если бы ты только видел, Бомпти, в какой дыре и в каком виде я нашла Жюли... Представляешь, фрейлина её высочества валялась на вонючем тряпье в захолустье у какой-то грязной таверны и выпрашивала гроши! Позор! Конечно, я её забрала с собой...

— Так она знает, что ты — Ма...?

— Не произноси это имя!!! — рывкнула Анита. — И, нет, она не знает, — ровным голосом добавила она.

— Что ты собираешься с ней делать? — серьёзно спросил Бомптириус. — Так просто отпустить к белым магам?

— Слушай, Бомпти! Ты уж определись, а? Либо ты местный дурачок, либо кладезь мудрости. А то у меня мигрень от этих твоих перепадов, — Анита сжала пальцами виски. Она гневно прошлась туда-обратно по комнате. Бросила на Бомптириуса ещё один раздражённый взгляд, и добавила, наконец: — И, да, я именно так и хочу сделать. Здесь она не к месту, мне даже нечем её занять. И избегать её становится странно.

— В таком случае, посмотри на меня и скажи, но только честно, тебе нравится моя жизнь? — спросил, немного покраснев, Бомптириус.

— А ты то тут при чём? — саркастично приподняла бровки Анита.

— При том, что я — белый маг.

— Гхм... э-э... Прости, я верно расслышала? — переспросила она. — Ты сейчас серьёзно? Мне казалось, что ты просто врал тогда...

— Да, у тебя всё в порядке со слухом и, да, я говорю сейчас совершенно серьёзно, — подтвердил Бомптириус. — Просто, пожалуйста, поверь мне — расскажи всё Жюли, и пусть она уже сама для себя решит, как ей поступить... Хотя, ещё лучше будет, если ты сумеешь изменить её внешность, и пусть она тогда уже действительно сможет построить новую жизнь, если она того хочет, разумеется...

Повисло молчание.

— А что же сегодняшний бал? — спросила девушка.

— Не знаю, — он запнулся, — Анита. Тебе решать. Но я бы попытался свести риск к минимуму и как можно меньше лезть на глаза Дюве.

Семья де Бротт не была ни знатной, ни богатой, и, тем не менее, Гарибальд де Бротт любил повторять своему маленькому сыну Виаренту предания о крестовых походах, в которых якобы участвовали его предки, насылавшие эпидемии чумы, о драконах, которых они же будили в горах и которые потом сжигали пол-Европы. И каждый раз рыцари де Бротт были то графами, то маркизами, то баронами... На вопросы маленького сына Гарибальд только кричал и говорил, что у него нет денег для содержания титула. Но Виарент понимал, что его честолюбивому отцу не по сердцу положение трактирщика и он хотя бы в своём воображении представляет себя и свой род любимцем фортуны.

И всё же очень во многом Гарибальд де Бротт был прав: ещё его отец, Артур де Бротт, был богатым купцом, торговавшим в Западной и Центральной Европе, чуть позднее даже в Америке, слыл удачливым дипломатом и всегда был «своим» при дворе всех тёмных княжон. Но к 1809 году в том числе и в связи со сменой тёмной княжны (в 1807 году подругу Артура Арабеллу сменила жаждавшая власти Неона) отношения к господину де Бротт резко ухудшилось. Большая часть связей с заграницей полетела в тартарары из-за смены дипломатического корпуса, а у Артура, которому к этому времени было уже сто пятьдесят семь лет, не было уже той энергии и того куража, чтобы вновь выстраивать свой бизнес, тем более, что денег ему должно было свободно хватить ещё лет на пятьдесят более-менее скромной жизни: пара экипажей, трёхэтажный особняк в центре ЛГ, батальон прислуги и псарня. И так бы всё и было, если бы в 1814 году не умерла внезапно его любимая жена; сам

Артур умер через год от апоплексического удара. Всё состояние было поделено между двумя наследниками купца, правда, в неравной степени. Куда как большую часть наследства, от которого Гарибальд получил лишь две тысячи золотых, досталось его старшему брату Рональду. Тот не замедлил промотать состояние, сколоченное отцом чуть ли не за сто лет. Но Гарибальд поступил мудрее своего братца, купив себе трактирчик у его спившегося хозяина за восемьсот золотых, ещё столько же стоил ремонт и иже с ним. Вскоре младший де Бротт весьма удачно женился на девушке из небогатой рабочей семьи, чем обеспечил себе славу порядочного хозяина. Через несколько лет родился сын, Виарент, любимый отпрыск Гарибальда, впечатлительный и фантазирующий мальчик с весьма скромными, не в пример отцу, магическими способностями. И хотя мать это немало беспокоило, Гарибальд нисколько не волновался, приговаривая, что трактирщику, даже в преисподней, магия ни к чему.

Гораздо менее мирно и положительно развивались события у старшего де Бротт. Он сумел промотать все деньги своего отца за какие-нибудь три года и, тем не менее, он по-прежнему был вхож в дорогие пабы и рестораны, дамы в гостиных улыбались ему, а купчихи мечтали выдать за этого светского щёголя своих дочерей. А потому и неудивительно, что в 1819 году Рональд женился на голландке Луизе фон Бёзеф, сев тем самым на толстую купеческую шею её папаши. Радовалась этому союзу только влюблённая до умопомрачения Луиза. Зять слишком быстро развеял все иллюзии: мать Луизы была в шоке от постоянных походов «Ронни», а её отец каждый раз хватался за сердце, узнавая, что супруг его дочери вновь похозяйничал в банковской ячейке, где хранились наиболее ценные ювелирные украшения семьи фон Бёзеф. Но несмотря ни на какие обстоятельства на исходе первого года супружеской жизни Луиза родила сына, которого она же и назвала в честь своего деда Джозефом (Рональд не мог никак дать имя своему сыну по одной лишь причине — он был, во-первых, в неизвестном направлении, во-вторых, он был в запое). Как ни странно, Джозеф был очень одарённым и смыслёным мальчиком, каждый член семьи с удовольствием отмечал в нём свои собственные черты. Однако и в бочке мёда была ложка дёгтя: маленький де Бротт был практически лишён каких бы то ни было магических способностей. Но благодаря тому, что Джозеф очень рано понял, что ему куда как выгодней общаться с мамой и её родственниками, чем с папой, бабушка и дедушка лишь умилённо пускали слезу, когда волшебная палочка щёлкала мальчика по носу, не желая ему повиноваться, и покорно отгоняли нечисть от постели внука, когда та скакала вокруг его кровати в мирный послеобеденный час. Положение обожаемого внука усугублялось ещё одним обстоятельством: не прошло и восьми лет с его рождения, как Рональд окончил свои дни в палате для буйнопомешанных Клинической лечебницы ЛГ. Последняя окова, пусть даже такая никчёмная, спала, открыв малышу Джозефу путь ко вседозволенности. Он рос капризным и не признающим никаких правил ребёнком, чужого мнения для него не существовало, а мнения рядом проживающих лиц трогали его лишь из-за того, что от них зависело его материальное благополучие. Такие догадки его матери о невероятной схожести Джозефа с Рональдом подтвердились, когда в 1857 году умер её отец, обеспечивавший семью, и Джозеф, должный занять место своего деда в купеческой гильдии и за его счётами, попросту отказался это сделать, взвалив все заботы на вора-управляющего, который не замедлил обокрасть семью фон Бёзеф — де Бротт. Но о банкротстве стало известно только в 1860 году, а в 1858 Джозеф, ещё будучи вполне состоятельным молодым человеком, женился на тёмной ведьме с не менее тёмными корнями по имени Барбара Шпилль. Луиза де Бротт

была категорически против, а мать Луизы, узнав о тайном венчании внука, отравилась. Но спустя два года, когда, как было написано выше, семья оказалась на мели, Луиза была вынуждена стать приживалкой в доме своей невестки. Также надо отметить, что Джозеф тщательно скрывал от жены свою слабость в магии, но спустя год после своего появления в доме Барбары Луиза совершенно случайно проговорила о недостатке «своего мальчика», наивно полагая, что та великолепно осведомлена об этом недостатке мужа. Тот милый летний вечер 1861 года Джозефу напомнил все гравюры, изображающие инквизицию. Кем он только не был по словам жены! Но прошла неделя и, как показалось Джозефу, Барбара смирилась и успокоилась. Через год жена забеременела, а в студёный январский полдень родила дочь, которую назвала Урсулой. И первое, что она сделала, едва прошла неделя после рождения крошки, — выгнала своего супруга и его матушку из своего дома. Их судьба Барбару более не волновали, впрочем, как и автора. (Единственное, что мне известно о дальнейшей жизни Джозефа — примерное место и время его смерти; он умер нищим у одной из «лап» Эйфелевой башни около 1930 года.)

Прошло пятнадцать лет, и Барбара де Бротт с ужасом осознала, что у её любимой и единственной дочери всё тот же проклятый недостаток её папаши — она не может колдовать. Барбара не раз и не одну сотню раз вздохнула, прежде чем приняла решение: она должна передать Урсуле максимум знаний и навыков, не требующих никакой магии, но столь нужных в преисподней. А когда спустя лет тридцать девушка пройдёт испытание на выживание, она, Барбара, пожертвует своей силой, а, значит, и жизнью, ради дочери.

Урсула де Бротт оказалась способной ученицей. Часть способностей матери и впрямь достались ей, но это была такая кроха от того, чего она ожидала! У неё не было даже магического чутья, которое есть у последней крысы в преисподней! А честолюбие, свойственное фамилии де Бротт, не давало ей покоя на своём мирном поприще захолустной знахарки...

* * *

Анита постаралась как можно скорее выпроводить Бомптириуса из особняка. Уверенность в собственных силах смешивалась с привычным страхом, то новое, что рассказал ей Бомпти, плохо укладывалось в голову, путалось и словно сминалось со всем тем, во что она уже привыкла верить. В задумчивости она дошла до своей комнаты, где её по-прежнему ждала прислуга. Она безвольно расставила руки, позволив продолжить одевать себя. Что-то, что она узнала, было слишком неправильным, слишком искусственным, ведь как можно бояться того, кто по сути своей совершенно безобиден для неё. Ничего выдающегося...

«Я начинаю рассуждать как Аскольд! — фыркнула она про себя. — Будто бы имеет значение только тот, кто всемогущ, а не тот, на ком лежит бремя власти! Хм... интересно, насколько я сильнее Дювы?...»

Служанка уже давно ушла, а Анита так и продолжала смотреть на себя в зеркало. Только спустя ещё несколько минут она, наконец, опомнилась и поспешила в покои Аскольда, который как раз уже должен был заканчивать свой туалет. На мгновение застыв, будто статуя, около его двери, она постучала.

— Входи, Анни. Мне как раз нужна твоя помощь.

Она облегчённо вздохнула и шагнула в комнату. Герцог стоял ещё до сих пор

полуодетый, щеголяя голым торсом. От неожиданности прошли мурашки по коже... Она ведь никогда всерьёз не задумывалась...

— А... кхм... какая помощь? — постаралась убрать волнительную дрожь из голоса Анита.

— Как думаешь, что мне надеть? Выбрать что-то строгое и непримечательное или яркое и запоминающееся?

— Смотря что ты хочешь, — усмехнулась она. — Привлечь как можно больше внимания или же оставаться незамеченным. Думаю, стоит выбрать что-то сочетающееся с моим платьем, — она чуть нервно улыбнулась.

— Окей, понял, — и спустя уже секунду он был полностью одет. В этот раз его выбор пал на костюм английского вельможи пятнадцатого века. Разумеется, он не мог упустить возможности прицепить свой любимый плюмаж к бархатному багровому берету.

Анита только про себя усмехнулась. Рядом с герцогом она неизбежно чувствовала себя куда более серой и нормальной.

— А может, вообще никуда не пойдём? — неожиданно спросила она.

— О-о... Я тебя великолепно понимаю. Мне тоже хочется отправить справку от доктора и свои сожаления, и никуда не идти. Однако, поверь, общество будет всё то же, ничего нового и страшного, кроме...

— Дювы?

Он пару мгновений помялся.

— Да, пожалуй. — Аскольд хмыкнул себе под нос и подошёл к зеркалу, не без удовольствия поправляя страусовое перо на берете. — Трудновато, знаешь ли, предаваться незамысловатым увеселениям под тяжёлым взглядом...

— Её все боятся?

— С чего ты взяла? — Обернулся он к девушке.

— Она такая сильная? Или злая?...

Он весело рассмеялся:

— Ни то, ни другое. — Улыбка медленно сползла с его лица. — Она просто умная. Она умелый манипулятор и игрок. Мало кто знает, но это единственные её достоинства, однако для неё спасительные.

— Вот как! — она понимающе покачала головой и нервно стиснула руки в кулаки. — Ну так как, идём?

— Идём...

А идти ни тот, ни другой не хотели совершенно.

* * *

Когда Аскольд и Анита вошли в тёмно-зелёный малахитовый зал, бал уже был в самом разгаре. Дюва, как и полагалось тёмной повелительнице, сидела на возвышении в гордом одиночестве. Анита невольно передёрнулась, увидев на груди княжны татуировку в виде скорпиона и змеи, представив себя этим самым несчастным ужом. Насколько сильна она и слаба тёмная княжна? Насколько повелительница уверена в своих силах и враках Бомптириуса? Не просочились ли сведения из Прабела в замок тёмной княжны? Может, только для того она и высматривает здесь что-то в зале, чтобы наконец обнаружить её, Аниту?

Если стоять в стороне, ничего не изменится. Так не лучше ли сделать и пожалеть, а не

не сделать и пожалеть?

В её голове родилась блестящая мысль.

— Аскольд, я отлучусь на пару минут? — светским тоном спросила она.

— Да, конечно.

Анита отошла за ближайшую колонну, коих было великое множество, сконцентрировала все свои силы и... телепортировалась прямо за спиной Дювы. Та немедленно вскочила с трона и дико уставилась на Аниту, которая, в свою очередь, словно ни в чём не бывало, расправляла складки на юбке.

— В чём дело? — змеи в ушах княжны зашипели.

— Оу! Простите, моя дорогая! Я искала дамскую комнату, — и Анита обворожительно улыбнулась.

— Какая ещё... — у княжны не нашлось слов.

— О, простите, вы не знаете, да? Ой, не хотела вас тревожить... — невинно приподняла бровки Анита. — Даже как-то неловко: мы вот с вами ведём светскую беседу, а вы не знаете моего имени. Спешу это исправить! Анита Демен, — и девушка, очаровательно оскалившись, подала руку для рукопожатия.

Несколько секунд Дюва стояла в замешательстве. Никто никогда так просто не смел вторгаться в личное пространство тёмной княжны. Эта девчонка была либо слишком глупа, либо слишком умна и сильна... А ещё эта нахалка ей определённо нравилась. Она пожала руку.

— Я вас никогда не видела, Анита, но вы мне кого-то напоминаете...

Мари передёрнулась, что Анита успешно скрыла.

— Я из незнатного рода ремесленников и проездом на Лысой Горе, правда, мне здесь пришлось подзадержаться. Но мне посчастливилось познакомиться с младшим герцогом Скелетто, и мне настойчиво рекомендовали появиться на этом великолепном балу.

— Вы полагаете, мисс Демен, что маги не по своей воле приходят сюда? — задала вопрос Дюва и чуть прищурила глаза, разглядывая собеседницу.

— Некоторых — возможно, но большинство с большой радостью идут к вам, — парировала неожиданный вопрос Анита.

— Вы правда так думаете? — легко усмехнулась Дюва. — А что же заставило герцога Скелетто прийти сюда?

Анита не успела ответить. Она услышала стук каблуков за своей спиной и развернулась. В трёх метрах от неё стояла Владлена в ошеломляющем чёрном обтягивающем платье с невообразимым декольте и абсолютно открытой спиной. На шее у неё было всё то же ожерелье.

— Дюва, здравствуй! Рада тебя видеть! — она шикарно улыбнулась.

— Владлена, дорогая! — и они троекратно расцеловались. — Решила почтить свою госпожу своим присутствием? — спросила она с едва заметной тенью сарказма, которую, однако, уловила Влади.

— Можешь себе представить, да! — и она вновь улыбнулась. — Здравствуй, Анита! Давно не виделись! — обратилась она к девушке с непривычным для Мари выражением плохо скрываемой ненависти.

— Я тоже просто счастлива видеть тебя... э-э... Владлена. Тебя ведь зовут Владлена, верно? — с немалым удовольствием стала ломать комедию Анита.

— Дорогая, должна тебе признаться, я не люблю цирк. — Холодно ответила та, хорошо

понимая, что Анита прекрасно помнит её имя.

Анита побледнела. «Мари узнана??»

— Ну же, девочки, не ссорьтесь! — протянула Дюва. — Я не хочу, чтобы мои подданные ссорились между собой! — Эти слова княжны явно говорили о том, что Анита прошла тест на «отлично», впрочем, как и всегда.

— Анита, вот ты где! — послышался со стороны зала оклик Аскольда. В его руках, как и всегда на подобных раутах, особенно если большую часть времени он пребывал в одиночестве, был бокал с коньяком. Он лёгким шагом приблизился к Аните, словно бы привычно приобнял её за талию. Они развернулись и сделали уже несколько шагов прочь от трона...

— Аскольд?! — недовольный оклик Владлены заставил обратить внимание герцога на её персону. По всему было видно, что ещё мгновение назад Аскольд свою бывшую девушку не замечал.

— А, Владлена! — взгляд Аскольда потеплел, Анита позеленела. — Как твои дела? — Всё в том же благожелательном тоне продолжал Скелетто.

— Спасибо, милый, недурно... на досуге общаюсь с Наталишечкой... — она многозначительно улыбнулась. Аскольд тут же заметно напрягся, что не ушло от внимания Аниты.

— Да-да, — натянуто рассмеялся он, — я в курсе... Я так понимаю, бывшая наставница до сих пор может дать тебе пару полезных советов?

Анита была впервые свидетелем того, как может язвить Аскольд.

— Разумеется. — Ослабилась Владлена. — Ума у неё не много, однако, её опыту можно позавидовать...

— Так, давай ты будешь только завидовать её опыту, а не перенимать его, ладно? — он рассмеялся, но смех был напряжённым.

— Мой славный герцог, может, вы не будете меня учить жить, ибо этому меня неплохо обучила Нати? — сверкнула глазами ведьма.

Анита не смогла сдержать смех:

— Чему может обучить эта наивная блондинка?? Как кадрить противоположный пол? — Она искренне рассмеялась.

Владлена пошла пятнами. Аскольд закашлялся, пытаясь сдержать смех.

— Ничего смешного... — прошипела та.

Анита, поняв, о чём идёт речь, не удержалась:

— Разумеется, для некоторых только это и имеет значение!

* * *

На следующий день утром Владлена постучала в дверь спальни Мари. К её огромному удивлению дверь была не заперта, а за ней слышалось приглушённое посапывание. Девушка нерешительно зашла в спальню. Сестра лежала, уткнувшись носом в подушку, с видом абсолютнейшего ангела, который в жизни ничего неприличнее слова «фиг» не говорил. Влади остолбенела. Она то думала, что сестрица теперь днюет и ночует где-то на Лысой Горе.

Мари пошевелилась под одеялом и открыла один глаз, второй не открывался из-за наличия под ним подушки. Она потянула носом воздух.

— Влади? — пробормотала она. Мари ещё раз шмыгнула носом. — Доброе утро.

— Доброе... — осипшим от удивления голосом проговорила Владлена. — Как дела? — заискивающе спросила она.

Мари перевернулась на спину, зажмурилась и рывком села на кровати.

— Голова ещё цела! — хмыкнула она, но тут же хлопнулась обратно от жуткой головной боли. — Влади, во-он там минералка стоит... Будь другом...

Владлена хмыкнула, но дала сестричке полуторалитровую пластиковую бутылку, полную более чем на три четверти. Мари осушила её едва ли не в несколько крупных глотков.

— Теперь можно жить дальше, — она ещё чуть-чуть полежала, а затем медленно села на кровати.

— Мари, а где ж это тебя так угораздило так...

— Выпить? — непосредственно упростила задачу сестре Мари. — Да так, у друзей. Был небольшой фуршет.

— Фуршет, говоришь?

— Мда... Фуршет. А ты что-то имеешь против? — подняла на Владлену блёклые серые глаза Мари. — Кстати, среди приглашённых был один милый молодой человек. Ске... (Влади напряглась.) Скотт. Его зовут Скотт. Он меня пригласил сегодня в кафе.

— И ты пойдёшь? — настороженно спросила Владлена, подозревая о ком действительно идёт речь. Слишком странно было в это поверить, ведь некая Анита!..

— Ну, не отказываться же мне! — закатила глаза Мари.

— Что ж, это твоё дело.

— Ты как всегда права, сестрёнка, — промурлыкала подруга герцога Скелетто.

Спустя полчаса Владлена спустилась на кухню, где уже колдовала над завтраком Лиз.

— Доброе утро, Влади! — обернулась она, услышав шаги старшей падчерицы.

— Привет, Лиззи.

— Что-то стряслось? — Элизабет повернулась к девушке. Влади невольно задержала взгляд на порядком округлившемся животике мачехи.

— Не знаю, Лиз. Я ничего не понимаю. Я не понимаю Мари. — И она запустила пальцы в длинные чёрные волосы.

— Вы поссорились?

— Боже упаси!.. Хуже.

Элизабет повела головой и исподлобья посмотрела на Владлену:

— В смысле?

— Э-э... Лиз, прости, но я тебе потом скажу. Хорошо? — и она почти выбежала из кухни.

Элиза пожала плечами и вновь повернулась к плите, а когда вновь обернулась к обеденной зоне, чуть не вскрикнула: за столом с задумчивым видом сидела Мари.

— Как ты зашла? Я тебя не слышала. — Вздрогнула Лиз.

— Научилась тихо ходить, — весьма мягко, но с заметной толикой иронии ответила девушка.

— Будешь завтракать? — спросила мачеха.

— Лиз, у тебя когда-нибудь было такое чувство, что ты стоишь на развилке, причём одна дорога кажется прекрасной, но с кошмарным концом, а другая сложной, но со светлым будущим?

— Милая, вся жизнь — именно такая большая развилка, — нежно улыбнулась Элиза, от чего Мари вдруг стало почему-то не по себе.

— А я уже чувствую под ногами красивую, удобную дорогу, — пробормотала Мари.

— Конец будет печален, — спокойно ответила Лиз. — Мари, может, ты мне объяснишь, что же всё-таки происходит? — спросила она, вытирая руки о вафельное полотенце.

— Не сейчас, хорошо? Потом... Может быть, когда-нибудь... позже... Хорошо, Лиз? — и она поспешно вышла из кухни.

— Мари, а завтракать?.. Хм...

«Дурдом форменный!!» — Элизабет покачала головой и стала раскладывать гренки с сыром только на себя и Дэниела.

* * *

То, как действовало присутствие Элизабет, Аните совершенно не нравилось. Вот сегодня после так и не состоявшегося завтрака её зачем-то потянуло на откровения.

Ну, чего Аскольд может не знать? Кроме того, что она из обывателей и была у белых?

Тьфу, ты... Ощущение, будто лопнешь, если всё не расскажешь начистоту!

— Тук-тук? Можно? — «постучалась» в дверь кабинета Аскольда Анита и заглянула внутрь.

Скелетто на мгновение покраснел и легко, словно обиженно, улыбнулся.

— Здравствуй, Анни. Ты сегодня рано, — заметил он. — Зато больше успеешь сделать. У меня сегодня были планы научить тебя готовить отвар многословия. Исключительно простое — мне проще его сделать, чем шнурки завязать...

— Аскольд...

Скелетто остановился на полуслове и вопросительно посмотрел на Аниту. Та стояла и пронзительно, моля смотрела ему в глаза, чего раньше с ней ещё не случалось. Он пожамкал в руке листы бумаги и сел обратно в кресло.

— Аскольд, я... я... — она запнулась.

— Ты...

— Я солгала тебе, — выдохнула девушка.

Аскольд весело рассмеялся, но, как показалось Мари, угрожающе.

— Да я давным-давно всё знаю! — и он снова расхохотался.

— Правда? — во рту у наследницы белых всё пересохло, она сделала шаг назад.

Герцог скрестил руки на груди:

— Я не понимаю твоего волнения, Анни. Неужели ты до сих пор веришь в сказки?

Анита сделала ещё один шаг назад.

— Не понимаю...

— Ты действительно думаешь, что я тогда случайно встретил тебя в ломбарде? Что никто не дал мне наводки? — Он снисходительно улыбнулся. — Мало что происходит просто так...

— Тебе же просто хотелось приключений, — пролепетала Анита. Тщательно склеенная маска рвалась на глазах.

— Бомптириус сказал мне, что некой девочке нужна помощь, что девочка эта — светлая, но как она выглядит, чёрт его знает. И при этом дал нож и фото...

— Вот как!

— И сказал, что ты уникам, метаморф.

— Ах, он сукин сын!!

— Не кипятись. Благодаря ему ты вообще жива... Чёрт подери, я не помню, чтобы на

моём веку сразу две властительницы устраивали совместную травлю. Никогда ещё такого не было. А мне просто стало интересно, что это за девочка такая особенная! — и он широко улыбнулся.

Анита перевела дыхание и, наклонив голову, сделала несколько шагов вперед:

— Какой тебе резон? Ты всегда во всём ищешь выгоду, ты сам об этом говорил.

— Никакого. — Улыбнулся в ответ герцог. — Мне приятно быть рядом с тобой, помогать. Мне интересно, — он развёл руками, будто бы то, что он говорил, и без того лежало на поверхности. — Однако ты пришла мне рассказать что-то, верно?

— Да, верно...

— Ты до сих пор хочешь рассказать? М-м?

Девушка замялась.

— Ты не изменишь ко мне отношение?

— Смотря, что ты сообщишь, — улыбнулся Скелетто.

— Мало того, что я — белая, я — наследница Ричарда. Тебе это о чём-то говорит?

Брови Аскольда сошлись на переносице:

— Хм... Некая легендарная личность... Мало кто о нём хоть что-то знает... хм...

— А если я скажу, что формально я была наследницей Амалии? Всего-то пару недель, правда...

Герцог поднял на неё удивлённый взгляд:

— Ты шутишь?

— Я первый раз говорю правду! — Рыкнула Анита.

Аскольд нервно усмехнулся, а через секунду пару раз глупо хихикнул.

— Ты понимаешь, что несёшь бред? Чтобы девочку с улицы привели во дворец...

Анита зло сузила глаза.

— ...Да ещё и, — продолжал он, — которая ни черта не смыслит в магии!

Аните показалось, что вместо воздуха лёгкие наполнились стопроцентным праведным гневом. Ведьма сощурилась, слегка подула на ладонь, отчего все бумаги на столе Аскольда разлетелись в разные стороны. А пока тот отвлекался на свои документы, Анита выхватила взглядом пламя свечи и спалила добрую половину содержимого книжного шкафа. Аскольд только успевал выкрикивать огнетушительные заклинания, заговоры обращения реальности и возвращения предметов по местам. Но Анита явно была проворнее.

— Ни черта не смыслит?? — взревела она.

— Это было давно и неправда! Анита... чёрт подери...

— Признай, что я не слабее тебя! — наступала она, раскидывая искры по тканевой обивке стен.

— Разумеется-разумеется!

— Ну, а кто из нас лучший?

— Ты! Ты!! Лучший маг на всей земле!! Ты!! — Выкрикивал он, бегая по кабинету и расставляя предметы по местам и взглядом обращал мусор в воздух.

— А рецептик зелья ты мне всё-таки подскажешь? — проворковала она.

[1] Но это не удачная идея... (фр.)

Глава 6. Натали

В это же самое время, к огромному и искреннему удивлению Аскольда Скелетто, крепки отношения между Анитой и Натали Гробулль. Последняя начала по поводу и без наведываться в особняк Скелетто, интересуясь отнюдь не герцогом, а его пассией.

Тем не менее, каждый раз, встречая в холле дома герцога мадам Натали, Анита в первую очередь говорила именно о нём, раз за разом развеивая свои сомнения о том, что действительно ли госпожа Гробулль со столь завидным рвением желает видеть именно её скромную персону. И именно эта настойчивость, которая стала проявляться в последний месяц, сильно настораживала Аскольда, неплохо знавшего подругу своей покойной матери, а уже его беспокойство и недоверие передавалось Аните. Приходилось всё время держать лицо и быть в форме, улыбаться и поддерживать бессмысленные беседы, которые порядком Аниту раздражали.

— Анита, *ma chere!* — ворковала Натали, входя в очередной раз в огромный холл особняка Скелетто. — Я так рада тебя видеть!

— Натали! дорогая! — они трижды расцеловались. — Аскольд ещё занят... — многозначительно приподняла брови Анита.

— Наверное, дела издательские или строится новый склеп? — *madame* Гробулль спросила это таким тоном, что было ясно — её эта тема не волнует совершенно.

— Что ж, пройдем в гостевой зал, — предложила Анита.

Едва они устроились в небольших диванчиках у погасшего камина в вишнёвом каменном зале, Анита услышала в голове фальшивый, но настойчивый колокольчик. Она попыталась отогнать наваждение, но звон только усилился.

«Таччилд!» — вспыхнуло в мозгу Мари. Девушка не долго думая выхватила из крошечного кармана с пятым измерением тетрадь на пружине. Она пролистнула её и увидела грязно-синие буквы, словно смазанные жиром, которые, казалось, расплывались по бумаге.

«Мари, — было написано в таччилде, — это Бомптириус. Ты с Гробулль? Тебе грозит опасность!!»

— Это что? — послышался насмешливый голосок Натали. — Игрушка белых?

Анита покраснела и подняла на Нати растерянный взгляд. Натали не спеша закурила сигаретку, вставленную в мудшгук, Анита зачарованно наблюдала за ней.

— Я отойду на пару минут, надо бы ответить. — Бросила девушка.

— Ну-ну, — прищурилась та.

Анита быстрым шагом покинула зал. Она прошла всего несколько шагов по коридору и присела в кресло, стоящее тут же в одной из ниш. Вновь открыла блокнотик.

«Бомптириус, какая такая опасность? О чём ты?» — написала Анита крошечным карандашиком в таччилде. Буквы немедленно приобрели кислотно-зелёный цвет с налётами светло-бирюзовой плесени.

Ходят слухи, что кто-то нанял Натали, чтобы та подпортила тебе жизнь.

Ты с ума сошёл! Натали богата, независима, она светская дама. Какое ей дело до всяких пакостей?

Если кто-то и сошёл с ума, так это ты, Мари. Жизнь Натали до безумия скучна.

Единственная её отрада — это пакости!

Погоди. А с чего ты это вообще взял, что она что-то задумала?

Я не только местный шут, если ты об этом. У меня есть свои осведомители.

А можно поконкретней?

Нет. Но я точно знаю, что буквально накануне Натали интересовалась некоторыми веществами. Очень мощными и древними, потому я и обратил внимание.

Потребовалось усилие, чтобы таччилд не выпал из рук. Нижняя челюсть самопроизвольно задрожала. Она с десятков секунд посидела, переводя дыхание.

Так что мне делать?

Не бери ничего из её рук, не ешь и не пей. Ты же отошла сейчас, да? — Так вот не вздумай прикасаться к чему-то, с чем эта ведьма побыла наедине. Не прикасайся к ней и её одежде.

Бомпти, поздно, я к ней прикасалась сегодня.

Тогда произнеси «кристалла акварес», помолись любым боагм и возвращайся к Натали.

Таччилд, казалось, выдал всю информацию, но неожиданно подплыли ещё несколько строк:

Главное — верь в свои силы. Они у тебя неисчерпаемы, уж поверь мне. Я с тобой.

Мари неуверенными губами улыбнулась этим строкам, встала в полный рост, поправила складки юбки и со светским видом двинулась в зал. У самых дверей она прошептала: «Кристалла акварес». Ничего не произошло. Девушка хотела повторить заклинание, но решила не рисковать, помня о том, что редкие магические явления не любят, когда их часто беспокоят.

— Анита, всё хорошо? — Натали приподнялась с диванчика, увидев в дверях девушку.

— Да, спасибо. — Она легко, по-светски улыбнулась, протянула руку за бутербродиком-канапе и тут, опомнившись, отдернула её. — Всё прекрасно.

— Так на чём мы остановились? — с игривой улыбкой спросила Нати.

— Кажется, ты что-то говорила об очередных выборах Лысой Горы...

— Ах, да! Как же я могла забыть такое!! — она картинно закатила огромные зелёные глаза. — Представляешь, мой бывший, Почесалкин Аристарх Платонович, снова выдвигает свою кандидатуру на должность мэра Лысой Горы!

— Если такой болван может быть мэром, почему им не можешь быть ты? — легко улыбнулась Анита. — Неужели тебя не интересует политика?

— Анита, моя бесценная черепушечка! Да если я буду заниматься ещё и политикой, кто же будет рассказывать самые свежие новости и сплетни? Высший свет просто закопается к мертвякам от скуки.

— Натали, ты себя причисляешь к достопримечательностям лысой горы? — усмехнулась Анни. — Кости твоей матушки, Эттель Морквони, это ещё куда ни шло в виде памятника ЛГ, но твоя персона...

— Анита, вот как ты думаешь, за что я тебя люблю? Большой стервы во всей преисподней не сыскать!

— Да ну! — не без удовольствия протянула та, отмечая, как Натали демонстративно берёт бутербродик-канапе с блюда. Предупреждение Бомптириуса на миг показалось полной ерундой.

— Хотя... Знаешь, была тут одна... Чем-то на тебя похожа...

— Случайно, не Владлена Курт? — невинно хлопая ресницами спросила Анита.

— А ты неплохо осведомлена! — воскликнула Натали. — Своеобразная ведьмочка...

— Нати, а ты хорошо знаешь Владлену? — осведомилась Анита.

— Ну, не то чтобы досконально, но неплохо. — Она причмокнула. — Кое-что я могу тебе всё-таки рассказать. Мы же ведь подруги?

Не сказал тогда учитель, что именно Владлена, её заклятие «любви» убило Энн Курт. Иначе Влади никогда в жизни не согласилась бы продолжать занятия, которые отвлекали её от постигнутого горя, никогда она не согласилась бы познакомиться с «такими же, как она» в шестнадцать лет от роду.

Но вот юная Владлена, вся в чёрном, в сопровождении Димитрия Двана одним погожим, по меркам преисподнии, вечерком шагала по широкому проспекту Лысой Горы. Ей не было страшно, ведь её защитник и учитель был рядом. Даже самого жуткого вида мертвяки не навевали на неё страх, даже лавчонки с сомнительным содержимым не заставляли содрогнуться.

Первым делом старик познакомил девушку с другими учителями — преподавателями из различных училищ, институтов и даже из Университета. Маги проявляли внешнюю заинтересованность, но уже через пару минут забывали о своих высокопарных обещаниях и многословных клятвах. Ведь вокруг них были сотни не менее талантливых ведьмочек, в том числе и среди учениц данных почтенных джентльменов. Без особого успеха Димитрий Дван оббивал пороги своих прежних соратников целых два месяца, пока не покорился судьбе и не записался на приём к мадам Натали Гробулль.

Едва Нати увидела Владлену, она тихо ужаснулась: неужели она из этой неотёсанной девицы из семьи обывателей (!) должна сделать светскую даму Лысой Горы??... Обучение началось в тот же день: уже в ту же встречу Натали потребовала у Владлены сменить «неподобающий» вид на более приличный: сменить одежду, причёску и макияж.

Большая любительница death metal, Владлена весьма неохотно согласилась на розовое платье, которое ей предложила Натали. Волосы тоже («Так уж и быть!») в кои-то веки как следует вымыли и подровняли, так что теперь на плечи девушке падали потрясающие чёрные локоны. И только с макияжем ничего не смогла сделать мадам Гробулль: тёмно-карие глаза под густыми ресницами Влади по-прежнему щедро обводила чёрным карандашом и подрисовывала стрелки.

Обучение Натали совсем не походило на прежние уроки с учителем. Владлена не учила заклятия и латынь, не читала труды древних, не варила зелья и не толкла порошки — теперь она просто училась правильно сидеть, есть, ходить, вставать из-за стола и даже здороваться. Едва ли понимала тогда девушка, что Натали делает из неё завидную невесту для какого-нибудь не в меру богатого олуха.

Но вот прошло два года. И по всему было видно, что присутствие Владлены стало весьма утомлять мадам Натали. Но что было поделывать девушке? Ведь именно Натали теперь была единственной зацепочкой в этом завораживающем месте — на Лысой Горе.

Велико было горе Владлены, когда, пожалуй, самый близкий человек, покинул её, когда ей было семнадцать. Только тогда она узнала, что он был отщепенцем, что предыдущая княжна выгнала его с Лысой Горы, а его семью казнили. Что Владлена стала единственным близким человеком ему за последние сотню лет. И что только ради неё он пошёл к Дюве вымаливать прощение.

Учитель сделал её единственной наследницей своего небольшого бизнеса и всех скромных сбережений. Деньги были и обывательские, и лысегорские. Было множество антиквариата и редких книг... Она продала магазин не без труда — лысегорцам он был не интересен, обыватели его обходили стороной. Пришлось приложить немало усилий, чтобы найти связи у отщепенцев и, наконец, избавиться от него.

Так на Лысой Горе появилась еще одна типичная невеста с недурным приданным. Если не вести светский образ жизни, Владлене бы хватило этих денег на несколько десятилетий. Но только не рядом с Натали! Она сорила деньгами сама и заставляла делать то же самое и всех своих протеже, ведь «только так можно найти стоящего мужа!»

И вот Фортуна улыбнулась Владлене, по крайней мере, девушке так казалось — она познакомилась с молодым и очень перспективным богатым магом, племянником одного из влиятельнейших людей Лысой Горы. Звали его Аскольд Скелетто.

Едва только увидела его Влади, у неё в мозгу будто что-то щёлкнуло: «Эврика!» — сказала она самой себе и принялась с двойным рвением обрабатывать молодого человека.

Уж как она ходила, ела и вставала из-за стола перед ним! Но... Но он лишь благосклонно улыбался, говорил о милых пустяках, и в это время встречался со странной особой по имени Маришка Гнильвецких. И устраивал в своём особняке, как минимум раз в неделю, пьяный дебош. Каждый раз о последствиях таких «вечеринок» педантично писал «Склепус Таймс», всегда подсчитывая количество выбитых стёкол на соседних улицах, выпитых бутылок крепкого алкоголя, оживших мертвецов силами не в меру пьяного господина герцога Скелетто и даже раритетной мебели, разбитой не в меру развеселившимися гостями.

Владлена не питала иллюзий о том, что едва Аскольд начнёт встречаться с ней, дебоши прекратятся. Нет, она отнюдь не была дурой, но занять место официальной пассии герцоганекромага было весьма недурным шагом. Тем более, что данное вакантное место было свободно, хотя очень мало, кто об этом знал: Маришка и Аскольд последние несколько месяцев уже не были вместе, и лишь на высокосветских сборищах они появлялись рука об руку, довольно скаля окружающим зубки, дабы лишить удовольствия простых магов читать сплетни про высшее общество Лысой Горы. Надо заметить, что данная информация и впрямь вовсе не была такой уж доступной: лишь близкие родственники Маришки, Сэммюэл Скелетто и Натали знали об этом. Последняя и передала эти новости Владлене.

Влади очень быстро поняла, что стать добрым другом и приятелем Аскольду Скелетто совсем несложно. Но вот перейти тонкую грань и занять место его спутницы жизни!.. Владлене казалось, что всё, что она предпринимает — лишь жалкие потуги трёхлетнего малыша рядом со стальной штангой. Чего-то не хватало...

Вот уже полгода Владлена, как ей казалось, безуспешно билась над господином герцогом. Она регулярно появлялась в его доме, и не раз и не два она заставляла его в том растрёпанном состоянии, когда он поплотнее запахивал чёрный шёлковый халат и щелчком пальцев выкидывал с дивана дамские трусики. Все предыдущие полгода Влади даже особо не обращала на данный факт особого внимания, а тут... Тут словно что-то ударило по голове:

— Да как ты можешь! Ты же знаешь, что я приду — я предупреждала тебя, — и ты даже не можешь приказать прислуге прибраться! Это просто неприлично, Аскольд!..

Лишь через полгода после знакомства с Аскольдом Владлена поняла, что влюблена и — о, Тьма вездесущая! — как же влюблена!!

Почти год продолжалась идиллия. Аскольд и Владлена настолько много были вместе, что тёмное сообщество давно уже называло их за глаза не иначе, как женихом и невестой. Казалось, всё было великолепно, если бы не одно крошечное «но», которое не давало Владлене спокойно жить: пьяные дебоши оставались неотъемлемой частью жизни герцога Аскольда Скелетто. Но кричать, топтать ногами и требовать «прекращения банкета» она всё же не рисковала.

Они чудесно отметили её двадцатилетие. Гостей не было на этом празднике — только он и она, и Владлене ничего больше и не было нужно. Это был, пожалуй, последний их совместный тихий, романтический вечер...

Прошло совсем немного времени, и Аскольд начал куда-то пропадать. То есть он сказал Владлене, что едет «по делам» в Трансильванию, но нечаянные фразы его приятелей и знакомых, типа: «Аскольд вчера заходил к нам» или «ты знаешь, мне давеча Скелетто говорил...» заставляли Владлену хорошенько задуматься. И часто, когда она хотела зайти в особняк Скелетто, прислуга недовольно косилась на неё, говоря, что-де господина Скелетто дома нет. И это в то время, когда долгие часы горел свет в окнах кабинета Аскольда! День за днем нарастала ревность и злоба в сердце Владлены.

Но вот однажды, когда девушка уже дала себе зарок, что непременно расстанется с Аскольдом, если и на этот раз он не примет её, именно он помог ей и, мало того, подарил ожерелье редкой красоты. И сердце Владлены оттаяло... вновь.

* * *

Мари закрыла глаза, открыла, тряхнула головой — строчки из пособия по теории вечных заклятий вроде бы вновь встали на свои места, но спустя пару секунд тёмно-синие витиеватые буквы превратились в прыгающее облачко с красными и зелёными звёздочками. Головные боли мучили её уже неделю, но такого паршивого состояния ещё точно не было. Мари встала из-за стола, сделала пару шагов и вновь ухватилась за спинку стула. Силы словно утекали в небытие. Девушка с немалым трудом добралась до противоположного угла комнаты, где была кровать, и повалилась на неё. В полной прострации она нащупала руками подушку, но уже не было сил на то, чтобы пододвинуть её к голове.

Глаза сами собой закрылись, дыхание стало едва заметным.

* * *

Владлена присела на небольшой диванчик в коридоре напротив комнаты Мари и задумалась. Больше всего на свете ей хотелось поговорить по душам с сестрой, хотелось всё узнать честным путём из первых уст, а не платить снова этому пройдохе Бомптириусу. Влади вздохнула, поднялась с места и постучала в дверь. Нет ответа. Тук. Тук-тук-тук. Тихо, как в склепе. Владлена нервно вздрогнула, ещё немного подумала и зашла в комнату. Мари лежала на кровати вниз лицом. Ведьма намётанным глазом поняла, что дело в сильном яде и, возможно, в сильных чарах. Несмотря на все былые тренировки, руки у неё затряслись, она едва не завопила.

«Что делать, что делать?! Господи, что же делать? Куда бежать? Кто понимает в этом больше, чем я? Что делать?!?» — она лихорадочно бегала по комнате, словно ища глазами что-то. Едва слушающимися руками она схватила маркер, тут же отбросила его; подошла к сестре и заикающимся голосом едва выдавила из себя заклинание левитации, тело Мари поднялось над кроватью. И добавила формулу отвода глаз, чтобы без проблем

транспортировать Мари в преисподнюю.

Спустя двадцать минут Владлена ударила ногой в кованые ворота, тут же возникло голубоватое облачко с недовольным лицом горничной, которое, правда, тут же прояснилось.

— Леди Курт? Вас пустить?

— Конечно, чёрт тебя подери!! — взревела Владлена.

Едва только входная дверь захлопнулась за спиной Владлены и драгоценной ноши, служанка взвизгнула:

— О, свежий мертвяк? — с намёком на интерес, спросила горничная. Подёрнутые пленкой глаза загорелись интересом.

— Дура! Это моя сестра!! — напустилась на служанку девушка, и без неё возбуждённая до предела. — Где он?

— Наверху, в кабинете. — Лицо прислуги было серым и невозмутимым.

Ещё через тридцать секунд Владлена пнула ногой дверь кабинета, от чего та тут же распахнулась. В первую очередь в помещение влетело тело Мари и улеглось на небольшой темно-коричневый диванчик и лишь затем в кабинет зашла и сама хозяйка ноши.

— Аскольд, помоги, — потребовала она.

— Владлена? Что случилось? — он резким движением вспрыгнул с кресла. — Почему у всех манера приводить ко мне убогих? Что это за девушка?

— Это моя сестра!

— А что это с ней?

— Это я хочу узнать у тебя.

— А я-то что... Я ничего не делал... — залебезил Аскольд.

— Я не о том! Просто скажи, что с ней и можешь ли ты помочь?

Аскольд хмыкнул и со знанием дела потрогал волосы Мари.

— Знакомая магия, знакомое что-то... — пробормотал он. — Но никак в толк не возьму, кто же это мог быть... Ладно, Владлена, выйди. Через полчаса я тебя позову, — он закатал рукава и достал из ящика две чёрные свечи.

Владлена вздохнула и вышла.

Прошло около двадцати минут, когда у двери кабинета герцога оказалась полная высокая женщина в пышном розовом платье.

— Вы не знаете, — обратилась она к Влади, — герцог Скелетто у себя?

— Да, но...

Владлена не успела договорить, как эта дама ворвалась в кабинет Аскольда.

— Господин Скелетто, доброго дня... МАРИ!! О, Marie!! Наследница Амалия?!.. — Жюли (а это была конечно же она) могла бы ещё долго вопить, если бы Владлена заклинанием не заткнула её.

— Хм, правду говорила... — задумчиво отозвался Аскольд, обращаясь не то к Владлене, не то к самой к Мари. — Владлена, лапонька, только не говори мне, что это, — он указал на всё так же лежащую на диване Мари, — твоя сестра. Я всё равно не поверю...

— Аскольд, прекрати! — Взорвалась Владлена. — Это сейчас не важно! Ты её излечил?!

И, словно, отвечая на вопрос сестры, Мари открыла глаза, и первое, что она увидела, было побледневшее лицо Аскольда.

— О! Привет, Аскольд! — пробормотала она. — Слушай, я, конечно, хотела к тебе как-нибудь прийти, но мы не договаривались, чтобы ты меня телепортировал. Верно? — Мари

слегка повернула голову: — О-ой! Голова трещит!..

Прошло ещё две секунды, прежде чем Мари сфокусировала взгляд на Влади и Жюли, ещё столько же времени потребовалось, чтобы понять, что на подушке лежат русые пряди. Она поспешно закрыла рот, когда было уже поздно.

Жюли стояла, открывая и закрывая рот, Владлена хлопала глазами, а Аскольд только усмехался, поражаясь собственной прозорливости.

— Анита?! — одновременно воскликнули Жюли и Владлена.

Почти что явственно послышался скрежет зубов Мари.

— А теперь признавайся, как такое могло случиться? — гневно спросила Владлена, нависая над скорчившейся на диванчике Мари.

— Я бы тоже хотела спросить это у тебя!! — подхватила Жюли. — Ты хоть понимаешь, что пришлось мне пережить из-за вас, ваше высочество?! — с сарказмом добавила она.

— Какой ужас! Какой позор!! Собственная сестра!.. — запричитала Владлена, заламывая руки. — До сих пор до конца не могу поверить!

— Стала тёмной — и всё забудется?! — выплёвывала в лицо Мари Жюльетта.

— Анита Демен... Анита... О, Мрак всемогущий! Какая мерзость! — не могли успокоиться Владлена.

— Да ладно вам, — примирительно развёл руками Аскольд.

— Да ладно?!? — гневно зашипели и белая и тёмная.

— Всё, с меня хватит! — Злобно рывкнула Жюли. — Лично я уйду. Я слишком много времени провела у тёмных и без того. Свою миссию я выполнила: я нашла... кхм... наследницу. Так что я уйду к себе домой и умываю руки перед последствиями. Моя дорогая наследница Амалия, вы сами сделали свой выбор, — она болезненно поморщилась и, оглушительно хлопнув дверью, удалилась.

В кабинете повисла гнетущая тишина, не предвещавшая ничего хорошего.

— Так и знай, сестричка, от папы и Элизы я ничего скрывать не буду. — Выплюнула Владлена. — Как хочешь, так и выпутывайся. Скажу одно — домой ты больше не попадёшь.

— Влади! — Мари попыталась схватить за руку сестру. К глазам подкатывали слёзы. Всё, что было до этого, вовсе не казалось реальностью, а сейчас, сорвав маску, всё приобрело свои уродливые формы. — Я не хотела! Мне ничего не нужно, кроме магии!

— Ничего не нужно, говоришь? Ну-ну!! — Движением руки она подняла сестру на ноги, поставив рядом с Аскольдом. Мария, ожидавшая чего угодно, но только не этого, инстинктивно схватилась за герцога.

В это мгновение, откуда ни возмись, в руках Владлены оказался небольшой фотоаппарат... Ведьма довольно улыбалась:

— Моя любимая сестричка обрела своё счастье и усвистала с ним за тридевять земель. Изредка она будет позванивать своему любимому папочке и драгоценной мачехе... — Повествовательным тоном пропела-прошипела Владлена, делая снимок за снимком. — Улыбнись! Сейчас вылетит птичка! Поздравляю тебя, сестричка! Ты выхватила Джек-пот!!! — и ведьма также телепортировалась.

Мари, едва повернувшись на ослабевших ногах к Аскольду лицом, поспешно превратилась в Аниту.

— Ты всё знал?

— Ты же мне многое рассказала сама. Я видел фото. Только вот родство с Владленой — это сюрприз. — усмехнулся Аскольд. — Если б не моё вмешательство, тогда, когда ты

уходила от белых, вряд ли это могло кончиться чем-то хорошим, ты же знаешь...

— Я не вижу ничего хорошего, — снова она почувствовала на глазах слёзы. — Ни-че-го. — Анита сильнее обняла герцога и, только чтобы он не увидел, позволила себе тихо-тихо заплакать. Тем не менее, он это тут же почувствовал.

— Анни! Ты плачешь? — он обоими руками развернул её лицо к себе. — Плачешь. — Он раздосадовано закусил губу.

— Я... — она попыталась вновь спрятать лицо. — Я... да...

Всё внезапно встало на свои места в голове герцога Скелетто. Действительно, мало что бывает случайно. Эта маленькая и хрупкая девушка и одновременно такая сильная ведьма рыдала в его объятиях. Он никогда не считал, что женские слёзы — это что-то особенное, дергающее за самые ранимые струны души. Они, как правило, только заставляли его отстраняться и предлагать сходить умыться холодной водой.

Но её слёзы было видеть невозможно, как если бы на груди рисовали скальпелем.

Он крепче обнял её и немного рассеяно стал гладить по непослушным чёрным волосам.

Снова взял её лицо в свои руки, слёз уже не было. Только боль в глазах не давала забыть о произошедшем.

— Ты нужна мне счастливая. — И поцеловал так, как если бы это был его первый поцелуй. Что-то изменилось в нём, не поломалось — а выросло. То, чего никогда раньше не было.

Мари, или Анита... Она запуталась в своих именах... Она отвечала на его поцелуй, её настоящий первый поцелуй в жизни.

Он был её значительно старше, он был даже старше её отца... Какой кошмар...

Анита отстранилась от него.

— Аскольд, ты... Зачем?

— Хочу. — Он обнял её. — Захотел, как только увидел тебя. Ты была такой смешной и растерянной. И делала вид, что такая крутая. А мне хотелось тебя забрать, защитить, спрятать.

— А что дальше?

— Не понимаю тебя.

— У тебя были наверняка десятки женщин. Сотни, быть может...

Аскольд, соглашаясь, закивал — да, так оно и было, действительно.

— А я без роду, без племени, с вереницей врагов. Что ты будешь со мной делать? Зачем я тебе?

— Нужна.

Анита только покачала головой, понимая, что от этого человека она не добьётся ничего более внятного. Он всё равно будет поступать так, как сам того хочет, и ни она, ни Владлена, ни Дюва, ни сам чёрт с горы ему не помешают.

— Ты будешь жить здесь, как и раньше, без всяких там гостиниц, ясно?

— Угу.

— И может однажды придёшь проведать лучшую достопримечательность этого дома...

— Твою спальню? — Анита не смогла сдержать улыбки. — Самоуверенный подлец.

— Ещё бы. Подлец. — Он снова сгрёб её в охапку. — Я не позволю тебе быть несчастной. Ты вернёшь свою семью, я тебе обещаю.

— Нет. — Она упёрлась в её грудь и отстранилась, Аскольд ослабил хватку. — Не хочу

это делать силой. Прийти, унижить, уничтожить Владлену, чтобы... что? Я всё равно люблю её. И я что-нибудь придумаю.

— Так что насчёт спальни? Заметь, не я о ней заговорил! — Аскольд снова поцеловал её. И она отвечала, снова, так нежно...

— Я... Не сегодня. — Анита сделал над собой усилие, чтобы оторваться от герцога. — Ты побудешь сегодня со мной? Мне что-то холодно.

* * *

Прошёл день. Анита всё это время провела в особняке Скелетто. Аскольд где-то пропал, а в то время, когда был дома, беспрерывно разговаривал и выспрашивал что-то по телефону. После очередной «важной встречи» он пришёл расстроенный и протянул Аните одну из двух газет. Судя по оформлению, одна была тёмно-магической, другая — из светлой части преисподней.

— «Золотой оракул», — прочитал заглавие Аскольд той газеты, которая осталась в его руках.

— «Склепус Таймс», — пробормотала Анита.

— Думаю, стоит прочитать, — заметил Скелетто.

— «Возвращение блудной наследницы. Из достоверных источников (пресс-служба королевского дворца) стало известно, что наследница королевы Амалии нашлась. А точнее говоря, её нашла её фрейлина, и не где-нибудь, а в тёмной части преисподней...»

— Какая подлая ложь! — вскочила Анита. — Во-первых, её нашла я, а во-вторых, это Жюли была в злачном месте, а не я!!

— «...где юная королева развлекалась в обществе молодого графа Трупетто...»

— Какая подлая ложь!! — теперь уже Анита и Аскольд подскочили вместе.

— Они ещё и переврали мою фамилию! — взвыл герцог Скелетто и продолжил читать дальше, — «...а также довольно хорошо известной в светских кругах madam N.G.P».

— Натали будет в восторге, — хмыкнула Анита, — она обожает, когда про неё пишут.

— Да, она любит, когда её имя упоминается в прессе, но только не в светло-магической и не в таком контексте! — возразил Аскольд. — Впрочем, читаю дальше: «Теперь правительство белых магов намерено поймать наследницу королевы Амалии и судить по всей строгости светлого закона!» Всё в ажуре! — саркастично ухмыльнулся Аскольд.

Анита развернула «Склепус Таймс» и тут же присвистнула:

— О... У белых ещё цветочки... — у неё даже перехватило дыхание. Она подсунула газету Аскольду: — Читай и это ты.

— Хм-гхм... «Светлая наследница на Лысой Горе. Из недостоверных источников стало известно, что в тёмной части преисподней до недавнего времени скрывалась наследница светлой королевы, представленная королеве Амалии всего полгода назад, имя её Мария Амалия К... Тёмная княжна взволнована возникшими сплетнями. Её мнение выразил её помощник, пожелавший остаться инкогнито, тем не менее, мы узнали его инициалы — БС.

«Склепус Таймс»: Вы могли бы прокомментировать слухи, которые со скоростью вылетающего из бутылки джинна распространяются по Лысой Горе?

БС: На мой взгляд, это лишь глупые рассказы древних тётушек, которым просто нечем заняться, но нужно откуда-то брать темы для пустых бесед.

СТ: То есть, вы утверждаете, что слухи не имеют никакой твёрдой почвы? что нет никакой документальной основы?

БС: Ну, почему же? Нет дыма без огня. Правда, если светлая наследница — как вы говорили? Амалия? — и была здесь, то совсем недолго и массу времени назад, но тёмная княжна быстро с ней... (Нервно озирается и замолкает.)

СТ: Что именно сделала тёмная княжна?

БС: Это государственная тайна!

СТ: В таком случае, что она собирается сделать?

БС: Боюсь, что даже при наилучшем раскладе наследнице Амалии мало не покажется: Дюва скорее всего казнит её.

СТ: А насколько правдивы слухи о том, что наследница Амалия скрывалась на ЛГ под именем Аниты Демен и даже заручилась дружбой у тёмной княжны?

БС: Я воздержусь от комментариев.

СТ: Так значит, это правда?

На этот вопрос помощник Дювы лишь весьма некорректным образом выставил меня за дверь, из чего я могу сделать вывод, что это была правда. По крайней мере, «Склепус Таймс» придерживается именно такой точки зрения. Оставайтесь с нами! Материал подготовила Фурия Скалозубова».

Аскольд перевёл дыхание.

— Впечатляет... — выдохнула Анита. Только интересно, кто же этот «БС»?

— Бомпти... чёрт его подери!! — ругнулся Аскольд.

— Бомптириус? — воскликнула девушка. — Но ведь он...

— О, Мрак всемогущий! Большого слизняка, чем Бомпти, я в жизни не встречал! Он всегда там, где тепло и уютно его пятой точке. Сейчас вышеуказанному предмету хорошо рядом с тронем Дювы.

— Аскольд, ты не издеваешься надо мной?! Именно сейчас с Дювой?!

— Да! Да! Да!! Именно с Дювой! Только не спрашивай меня, почему, я прошу. — Герцог окинул взглядом ошарашенное лицо Аниты. — Но они не всегда ладят... И всё же, когда они в очередной раз находят общий язык, их стоит бояться.

— Анита, послушай, а что тебе сейчас лучше делать? — спросил Аскольд после минутной паузы. — Сидеть и ждать, пока тебя угробят либо тёмные, либо белые?

— Какой ты, Аскольд, право, неверующий! Учил меня, учил... И даже боишься отпустить в свободное плавание.

— Анни! Я не хочу тебя терять... Даже... более того, я впервые в жизни боюсь кого-то потерять...

— Аскольд, ты был очень хорошим учителем. Спасибо тебе! Но сейчас я не уверена, что смогу справиться со всеми в лоб. Боишься меня потерять — тогда поверь мне! Мне нужно просто выиграть время.

— Что предлагает тебе твоё воспалённое воображение? — одновременно с покорностью и иронией спросил некромаг.

— Я пойду к Натали.

— Не слишком ли сложный ход?

— В самый раз, Скольди. В самый раз. Только её тщеславия на что-то подобное и хватит.

Тогда, сто тридцать лет назад, когда шла жесточайшая война между белыми и тёмными

магами, о возможном мирном сосуществовании не задумывался никто — считали, что только кто-то один способен выжить. Белые и тёмные маги — это были два совершенно разных мира, две крайности. Но у тёмных было преимущество, так как их ряды постоянно пополнялись: появлялись новые мертвяки, вурдалаки, да и нередко белые маги переходили на сторону тёмных, только за ними видя единственную возможность выжить в это непростое время. Война заключалась в постоянных полуорганизованных налётах друг на друга, непрекращающихся дуэлях, грабежах и мародёрстве. О встречах в мирной обстановке не могло быть и речи. Это была война за существование, смерть за жизнь. И тем удивительнее констатировать факт, что светлая чародейка и тёмный маг мало того, что встретились — полюбили друг друга.

Фактически вся преисподняя в тот момент была черномágической, а светлые пытались маскироваться среди людей, что с трудом им удавалось. Тёмные маги посылали лазутчиков даже туда. И однажды в одном из таких отрядов был один незнатный молодой человек, сын трактирщика, Виарент де Бротт. Он не был сторонником действий темно-мágического сообщества, но лично у него выбора не было, так как его отец чем-то не угодил тёмной княжне Ровене.

Тёмный отряд окружил трёхэтажный жилой дом, в котором, как утверждал надёжный источник, обосновались правящие круги белых. Они ворвались в дом, готовые в любую секунду вскинуть талисманы и мágические перстни. Но дом был пуст, не было ни души. Виарент поднялся на второй этаж, побродил по пустым комнатам, вышел в коридор... и услышал сдавленные рыдания. Он поспешно поднялся на третий этаж, заглянул в спальню и увидел белокурую девушку, сидевшую на огромной кровати. Она до сих пор всхлипывала, но, увидев молодого человека, коротко вскрикнула и, перекувыркнувшись через кровать, вскинула ярко-красный амулет. Едва Виарент взглянул в заплаканные, но полные решимости голубые глаза девушки, он уже и забыл даже, зачем сюда пришёл. Но девушка, судя по всему, была слишком возбуждена, чтобы обращать внимание на то, что тёмный маг смотрит не на её амулет, а ей в глаза. Она постояла так несколько секунд и прыгнула в окно. Когда Виарент подбежал к окну и взглянул вниз, никого уже не было.

Прошло пять лет. Из-за жестокого предательства была свергнута Ровена, и на её месте оказалась мягкая и покладистая Анна, которая была в прошлом светлой чародейкой, а теперь была возведена в статус тёмной княжны высокопоставленными шишками Лысой Горы, уставшими от бесполезной войны. Белые маги обосновались на небольшом клочке преисподнии. Но несмотря ни на что, им казалось, что Анна сделала для них слишком мало, когда как сама тёмная княжна была искренне уверена, что и без того чересчур расщедрилась. Дипломатические дебаты продолжались ещё семь лет, пока Анна не согласилась расширить границы владений белых. И всё бы хорошо, но внезапно тёмная княжна скончалась. Говорили о каких-то врождённых заболеваниях, слабом здоровье княжны. Но народная молва разносила слухи о том, что Анну отравили простым крысиным ядом. И всё же мágическое сообщество проглотило эту неудобоваримую пилюлю.

Теперь на троне тёмной княжны восседала Эстер, потомственная маркиза, женщина расчётливая и своенравная, считающая, что все имеют право на существование, другое дело, в какой степени и каком виде. Таким образом, границы белых магов остались без изменения. Теперь белые могли при необходимости при соблюдении целого списка правил попасть к тёмным, а тёмные разгуливали там, где им только заблагорассудится, и всё же к светлым они особенно не наведывались. Хотя один практически поселился у белых.

Виарент де Бротт по-прежнему искал ту белокурую девушку с огромными голубыми глазами. И, о чудо! — кто ищет, тот всегда найдёт! Тот день, когда они встретились в небольшой светло-магической лавчонке, Виаренту запомнился на всю жизнь. Едва только девушка увидела того самого смуглого молодого человека, она невольно вздрогнула и попятилась. Он же, напротив, не делая резких движений и мило улыбаясь, приблизился к ней, ничего не слыша от биения своего собственного сердца.

— Здравствуйте, — просто сказал он, — я искал вас.

Девушка испуганно глянула на него, но, увидев в его светло-серых глазах искреннюю радость, тоже неловко улыбнулась.

— Здравствуйте. А какими же судьбами вы оказались у нас? — негромко спросила она.

Виарент неловко пожал плечами и озорно глянул на неё.

— Я искал вас. Тринадцать лет искал.

Они разговорились. Оказалось, что девушку звали Агнесса фон Гарден, она была дочерью одного обедневшего голландского купца с английскими корнями, которую в своё время занесло в преисподнюю. «Как это со всеми бывает», — говорила, улыбаясь, она.

Прошло два года. Виарент де Бротт умолчал о своих тёмных корнях и поселился с молодой женой в белой преисподней. Родился мальчик, которого назвали Флегонтом, безумно походивший внешне на мать, но, по сути, будучи копией своего отца. Едва юноше исполнилось восемнадцать, Виарент настоял на том, чтобы сын учился у тёмных магов. Агнесса была против этого, но отец семейства в первый и последний раз в своей жизни потребовал исполнения своего приказа.

Флегонту ничего не оставалось, как уходить от чистоты и света белых магов к тёмным кладбищам и склепам, вурдалакам и мертвякам, некромагам и магам-вуду в училище им. Феоктия Плотоядного. К двадцати трём годам он уже был профессионалом в таких областях, как «теория отравлений и изучение ядов», «практическая магия», «чары», «борьба с духами», недурно разбирался в астрономии и политологии, а также мечтал стать бакалавром по «теории паранормальных явлений». Его обучение подходило к концу, он с трепетом ждал возвращения домой, как внезапно получил письмо от отца, где тот писал о том, чтобы Флегонт не приезжал домой для его же блага и блага его семьи. Молодой маг не поверил сперва и поехал всё же в солнечную белую преисподнюю, едва только получил на руки диплом об окончании черномагического училища. Все, кроме его родителей, восприняли его приезд враждебно, словно он был тёмным шпионом, незаконно проникшим на их территорию. Семье де Бротт не стало жизни среди белых, как только их сын вновь оказался рядом с ними. Виарент как следует почесал тыковку и выудил из недр памяти некоторые родственные узы. Несколько часов, проведённые за тачкидом в спорах и препирательствах — и Флегонт де Бротт мог вновь ехать к тёмным, где ему могла дать угол его троюродная сестра Урсула де Бротт.

Сестрица оказалась особой весьма эксцентричной. Урсула жила довольно далеко от Лысой Горы и не признавала её правительства, предпочитая считать лишь себя всемогущей. Изначально отношения между братом и сестрой не клеились. У родственников, особенно дальних, среди тёмных магов вообще обычно наблюдается дефицит любви и взаимопонимания. Поэтому в итоге Флегонт, нажав на все мыслимые и немыслимые педали, избавился от каждодневного общества Урсулы, купив себе крошечный домик в самом захолустном районе Лысой Горы. Он устроился официантом в небольшой ресторанчик, что однажды сослужило ему дурную службу.

Вся загвоздка заключалась в том, что Флегонт де Бротт прибыл в своё время в училище им. Феоктия Плотоядного под видом трансильванца, истинного ревнителя своей родины, который приехал получить образование, чтобы освободить свою страну от вампиров и прочей нечисти. Очередная легенда была принята на «ура!». Но лишь один человек знал правду — старинный приятель его отца, человек к тому времени богатый и видный. Но то ли слишком много рома оказалось в нём в тот вечер, то ли какая-то кошка перебежала между ним и Виарентом, что он в полный голос в ресторане, полном магов, изобличил Флегонта в его «серости», как он выразился. Таким образом, и у тёмных молодому чародею не нашлось места.

Деваться было некуда, он вернулся к Урсуле за советом. Та, не долго думая, велела ему уехать лет на десять в Трансильванию, сменить имя, имидж, придумать себе в меру знатную родословную, пятёрку подвигов и лишь затем возвращаться назад. Флегонт послушал свою кузину и отбыл на родину графа Дракулы, но даже и там умудрялся пополнять свой багаж знаний и умений. Кем он только там не был: и щипачём, и продавцом на рынке, и юристом, и даже некоторое время поработал аптекарем. Но вот прошло десять лет, и он вернулся домой.

Урсула на удивление приветливо приняла его. Флегонт вначале искренне поражался такому преображению, но затем всё встало на свои места: Урсула и ещё три десятка сильнейших тёмных магов готовили дворцовый переворот. Не хватало лишь белого мага, чтобы проследить события во второй части преисподнии.

Всё удалось, и Урсула, сдвинув с насиженного места Эстер, завладела фактически преисподней. Но, взойдя на престол, она решила обновить своё малопривлекательное прошлое, придумала себе новую жизнь и изменила имя на Дюву. А Флегонт под именем Бомптириуса Славного благополучно помогал Урсуле де Бротт сводить счёты с неугодными ей «светленькими». И так продолжалось и по сей день... однако никто даже не догадывался об этом до недавнего времени.

* * *

Анита со свежими выпусками «Склепус Таймс» и «Золотого оракула» остановилась у ворот дома Натали Гробулль. Над головой девушки не замедлил появиться синеватый дымок.

— Анита Демен. Нати дома?

— Здравствуйте, мисс Демен, — пробормотала горничная; ворота открылись.

В холле её уже ждала и сама хозяйка особняка.

— О, *ma chere*, должна заметить, что платье — эту куда женственнее, чем какой-то костюм и эти... эти... ботинки. *Cest trs vulgaire!*

— Здравствуй, Натали! Я пришла не затем, чтобы обсуждать свой внешний вид. — Анита словно невзначай окинула взглядом холл. — Хм, Натали, ты не читала сегодняшнюю прессу? — и она указала на издания в своих руках.

— Фу! Это же какие-то пошлые жёлтые изданьица!.. Тем более, газеты пачкают руки.

— Что ж, я не настаиваю, но в них кое-что написано о тебе, *ma chere*.

Несмотря на то, что это «пошлые жёлтые изданьица», которые «пачкают руки», Натали выхватила у Аниты «Склепус Таймс» и пробежала глазами по строчкам, затем она взяла светло-магическую газету. Лицо светской львицы то бледнело, то краснело, пока не приобрело нездоровый желтоватый оттенок.

— Пройдём, *ma amie*, в салон, — пробормотала она, стараясь «сохранить лицо».

Едва только золочёные двойные двери за ними захлопнулись, Натали с псевдоинтересующимся выражением лица спросила:

— Так значит, ты — Наследница Амалии.

— Никто этого не говорит, но все так думают.

— В смысле?

— А ещё я — подруга Дювы. — Игнорируя вопрос Нати, сказала Анита.

— Ну, да... То-то она мечтает теперь порвать тебя в клочья, — отозвалась Натали. — Мой тебе совет, милочка, уноси ноги из преисподней. Тем более, что я всё же имею здесь какой-никакой вес. И уже потому, что ты, будучи белой, оказалась у тёмных, ты — мой личный враг, как и враг всех тёмных магов.

Анита слушала Натали и лишь усмехалась.

— ...Учти, крошка, я не предупреждаю о какой-то необыкновенной опасности, а прогнозирую её, ссылаясь на самые достоверные факты.

— Очень интересная трактовка проблемы. Натали, моя дорогая, а ты в курсе, или нет, что я знаю, кто меня отравил, и ещё пара магов знает наверняка.

Госпожа Гробуль побледнела от гнева.

— Да кто ж тебе поверит? — выступила она вперёд. — Наследнице-обманщице кто же будет доверять?!

— Мда... впрочем, наверное, ты права, — призадумалась Анита. — Слушай, а как тебе такой заголовок «Натали Гробуль пыталась отравить пассию Аскольда Скелетто» в «Склепус Таймс», или в «Золотом оракуле». Где тебе больше нравится? Впрочем, это может повредить Аскольду... — снова будто бы задумалась Анита. — Натали, драгоценная моя, тебе не приходило в голову, что мы можем быть полезными друг другу?

— Да? И каким же образом? — нервно спросила мадам.

— Дюва жаждет видеть меня в оковах брошенную к её ногам. И это можешь сделать ты.

У светской львицы даже дыхание спёрло:

— Ты с ума сошла!

— Нет, я пришла к тебе за помощью.

И снова у Натали перехватило дыхание:

— Ну... ну... ох... Знаешь, mon chere amie, за что я тебя так люблю?

— Нет, просвети меня.

— Тебя спасёт наглость. Или угробит.

— Так ты мне поможешь? — спокойно глядя на Нати, спросила Анита.

— Конечно, я хочу помочь своей княжне расправиться с белой королевой и хочу приобрести ореол славы и почёта на ЛГ! — в Натали проснулась блондинка.

— Так поможем друг другу.

* * *

— Нет, нет, и ещё раз нет!!!

— Анита!..

— Натали, я это не надену.

— Тогда я с тобой никуда не пойду.

— Натали!..

Та хмыкнула и кинула на огромную кровать под балдахином нежно-розового цвета платье прислуги.

— А ещё надо перекрасить волосы...

— Зачем??

— Да и от косметики бы отказаться...

— Ещё раз повторяю для слабоумных: я так никуда не пойду!

— Нет, только так, — она самодовольно ухмыльнулась. — Я хочу именно так.

— Ну что ж, госпожа Rochesalkinn, вас никто за язык не тянул, — зло сощурила глаза Анита и сказала лишь это, хотя хотела наброситься на Нати с кулаками. Но! Но всё для своего же блага.

* * *

Анита стояла в своей новой спальне и крутилась перед зеркалом в полный рост. Она придирчиво оглядывала наряд прислуги: коротенькое розовенькое платьице, белые туфельки без каблучков и такую же косынку, закрывающую тёмные волосы. Мымра.

Она закрыла дверь в спальню и вновь встала перед зеркалом, немного напряглась — и она уже видит отражение блондинки с небольшими, но выразительными серыми глазами, довольно большим, но не безобразным носом, чувственными губами. Анита слегка улыбнулась, на щёчках не замедлили появиться ямочки. Девушка немного задумалась, глядя по-прежнему на костюм служанки. Пара секунд — и Анита оглядывала уже изысканную даму в платье конца XIX века в прелестной шляпке с миниатюрным плюмажем. «Не пойдёт!» Попыткой номер два был уже привычный чёрный кожаный костюм. «Не то — я становлюсь узнаваемой». И она вновь вернула себе облик блондинки в розовом платьице. Анни ещё немного потопталась перед зеркалом, оглядывая себя с разных углов, пока не услышала оклик Натали. Она тут же вернула себе привычное обличье Аниты.

Девушка спустилась вниз в гостиную пред светлые очи Нати и выжидательно уставилась на неё, правда не без иронии.

— Слушай, Анита, а это хоть правда, что ты — наследница Амалия? Или нет?

Анита изобразила на лице высшую степень сарказма:

— Натали, дорогая, ты можешь меня представить безмозглой куклой в розовом платье, сидящей на высоком хрустальном — или какой он там? — троне?

— Хм. Не знаю, ох, не знаю... — с сомнением протянула Нати. — По крайней мере, в розовом платье точно могу.

— Ладно, не буду ломать комедию, — жёстко одёрнула сама себя Анита. — Я была наследницей светлой королевы.

— А сейчас?

— Ты издеваешься?

Натали только самодовольно поджала губки.

Мадам Гробулль в неизменном брючном розовом костюмчике и на огромных шпильках стояла перед огромными двойными чёрными дверьми. Рядом с ней была Анита с ничего не выражающими глазами. Внушительного вида страж около дверей с сомнением покосился на визитёрш:

— Не советовал бы я к ней вам сейчас идти. — Негромко проговорил охранник.

— Отчего же? — недовольно отозвалась Натали. Она не привыкла слышать от мебели живую речь, а охранников и прочую прислугу она воспринимала не иначе как предметы интерьера.

— Видно, вы не попадались под горячую руку тёмной княжне. А сейчас на ней можно яичницу жарить.

— Не твоё дело, — сквозь зубы пробормотала Нати. Анита оставалась безучастной.

Натали взмахом руки распахнула перед собой огромные двойные двери и тут же едва не запнулась, взглянув в глаза Дювы. Какими бы крепкими нервами ни обладал маг, тёмная княжна сумела бы навести на него страх или даже панику. Несомненно, это и помогало Дюве держать власть в своих цепких руках. Позади тёмной княжны с кислой мордой лица маячил Бомптириус, ряженный Дювой со свойственной ей иронией под монаха. Анита пока что прятала своё лицо за спиной Натали.

Увидав только Натали, Дюва чуть пошире открыла до того полузакрытые глаза; изумрудные пуговицы змей-серёг выжидательно уставились на светскую львицу.

— Рада приветствовать тебя, о Дюва! — склонилась в почтительном поклоне Натали, Анита следовала примеру своей провожатой.

По губам Дювы пробежала лёгкая усмешка:

— Странное дело, Натали, раньше ты никогда не таскала за собой прислугу. Или, может быть, твой очередной... хм... поклонник приставил к тебе шпиона-следопыта?

Натали натянуто рассмеялась. Бомптириус, стоя за тронем тёмной княжны, напрягся: он слишком много времени провёл в светском обществе, чтобы понять, что сейчас последует оскорбление, облачённое в такую форму, что комар носа не подточит.

— Дюва, дорогая! — Она даже в какой ситуации не могла обойтись без фамильярности. — Я тут слышала, что тебя обидела королева Амалия...

При этих словах Дюва заметно напряглась и переместилась на самый край своего седалища, словно хищник, готовый к немедленному прыжку.

— ... А меня — ты можешь только представить! — она надуть не смогла! — И она сделала шаг влево, открыв тем самым обзор на Аниту.

Дюва в бешенстве вскочила с трона, едва не опрокинув его и, тем самым, едва не прибав Бомптириуса.

— Как ты посмела не сдать её мне? — зарычала она.

— Дюва! Я и так избавила тебя от работы, придумав ей великолепное наказание, а ты ещё ругаешь меня! — «возмутилась» Нати, на самом деле уже начав опасаться за собственную шкуру.

Дюва тяжело выдохнула и села обратно на трон.

— Да?! И что же ты с ней сделала?

— Я её зомбировала, как и всю свою прислугу. Она потеряла свою личность и свою силу. Теперь она подчиняется только мне, — ответила она с самодовольной ухмылкой.

— Да-а?! Не верю. Вы же ведь были якобы подругами...

— Да, якобы были. Я этого и не отрицаю. Но накануне она пришла ко мне со слезами на глазах и стала умолять о помощи, говорила, что друзья бросили её, оставили на произвол судьбы, и только я и осталась у неё... Короче говоря, развела нюни, как и подобает всякой белой. Ну, а я, разумеется, не стала её слушать и решила, что коли она предала нашу дружбу, оказавшись светленькой, я имею полное моральное право пополнить батальоны своей прислуги, зомбировав экс-наследницу.

Необходимо будет заметить, что Натали говорила чистую правду: она лишь представила ситуацию, когда бы Анита пришла к ней и начала давить на жалость. Как бы ни один детектор лжи не уличил Натали Гробулль в обмане, так и Дюва лишь спокойно выслушала

рассказ дамочки.

Тёмная княжна ещё раз с головы до ног окинула Нати и в очередной раз саркастично улыбнулась:

— Натали, и всё же, ты не могла бы мне подсказать, где ты живёшь?

— В своём фамильном поместье... на ЛГ... в преисподнии... в тёмной преисподнии, — во рту у мадам Гробулль внезапно пересохло.

— А кто твой властелин?

— Ты, о Дюва, величайшая из великих, тёмная княжна... — пролепетала она.

— То есть — я правильно понимаю? — Дюва — это та, чьего приказа ты ни под каким видом послушаться не смеешь? — Дюва явно, абсолютно неприкрыто издевалась над Натали.

— Да...

— Вопросов более не имею. — Дюва ещё раз снисходительно глянула на Натали и в это же самое время, выставив вперёд руки, обратила в пепел Аниту, которая даже и не пыталась защищаться.

— Ma chere!..

* * *

«Слепус Таймс»:

Разоблачена преступная наследница белой коровы.

Накануне на Лысой Горе разоблачена Мария Амалия, призванная наследницей белой королевы Амалии около полугода назад. В силу своих пагубных наклонностей она попыталась убить королеву Амалию, после чего, когда её план был раскрыт, Мария бежала на Лысую Гору, где плела интриги против хранимой Мраком тёмной княжны Дювы. Прабел призвал помочь в поимке правительство тёмной княжны. Тем не менее, долгое время поиски не давали никаких результатов. Мария смогла также не просто появиться в среде высшего общества ЛГ, но даже и заручиться поддержкой герцога N (по понятным причинам, мы бы не хотели порочить честное имя обманутого аристократа). Только один человек из старого окружения Марии Амалии сумел узнать её в небезызвестной Аните Демен, о чём тут же стало известно при дворе белой королевы и, разумеется, в замке тёмной княжны. Необходимо заметить, что г-жа Демен была отнюдь не безопасна с магической точки зрения, и что только благодаря усилиям г-жи N.G.P. (которая также пожелала остаться инкогнито), была возможна операция по устранению преступной наследницы Марии Амалии.

Королева Амалия уже выразила свою признательность и благодарность тёмной княжне Дюве, а также выразила надежды на то, что впредь подобные вопросы белые маги смогут решать самостоятельно.

Материал подготовила Ф.Скалозубова.

Глава 7. Бетти

Элизабет подошла к кассе и поставила на ленту пластиковую корзину, одновременно перечитывая список продуктов, которые было необходимо приобрести. За ней следом подошла подобная самой Лиз блондинка в потёртых джинсах и вытянутой кофте с обычным набором продуктов: хлеб, молоко, курица, йогурт, мюсли, чай, яблоки, спаржа... Элизабет загляделась мгновение на девушку, которая, как ей показалось, слегка улыбнулась, и поспешно зашагала к стойкам, где ей сложили продукты в большие полиэтиленовые пакеты. Она была уже готова взять в руки мешки, как кто-то легко дотронулся до её плеча. Элизабет резко обернулась и вновь увидела всё ту же блондинку.

— Вы забыли это у кассы, — она протянула Лиз дисконтную карту супермаркета.

— Ох! Большое спасибо! — выдохнула она и хотела чуть более внятно поблагодарить незнакомку, но та уже отошла к большой витрине с новинками сотовых телефонов.

Без приключений Элизабет погрузила продукты в багажник машины и села на водительское сиденье. Она повернула ключ зажигания — и ничего. Тишина. Она проделала эту операцию трижды. Результат был всё тот же, то есть полное его отсутствие. Лиз в расстройстве вылезла из машины и с раздражением пнула колесо.

— Что-то стряслось? — несмотря на незнакомый голос, Элизабет уловила в нём знакомую интонацию.

Лиз обернулась — перед ней, вот уже в третий раз, была всё та же блондиночка.

— Да, вот с машиной что-то случилось... Я, если честно, с техникой не особо дружу. Жаль только, что до дома далеко идти пешком, да ещё и с такими сумками...

— Может, я чем-то смогу помочь? — легко улыбнулась блондинка и оглянулась на новенький серебристый автомобиль.

— Ох! Ну... если вас не затруднит... — замялась Лиз. — Я ведь могу и такси вызвать...

Незнакомка весело рассмеялась:

— Не надо такси! Чем я вас не устраиваю?

Лиззи благодарно улыбнулась.

— Беатрис, — блондинка протянула руку. — Для вас — Бетти.

— Лиз, — вздохнула Элизабет и пожала руку.

Спустя полчаса Элизабет и Бетти сидели на террасе коттеджа Куртов и вели светскую беседу: Элизабет, будучи вежливым и благодарным человеком, пригласила Беатрис в дом, подразумевая под этим приглашение на чай.

— Как же хорошо, что вы оказались там, ещё не уехали! — вот уже в который раз восклицала Лиз.

— Да, я задержалась. — улыбнулась Бетти. — Знаете, мне ваш выговор показался необычным... Вы давно здесь живёте?

Элизабет слегка смутилась, но быстро ответила:

— Нет, не так уж давно. Я вообще-то родилась в деревне.

— Теперь всё понятно.

— Удивительно, даже мой муж этого не замечал...

— Просто, я увлекаюсь лингвистикой, в частности фонетикой. А вообще-то я психолог.

— Ясно. А я менеджер в небольшом магазине одежды. — Она немного помолчала. —

Бетти, а могу я вам задать вопрос, как психологу?

Та ответила кивком головы.

— Дело в том, что я совсем недавно стала хозяйкой в этом доме. А у моего мужа, его зовут Дэниел, две дочери. Я их обоих безумно люблю, но постоянные странности... Постоянно куда-то пропадают, что-то явно недоговаривают... Вдруг у них какие-то проблемы, а они боятся нам рассказать... Как мне узнать, что происходит?

Бетти как-то странно взглянула на Элизабет и покрутила в пальцах чайную ложку.

— Лиз, я, может, сама поговорю... ну, как профессионал, — она подняла на женщину полный сопереживания взгляд.

— Не знаю, — слегка улыбнулась Элиза. — Может, так будет и лучше. Вы ведь всё-таки действительно профессионал...

Беатрис поскреблась в дверь спальни Владлены и кивнула Элизабет, показывая тем самым, что ей лучше будет уйти. Лиз понимающе глянула на блондинку и, тем не менее, неохотно спустилась на первый этаж.

Дверь в комнату была открыта, и Бетти тихо шагнула в спальню. Длинноногая девушка с великолепными чёрными вьющимися волосами лежала на большой кровати, застеленной коричневым меховым покрывалом.

— Кхм... Влади!..

— Мари! — Владлена резко обернулась на голос, но, увидев лишь напуганную блондинку, снова откинулась на подушки, приняв ту же позу, что и до вторжения незнакомки. Ей было всё равно.

— Владлена, меня попросила Элизабет поговорить с вами. Она очень волнуется за вас... за тебя. Может, ты мне расскажешь, что случилось; тебе станет легче.

— Уходите. Пожалуйста, уходите. — Почти прошептала Владлена.

— Но... Впрочем, ты права.

Беатрис закусил губу и вышла из комнаты. Она присела в коридоре на софу напротив окна и в задумчивости уставилась на голые ветки дерева, что царапало оконное стекло. Она посидела так ещё минутку и спустилась вниз, где договорилась с Элизабет о том, что придёт завтра примерно в это же время и попробует ещё раз поговорить с Владленой.

* * *

Бетти приходила к Владлене каждый день в течение недели. Каждый раз встречи заканчивались тем, что Влади просила психолога уйти после первой же реплики той. И, тем не менее, некоторый результат у их встреч всё же был: Влади привыкла к ежедневному появлению на горизонте Беатрис. Настоящий прорыв последовал на восьмой день, когда Бетти, открыв дверь спальни Владлены, увидела девушку, лежащую уже лицом к дверям. Подумав, что это хороший знак, блондинка присела напротив Влади в небольшое велюровое креслице.

— Здравствуй, Влади.

— Здравствуйте, Беатрис.

— Как дела?

— Плохо дела, — Владлена попыталась улыбнуться, но у неё ничего не вышло, и из глаз вновь потекли слёзы. Она поспешно зарылась лицом в подушку.

— Я пойду? — Бетти приподнялась в кресле.

Владлена жестом остановила её и вынула заплаканное лицо из недр подушки.

— Останьтесь, пожалуйста. Я хочу вам сказать... Видите ли, я не могу этого сказать Лиз... она же... ей вредно... А вам я скажу... Мари погибла. — И она вновь зарылась лицом в подушку.

Беатрис бессильно закусила губу.

— Ты сама видела?

— Нет.

— Тебе кто-то рассказал?

— В газете прочитала... а ещё отомстить хотела...

— Сестре?

— Да. Смерти её желала. Она увела у меня жениха... любимого... — безо всякой уверенности проговорила она.

— Два близких человека предали, — вздохнула Беатрис, — понимаю. И всё же, кто ценнее для тебя: родная сестра или бывший жених?

Гнев мелькнул в глазах ведьмы:

— Теперь-то какая разница?! Сестры нет, и я виновата в её смерти... А жениха ещё можно вернуть... — Она схватила голову руками и зарыдала. — Не знаю... Уже ничего не знаю и не понимаю. Я запуталась. Не такого я хотела!..

— Владлена, милая! Отпусти прошлое! Забудь всё! Не вини себя в смерти сестры! Но и твой любимый... Насильно мил не будешь.

— Я хочу бороться! — Влади в слезах стукнула кулаком по постели.

— Смотри сама. Так ты хотя бы сохранишь друга.

Владлена злобно рассмеялась. Эта Бетти начинала действовать ей на нервы.

— Разве можно быть с бывшим — другом?! Ты не знаешь его...

— В том-то и дело, что знаю. — С лёгкой усмешкой заметила Беатрис.

Владлена исподлобья, будто бы ещё раз, внимательнее, чем во все предыдущие разы, рассматривала блондинку.

— Кто ты? — тяжело дыша, спросила она.

— Как кто? — Психолог, — усмехнулась Бетти.

— Нет, ты — Мария.

Беатрис только легко рассмеялась.

— Влади, милая моя. Подумай ещё раз хорошенько, кто для тебя ценнее сестра или... или Аскольд. Особенно если помнить, что он для тебя потерян, — она грустно улыбнулась.

Казалось, что Владлена собирается с силами для принятия особенно тяжёлого решения...

— Иди ко всем чертям! Поняла?! — Неожиданно для Бетти взорвалась она. — И больше здесь не появляйся!!

Беатрис отшатнулась.

— Хорошо, я поняла.

Она поспешно вышла из комнаты, спустилась вниз, рассеянно попрощалась с Элизабет, села в припаркованную машину. Ей казалось, что она едет целую вечность... И только проехав через едва приметную чёрную арку в сорока километрах от города, когда машина превратилась в небольшой дилижанс, ей показалось, что время побежало быстрее и что больше воздуха набирается в лёгкие.

Две недели она жила без Аскольда в новом обличье, не разговаривая ни с кем, кроме

Влади и Элизы... Никому она не могла открыться. Но этот вечер казался ей особенным, она чувствовала, что любое её желание сбудется сегодня... А что будет потом? — Да и пусть всё горит синим пламенем!

Маленький дилижанс остановился около мрачного особняка за высоким забором. Спустя три минуты прислуга сообщила, что хозяина нет дома вот уже три дня и, насколько известно, всё это время он находится в трактире «Сон мага».

И вот ещё через пару минут золотоволосая красавица в платье модницы конца XIX века шагала по Главному проспекту Лысой Горы, держа под мышкой книгу о некромагии. Она не оглядывалась по сторонам в поисках табличек с адресами и ни о чём не спрашивала прохожих, что свойственно приезжим. Она несомненно великолепно знала это место, хотя аборигены этого уголка мегаполиса видели её впервые. Точно так же, ни секунды не сомневаясь, она толкнула дверь грязного трактира и подошла к стойке бара. Хозяин заведения расплылся в выжидательной улыбке.

— Чего пожелаете? — спросил он.

Но блондинка лишь уничижительно сверкнула на него глазами и опустилась на высокий стул рядом с дурно пахнущим небритым господином, на голове у которого был испачканный где-то чёрный берет с плюмажем.

Аскольд сидел, тупо уставившись в своё отражение на дне стакана с водкой. Мозг уже отказывался работать, и только одна мысль, которую герцог так желал вытравить, крутилась в его голове: Аниты больше нет. Он уронил голову на грязные брабантские кружева и зарыдал пьяными слезами.

— Господин Скелетто! — негромко обратилась к нему она. Тот на мгновение поднял на девушку серые заплаканные мутные глаза и вновь опустил взгляд в стакан.

— Господин Скелетто! Аскольд! меня прислала к вам ваша и моя подруга, Владлена Курт.

— Владлена? — просипел он, блондинку обдало перегаром. — Какого чёрта ей нужно от меня?

— Она волнуется за вас. — Голос её дрогнул. — Идёмте отсюда! — она жёстко одёрнула его.

— У меня нет денег.

— Скажите, что заплатите завтра!

— Я не хочу отсюда уходить. — Он с яростью глянул на неё и вновь тупо уставился на своё отражение на дне стакана.

— Сколько должен этот господин? — холодно обратилась подруга Владлены к хозяину трактира.

— Два серебряных.

Через мгновение четыре холодных кругляшка упали на липкую стойку бара.

— И никому не говорите, что здесь был этот господин, — негромко, но внятно произнесла она.

Аскольд хотел было воспротивиться, но блондинка стальной хваткой вцепилась в его левый локоть и чуть ли не насильно вывела из питейного заведения.

* * *

На следующее утро, чисто вымытый и одетый в хрусткую от крахмала пижаму, Аскольд проснулся в своей спальне со страшной головной болью. Он с трудом повернул чуть-чуть

вправо голову и увидел внушающий надежду хрустальный графин с чистой ледяной водой. Чуть поодаль стояла полуторалитровая банка с мутноватой жидкостью, подозрительно пахнувшей солёными огурцами. С нечеловеческим усилием герцог отодрал себя от подушки и буквально влил в себя всё содержимое графина. Сил добраться до рассола пока не было. Он отбросил пустой графин на постель и откинулся на подушки.

Дверь в спальню скрипнула и на пороге появилась смутно знакомая блондинка в искусно сшитом и, тем не менее, строгом платье. Вообще по всему своему виду она почему-то очень напоминала Аскольду гувернантку, которая была у него лет эдак тридцать пять назад.

— Аскольд, вам уже лучше? — учительским тоном спросила она, даже не глядя на опустошённые ёмкости.

Герцог вновь откинулся на подушки.

— Да... Вроде...

— Очень рада. — Она сказала это столь холодно и безжизненно, что герцог даже усомнился, из плоти и из крови ли она; но, вспомнив про своих родственников, отогнал от себя эти мысли.

— Хм... Хочу к вам обратиться, и даже не знаю как... — пробормотал Аскольд.

— Беатрис. Можно Бетти, — внезапно потеплела она и улыбнулась Аскольду смутно знакомой улыбкой. — Кстати, вас внизу ждёт моя подруга. Только у меня к вам просьба: не говорите пока ей, что я здесь, пожалуйста.

Герцог непонимающе глянул на неё, но, молча натянув на себя белоснежный шёлковый халат и домашние кожаные туфли, пошёл в гостиную.

Там, как и обещала Беатрис, в гостиной стояла Владлена, явно нервничая, сжимая и разжимая замок рук.

— Аскольд! Где тебя черти носят?!

— Да... так... А ты почему здесь? — ответил вопросом на вопрос Скелетто.

— Я волновалась из-за тебя, но, правда, только сегодня решила зайти к тебе, даже не надеялась застать тебя дома... — Она с укоризной взглянула на Аскольда. — Сотовый был отключён...

— Я его потерял.

— ... а тачилда у меня нет! Как же я могла тебя найти? — она слегка повысила голос, от чего Аскольд мгновенно схватился за голову. — Что с тобой? — она заботливо приобняла его за широкие плечи.

— Плохо мне, — с мукой в глазах пробормотал тот.

Только теперь, почувствовав недвусмысленный запах, Владлена всё поняла.

— Это из-за Аниты?

— Из-за неё.

— Понятно. И сколько ты будешь так мучиться? — тихо спросила она, думая о сестре, которая вела неясную для неё игру.

— Пока не забуду её или пока не сопьюсь, — он криво ухмыльнулся и вновь схватился за голову. Владлена помогла ему сесть на диван, а сама села на низенький дубовый столик со стеклянной столешницей. Она смотрела на Аскольда и с ужасом осознавала, что даже рада, что Мари здесь больше нет в преисподней, что она одна рядом с герцогом и что, возможно, всё станет так, как было, например, год назад, когда не только она, Владлена, любила Аскольда, но и он её.

— Аскольд, я тогда пойду? А ты лежи, отдыхай... — пробормотала она.

— Да, конечно! — растерянно ответил герцог Скелетто, даже не глядя в её сторону.

О, какое фиаско! А ведь она так надеялась на то, что Аскольд попросил её остаться хоть на часик! Казалось бы, такая мелочь...

А Аскольд сидел всё на том же месте на диване в огромной гостиной в стиле ампир, предназначенной для богатых приёмов, и его мысли также не желали сдвигаться с одного и того же места. Единственное, о чём он только мог сейчас мечтать, это вновь услышать её голос, едкие шуточки со свойственной ей иронией и бездонные, чёрные, лучистые, светящиеся лаской глаза.

* * *

В растрёпанных чувствах Владлена закрыла дверь в гардеробную, вышла в коридор и села там на старый диванчик, который она помнила с детства и который яростно защищала каждый раз, когда отец или Мари порывались его выкинуть или, на худой конец, выставить на террасу.

То подлое чувство радости, захлестнувшее её в доме Аскольда всё не проходило. На одной чаше весов была любовь к сестре, а на другой — к Аскольду и его любовь к Аните. «Если бы кто-то прочёл мои мысли, он бы подумал, что я свихнулась», — вздохнула про себя Владлена.

Прошла пара минут. Прямо под ней, на веранде, послышались женские голоса. «Мари и Лиз, — лениво щёлкнуло в мозгу у Влади. — Наверное, стоит спуститься».

Беатрис и Элизабет и впрямь сидели и прेमилно щебетали за чашечкой чая на прохладной веранде. Элиза при виде Владлены радостно улыбнулась и предложила присоединиться, а Мари, как показалось Владлене, улыбнулась несколько вымученно и натянуто. Влади согласилась, но просидела с ними не более десяти минут за разговором «о перипетиях человеческих судеб».

— Лиззи, — через некоторое время встряла Владлена, — я вообще-то очень хотела поговорить с Бетти... Ты не против? — как можно мягче сказала она.

Элизабет только понимающе улыбнулась и вышла с террасы. Беатрис серо-голубыми глазами внимательно следила за Владленой, за каждым её жестом.

— Извини меня, я погорячилась, — смущаясь, произнесла Владлена. Эти слова давались ей тяжело, как если бы их насильно выжимали. — Извини, сестра для меня очень-очень ценна, несмотря ни на что.

В эту секунду послышался звонок во входную дверь. Бетти и Влади услышали, как Элизабет пошла открывать.

— Я думаю, что у меня теперь всё получится... Ведь... — Она запнулась, — сестра же не будет больше появляться там?

Уголки губ Беатрис нервно дёрнулись:

— Откуда мне знать желания твоей сестры? — с толикой иронии спросила она.

Владлена зло оглядела «психолога».

— Хватит ломать комедию, Мари, — рявкнула она, — ты будешь появляться на Лысой Горе? Или это пройденный этап?

Повисло напряжённое молчание.

— Владлена, ты же любишь соревноваться и побеждать? Так давай будем на равных? Что тебе мешает представить меня Аскольду в качестве подруги, например?

Внутри Владлены, казалось, взметнулась буря. Самолично привести соперницу, пусть это и родная сестра?? Но... действительно. Что она может потерять, кроме уже утерянного?

— Хорошо, — скрепя сердце согласилась ведьма.

Дверь, ведущая на террасу, скрипнула, на пороге появился мистер Риддл со слегка обиженным выражением лица, которое не могла скрыть даже его улыбка.

— Здравствуй, Владлена! — он доброжелательно глянул на прежде нерадивую мисс Курт. — А где же Мари? — невинно поинтересовался приятель их отца. — А! Вот ты где! — он в упор посмотрел на Беатрис, правда, уже с меньшим воодушевлением.

Мари в шоке выдохнула, сердце заколотило с бешеной силой где-то в ушах: ещё ни один самый сильный маг не видел так просто её сущности!

— Я не осуждаю тебя, — спокойно продолжал он, — даже немного завидую. Но будь осторожна: ты ступаешь на крайне скользкую дорожку.

Губы Беатрис дрожали:

— Ричард... я...

— Не надо извиняться. Я сам во всём виноват, — он грустно улыбнулся. — Главное — не наделай глупостей. Уж ты, Владлена, проследи за этим, будь добра. — Он оглядел сестёр ещё раз, развернулся и вышел.

Руки Беатрис тряслись, Влади открывала и закрывала рот.

Владлена быстрее оправилась от шока и, схватив за руку ошалевшую сестру, потащила её на второй этаж. И только усадив её на своей кровати, Влади сама чуть успокоилась.

— Мари! — она затрясла сестричку за плечи. — Я только сейчас поняла, что бояться надо было не только Дюву, но и белых магов, Жюли в том числе!

— Ты хоть знаешь, кто это? — Глядя в одну точку, внятно говорила Мари, принявшая впервые за последние две недели свой естественный облик.

Владлена поспешила запереть дверь спальни.

— Ты о чём? Это же мистел Риддл.

— Влади, это Ричард, тот, кого обожествляет Жюли, тот, кто выше всех и вся, тот, кто научил меня тому, что я уникальна, что я могу всё... Тот, о ком слишком мало кто знает на Лысой Горе. — Она уронила голову и разрыдалась. — Влади, что делать?

Владлена прижала к себе Мари и тихо, но внятно сказала:

— Я думаю, у нас в преисподней тебе будет спокойно, там ты будешь в безопасности.

— У Аскольда? — лицо Мари мгновенно прояснилось, а слёзы будто бы сразу высохли.

Внутри у Владлены всё перевернулось, но она сумела выдать из себя:

— Да, у Аскольда.

* * *

Аскольд, встречавший в своей гостиной Беатрис и Владлену, сидя в кресле в позе радушного хозяина, цветущим не выглядел, но и перегаром от него не разило.

— Здравствуйте, Бетти! Вы вчера столь таинственно исчезли, — уделив Беатрис минимум своего внимания, он переключился на глядевшую с недоумением на свою спутницу Влади, которая занимала его в данный момент куда больше: — Здравствуй, Владлена! Как твои дела? — он привстал и подошёл к бару, который сегодня, судя по всему ещё не открывался. — Что-то будете?

— Кагор, — выразила пожелания Беатрис.

— Хм, церковное вино? — слегка удивился Аскольд. — Ну, да ладно. А ты, Владлена?

— У тебя есть белое полусухое? — Ответила вопросом та.

— Должен сказать, я вчера не слишком-то поверил Бетти, когда она сказала, что она — твоя знакомая, — посмеиваясь, говорил герцог, разливая вино. — Но сегодня, когда вы пришли вместе, все сомненья сразу отпали.

Влади в очередной раз непонимающе посмотрела на Мари, та ответила ей мимолётным жестом, намекающим на «поговорим потом».

— Должен сказать, Беатрис, спасибо вам большое! Вы вытащили меня из ямы, — он с благодарностью глянул на неё, с подозрением перебирая в памяти всех своих знакомых, потому как Бетти казалась ему особой более чем просто хорошо известной.

— Просто, Владлена за вас очень волновалась и попросила меня помочь вам, зная, что у меня на Лысой Горе обширные знакомства и я смогу не только найти вас, но и помочь вам же. — Уравновешенно ответила Бетти, улыбаясь Аскольду одними только глазами.

— Так оно и было? — словно боясь услышать отрицательный ответ, спросил у Владлены Аскольд.

— Хм... так оно и было. — С угрозой глядя на сестру, ответила Влади.

* * *

День прошёл в однообразных разговорах: Аскольд рассказал о некотором умопомешательстве Натали Гробулль, которая решила на непродолжительное время сменить обстановку и уехала в Атлантиду (герцог предпочитал не упоминать об обстоятельствах, «сдвинувших» светскую львицу). Также поведал о выходке Бомптириуса, который выставил перед иностранными послами Дюву полной идиоткой, за что сейчас сидит в одном из многочисленных подземелий замка тёмной княжны, и каждый день посылает ей слуг с многословными обещаниями, сводящимися к тому, что «он так больше не будет».

Уже в девять вечера Беатрис пожелала уйти в приготовленную для неё гостевую спальню, Владлена ушла следом за ней. Аскольд посидел ещё немного перед камином за чашкой крепкого чая с коньяком и также отправился наверх в свой кабинет на втором этаже. У одной из дверей гостевых спален его заинтересовали голоса Владлены и Беатрис:

— Ты не находишь, моя милая, — звучал голос Влади, — что игра уже не честная?

— Что ты имеешь в виду, — не понимала её Бетти.

— Ты уже обманула меня! А хотела якобы справедливости...

— Я тебя не понимаю.

Владлена саркастично рассмеялась.

— Ну, конечно, когда нужно, моя сестрёнка такая глупая!.. Ты же прекрасно знакома с Аскольдом!

— До тебя я с ним так виделась всего-то один раз. — Бетти была невозмутима. — И общение наше с ним было крайне сухим.

— Я тебе не верю. — Видимо, тяжело дыша, проговорила Владлена.

— Дело твоё.

Повисло молчание. Из-под двери протянуло табаком. Кто-то из них, видимо, закурил.

— Что будем делать? — спокойно спросила Беатрис.

— Делай что хочешь. — Нервно отозвалась ведьма.

— Да-а?? — Аскольд, стоящий за дверью, чуть ли не явственно почувствовал, как брови Бетти поползли вверх.

Молчание было ответом.

— Хм... как знаешь. Значит, к чёрту честность борьбы?...

Аскольд понял, что сейчас Бетти выйдет из комнаты. Он отбежал от двери до ближайшего углубления в коридоре, откуда поспешно телепортировался прямо в свою спальню, не без основания полагая, что и так всё скоро узнает.

И он понял, что не ошибся, когда спустя всего пару минут в дверь его спальни поскреблись.

— Да-да! Открыто! — крикнул Скелетто, сидя в кресле и делая вид, что читает роман одного известного лысегогорского писателя XVIII века.

Аскольд почти не удивился, увидев в дверях Беатрис в лёгком сиреневом халатике, открывающем простор для воображения. Герцог был готов к длинной проповеди ещё одной, вот уже третьей, сестры Курт о её тяжёлом детстве, сложных отношениях с близкими, несчастной первой любви и т. д. и т. п. Он вобрал в себя побольше воздуха и с выражением лица, с которым обычно произносят фразу «дитя моё», спросил:

— Бетти, что вас привело ко мне?

— Это долгая история, Аскольд, и началась она в один прекрасный день, когда поссорились две сестры Курт. Одна из них очень обиделась, а другая, Владлена, — она широко улыбнулась, — принесла ей горячий чай и бутерброды. Это был тот день, когда младшенькая Курт стала другой. Прошло ещё совсем немного времени, и она стала светлой наследницей, но даже не королевы, а своего рода духовного наставника белых магов, своего серого кардинала. Белая преисподняя нравилась ей, но однажды, во время бала, её похитили. Бомптириус Славный. Бомпти, — она усмехнулась. — А на большее ему не хватило духу, и запуганная наследница и Бомптириус решили бежать в разные стороны, как бегут крысы с тонущего корабля...

Аскольд зачарованно смотрел на Беатрис и понимал, что это не просто история Мари, а нечто большее. Что Беатрис — не Беатрис вовсе.

— ... Мария Амалия умерла, зато появилась никому неизвестная Анита Демен, подруга молодого герцога Скелетто. И вот однажды ей вдруг взбрело в голову снова пройтись по белой преисподней. И кого же она увидела там почти у последнего блок-поста перед тёмной преисподней? Да, она увидела там Жюли, свою фрейлину, которая пострадала из-за неё. Что-то прежнее проснулось в ней — и вот она уже звонит своему другу и просит помочь. Тот потом с сарказмом замечает, что у него не клоповник...

Герцог встал со своего места. Как он мог быть так туп?

— ... Но... жизнь в преисподней скучна, и Нати Гробулль тоскливо, и она решает отравить новую пассию герцога Скелетто. Владлена спасает в последний момент свою сестру тем, что приносит её к Аскольду Скелетто, известному во всей преисподней не только чернокнижнику, но и алхимику. И вот Аскольд узнаёт, что его подруга — светлая наследница. И несмотря ни на что, он помогает ей, — по лицу Бетти пробежала мимолётная улыбка. — Да, помогает, но вот Анита идёт к Натали и предлагает ей некую сделку... И вот умирает Анита, зато появляется Беатрис Розерфи.

— Анита, как ты провернула это? Я не могу поверить...

Перед ним стояла Анита, его Анита. Её короткие тёмные волосы шевелились из-за сквозняка. Он не мог выдавить из себя ни слова, только полными ужаса и любви смотрел на своего тёмного ангела.

— Я же метаморф, Аскольд, ты же знал. И я могу стать не только другим человеком, но и другим существом, другим предметом. Мне пришла в голову эта мысль, когда я между

делом меняла на себе одежду, меняла себя как только могла... Я боялась, что ты не согласишься, что начнёшь искать меня. Мне нужно было, чтобы все поверили, и ты, и Дюва, и Натали... Все.

Аскольд закусил губу. Радость боролась со смертельной обидой.

— Как ты могла так поступить со мной? Почему не рассказала?

— Как ты мог не поверить в меня?

— Извини, я... — он опустил перед ней на колени.

— Это ты прости меня, — она опустилась на колени следом. — Я причинила тебе непозволительно много боли. Я постараюсь никогда этого больше не делать. Мне слишком тяжело видеть твои страдания.

— Я растерялся. — Он сел на пол, уставился глазами в ковёр. — Я сначала не мог поверить, а потом Дюва сделала объявление, она смотрела прямо на меня, и говорила. А я был... я плохо соображал... Наверное, я помог тебе этим.

С этим было тяжело согласиться, но Анита кивнула.

— Никогда так больше не делай.

— Никогда. Простишь?

Он схватил её в охапку.

— Будь со мной, и прощу, наверное, всё что угодно.

Сидеть на полу в объятиях было ужасно хорошо, но этот вопрос следовало задать. Он никак не давал покоя:

— Аскольд, что ты будешь желать с Владленой?

— При чём тут Владлена? — севшим голосом спросил он, повернувшись лицом к девушке.

— Как это так «при чём»? Она любит тебя, это и ежу понятно... И я чувствую это! Да, я чувствую, она ненавидит меня.

— Но ведь она помогает тебе...

— Да, но... Тем более ты...

— Знаю! Любил! — Аскольд вскочил на ноги. — Но я любил, и не так, как тебя... когда-то... давно... не сейчас! Сейчас она просто...

— Ты понимаешь, что она не уйдёт, пока не поймёт, что всё? Она будет биться до последнего. Я-то её знаю.

— До встречи с тобой, — он снова присел рядом с ней на пол, — я действительно думал, что люблю её, даже хотел именно для неё купить то ожерелье... Но продавец оказался пленительней. Украшение оказалось в руках уже не у любимой, а у подруги... друга. Ты понимаешь, меня?

— Я стараюсь. — Она с лаской прикоснулась к голове Аскольда, запустила в его длинные тёмно-каштановые волосы пальцы; он с нежностью обнял её и с видимым облегчением вдохнул запах любимой, уткнувшись в её плечо. — Не провоцируй её, пожалуйста, она может быть очень жестокой.

* * *

Утром в столовую Бетти и Аскольд вошли вместе. И, хотя они не держались за руки, почти не разговаривали и почти не смотрели друг на друга, Владлена сделала верный вывод, что эту ночь они провели вместе.

Не прошло и трёх часов, а Влади, оглядываясь по сторонам в поисках табличек с названиями улиц, ежеминутно мечтая провалиться сквозь землю от подозрительных взглядов, шла по светлой части преисподней. Ей потребовалось не меньше часа, чтобы найти, то, что она искала — Резиденцию Королевы, а точнее говоря, здание Правительства белых магов или, как его называла Дюва, Прабел. Владлена не без опаски притронулась к ограде. Ничего. Только после этого пробного жеста она рискнула ступить на широкую выложенную мрамором дорожку, ведущую к парадному входу. Так же тихо и безынициативно поддалась большая тяжёлая входная дверь. Влади сделала ещё несколько шагов и очутилась в огромном зале, облицованном белым мрамором с зеркальными вставками; светлые с золотом колонны взлетали, казалось, чуть ли не под самое небо. По правой стороне овального зала были расположены тяжёлые светлые столы, за которыми сидели низкорослые дамочки, непрерывно стучавшие по каким-то свиткам неправдоподобно огромными гербовыми печатями. Владлена подошла к одной из стоек и слегка прочистила горло. Далее произошло нечто поистине невероятное: под сводами зала завывла сирена, дамочки повскакивали со своих мест с дикими воплями: «Ведьма! Чёрная ведьма!! Берегись!», из ранее не замеченных Владленой дверей высыпало десятка два молодых магов, вооружённых какими-то странными предметами, в непонятных длинных светлых одеждах, в последнюю очередь удобных для драки, по мнению Влади. Один из них, видимо, главный, сделал шаг вперёд и с достоинством, которым пытался заглушить откровенный страх перед тёмной ведьмой, спросил, предварительно выключив щелчком пальцев сирену:

— Что вам здесь нужно, обитательница чистилища?

Владлена окинула взглядом зал, оценила обстановку и решила для себя, что, поскольку она реально сумеет справиться только с десятью-пятнадцатью светлыми, она не будет испытывать их терпение. Она привычным жестом засунула руки в карманы куртки — тут же пятеро самых опытных бойцов насторожились и с неподдающимся описанию вниманием стали следить за каждым последующим её движением, а особенно за глазами, которые та вперила в их жоака.

— Так что вы здесь делаете, леди?

— Хм... Я пришла с важным делом, — Владлена послушала свой голос, неприятно зазвеневший под прозрачными сводами зала. — Это дело касается вашей якобы пропавшей наследницы королевы Амалии, которая, кстати, является, моей сестрой и которая меня также и опозорила. Также это касается и Дювы, а, значит, и политики в целом.

Глава отряда помолчал несколько секунд и неуверенно изрёк:

— В таком случае, идём за мной. Э-э... Кстати, моё имя — Синевриус дель Марко.

— Очень приятно, Владлена Курт.

— О! Взаимно! — Синевриус неожиданно тепло улыбнулся. — Но я забыл спросить, вы здесь официально или нет?

— Скорее нет, чем официально, — осклабилась Владлена.

— Амвросий! Гораций! За мной! Остальные — по местам! — поставленным командным голосом крикнул Синевриус.

«Какой опрометчивый шаг! Ведь они в таком составе против меня почти бессильны!..»

— Позволю не согласиться с вашими размышлениями, Владлена, — довольно ехидно заметил белый, — тёмная магия, впрочем, как и некромагия, в этих стенах блокируется.

— Какая наглость! — вспыхнула она в то время, как Гораций и Амвросий встали по правую и по левую руку девушки, а Синевриус возглавил процессию и повёл её к коридору,

скрытому от посторонних глаз всё теми же зеркальными дверями. — Во-первых, чужие мысли читать — признак дурного тона, а во-вторых, это сестричка моя всё больше некромагией интересуется. Я же, например, не желаю даже в руки брать произведения Asmodeusa Скелетто, посвящённые данной, с позволения сказать, науке. Кстати, ваша бывшая наследница в отличнейших отношениях с правнуком сильнейшего некромага тысячелетия!

— Милая леди, вы закончили? — почти с сарказмом спросил Синевриус и толкнул тёмные двери очередного ответвления коридора.

— Проклятье! Никто не воспринимает меня всерьёз: ни тёмные, ни светлые! К кому мне ещё податься?

— Ну-ну, не волнуйтесь! Есть ещё отщепенцы... Но наш заместитель королевы вас примет и внимательно выслушает.

Путь по Прабелу начинал уже утомлять, а они всё спускались и спускались, а конца пути не было видно. Наконец процессия остановилась в узком коридоре перед крошечной дубовой дверцей.

— А мне почему-то казалось, что апартаменты короля...

— Заместителя королевы.

— Ну да, его апартаменты должны иметь белые широкие двери. Вы ведь обещали меня к нему привести.

— Обещали, — Синевриус опять глумливо улыбнулся, — но ведь не сегодня!

— Что? — от таких слов во рту у Владлены разом пересохло. И именно этого мгновения светлым магам хватило, чтобы затолкать ведьму в крошечную каморку с одиноким зарешетчатым окошком под самым потолком.

* * *

Вечер в преисподней обещал быть тихим и спокойным. Аскольд в вечернем костюме сидел у камина и с наслаждением попивал ароматный чай; Анита устроилась рядом и с улыбкой смотрела на герцога. На какую-то секунду глаза Аскольда подёрнулись дымкой задумчивости:

— Анни, ты не знаешь, где Владлена?

— Не знаю. А что?

— Я поймал себя на мысли, что не видел её с самого завтрака.

— Хм... Она, наверное, пошла домой ради прикрытия: должен же хоть кто-то впаривать мозги папе и Лиз.

— Может быть... — всё так же задумчиво и неспешно пробормотал Скелетто. — А ты уверена?

Раздражающе резко где-то в комнате зазвенел сотовый телефон.

Анита вскочила, заглянула под кресло и, поражённая, выудила оттуда раскладушку Владлены.

— Да... — заговорила Анита голосом сестры и села обратно в кресло. — Да, папочка... Нет, ничего не случилось, просто, я зашла к своему другу... Ой! Да что ты говоришь!.. Успокой Лиз, скажи, что я скоро буду... Да!.. Обязательно! — и она с лёгким хлопком отключила телефон.

— Скольди, мне надо бежать, — она резким движением встала, поспешно чмокнула герцога и испарилась.

Уже через четверть часа она под внешностью Владлены успокаивала рыдающую Элизабет и объясняла кусающему губы Дэниелу, почему у его супруги столь бурная реакция на происходящее. Вроде бы, увещевания помогли, но Анита очень хорошо понимала, что просто так Владлена не могла никуда уйти. Она пропала. И именно в эти минуты ей вспомнился таччилд и Ричард. Однако ни того, ни другого рядом не было. Можно было бы попросить телефон мистера Риддла у отца, но объяснять, зачем её понадобился друг семьи не возникало ни малейшего желания. Надо было срочно и конфиденциально связаться с ним, и таччилд идеально подходил для этих целей.

На счастье, таччилд валялся в кипе бумаг на столе в комнате Мари.

Мари взяла синюю ручку, но едва чернила коснулись бумаги, они приобрели цвет майской зелени с подтёками плесени.

Ричард! Помогите!

Великая тёмная ведьма взывает о помощи?

Мне не до шуток, тем более ироничных!

Я уже знаю твой вопрос, но не хочу давать тебе ответ, потому что ты сама не хочешь его знать.

Вы о чём?

Ты же мечтаешь избавиться от Владлены. Или ты попробуешь меня переубедить?

Неправда!

Правда. Но я не буду с тобой спорить. Скажу тебе лишь то, что стоит искать иногда запасные пути решения своих насущных проблем.

Ричард! О чем вы? Я хочу лишь знать, где Владлена!

Нет, не хочешь...

И строчки поплыли, давая понять, что диалог окончен: Ричард закрыл таччилд. Девушка села на кровать и обхватила колени руками.

«Да, не хочу! Потому что Аскольд... Но ведь она сестра... Да, сестра».

Она слезла с кровати и зашагала взад-вперёд по комнате.

«Я могу всё... Ричард говорил, что я могу всё... Я должна знать, где Влади, я должна почувствовать её!»

Анита резким движением села прямо на пол и заняла позу лотоса, пытаясь как можно лучше сконцентрироваться.

«Лиз, я чувствую её... Она переживает, всё ещё... Ох, как шалят её нервы!.. Папа. Работает за компьютером... Ну и муть! Он то и дело отвлекается на Лиз и ошибается... Ох Соседи! Чёрт подери, о каких глупостях они думают!.. О-о!! Какая прорва людей!.. Нет, так не пойдёт, так я никогда не найду сестру...»

Мари вскочила на ноги и нервно зашагала по комнате. Куда могла пойти Владлена? Что могло случиться?

И почему Ричард ответил так?

У неё не было ответов.

* * *

Беатрис Розерфи и Аскольд Скелетто с видом радушных хозяев встречали всё прибывающих гостей. Были именины Аскольда, а такие праздники в преисподней положено отмечать шумно и с размахом. В первую очередь были приглашены, конечно, родственники, а также масса народа, которую пригласить было положено по статусу. Нельзя сказать, чтобы

Аскольд или Анита так жаждали этого праздника, более того, Анита долгое время пыталась под любым предлогом отмазаться от присутствия на банкете. Владлена так и не объявилась, хотя прошла уже неделя с её исчезновения. Аните приходилось то и дело возвращаться домой в облиии сестры, чтобы ни в коем случае лишней раз не заставить беспокоиться Элизабет. Впервые в жизни девушка узнала, что такое бессонница и распитие чая на тёмной кухне в одиночестве в три часа ночи. Её нервы были на пределе...

Аскольд же, напротив, был спокоен и счастлив, расстраиваясь только в те редкие моменты, когда видел осунувшееся лицо Аниты. Тяжкий груз если и не упал с его плеч, то по крайней мере, отодвинулся на безопасное расстояние. Он признавал про себя, что это слишком подло и эгоистично, но ничего поделать с этим не мог.

Тем не менее, после долгих увещаний, Анита всё же оказалась в роли хозяйки торжества под руку с герцогом на его пятидесятом дне рождения. Разумеется, был разыгран целый спектакль-представление новой пьесы герцога Скелетто по имени Беатрис Розерфи для каждого гостя...

В первых рядах на торжестве явился дядюшка Аскольда Сэмьюэл Скелетто, преподнесший племяннику тройку новинок по некромагии из своего издательства, чуть попозже подошёл мэр ЛГ, Аристарх Платонович Почесалкин, бывший супруг Нати Гробулль. Прошло не более пяти минут, как подошла и она сама. Далее шло множество людей, которых Анита в лучшем случае видела второй раз в своей жизни. На удивление, уже в самый разгар торжества в особняк Скелетто заявился Бомптириус Славный.

Беатрис как раз премило чирикала с мэром ЛГ о том, как именно она познакомилась с господином Скелетто, как она на мгновение онемела, увидев боковым зрением приближающегося к ней помощника Дювы.

— Мисс Розерфи? Что-то стряслось? — учтиво прошамкал Аристарх Платоныч.

— О, нет-нет! — лучезарно улыбнулась ему Бетти. — так на чём мы остановились?

— Кажется, вы что-то говорили о том, в каком состоянии вы впервые встретили Аскольда, — подсказал Почесалкин.

— О да, конечно! — Беатрис лживо закатила голубые глазки, но продолжить на ходу полу выдуманную историю не сумела: Бомпти положил ей руку на плечо, отчего та вздрогнула: — Бомптириус Славный! — псевдо-радостно взвизгнула она, как истинная блондинка. — Сколько зим, сколько лет!!!

— Мисс Розерфи, мне необходимо с вами переговорить, — он кинул взгляд на Аскольда, который в свою очередь кивнул ему. — Простите, господин мэр, я украду у вас эту прелестную мадемуазель? — он почти что угрожающе улыбнулся Аристарху Платонычу.

Почесалкин поспешно кивнул и столь же поспешно отошёл.

— Мари? — Прошептал вопросительно Бомпти.

— Конечно, я, — голосом Аниты отвечала ему девушка. — Что надо?

— Мари, — зашипел Бомптириус, — нужно срочно поговорить!

— Я это уже слышала, Бомпти, — беззаботно улыбаясь в другую сторону, процедила Бетти. — Может, хотя бы не здесь и не сейчас?! Я здесь хозяйка торжества и уходить не имею права.

— В таком случае говорю сразу: Дюва выпустила меня из тюрьмы только для того, чтобы постоянно следить за домом Скелетто.

— И что же тебе мешает выполнить её поручение? — иронично усмехнулась Бетти.

— Мари, трон под княжной уже не просто качается, а делает сальто-мортале. Очень

мало осталось по-настоящему влиятельных тёмных магов, которые бы поддерживали её политику. У нас назревают крупные проблемы с обеспечением продовольствием, надо решать вопросы отщепенцев, которые рвутся на Лысую Гору, к тому же слишком много древних родов изолированы от управления. А она ведёт себя как принципиальная сука, вместо того, чтобы пойти на компромисс. Тем более, княжне уже порядком годков, и темное сообщество давно бы радо списать её. Да ещё, судя по всему, у Дювы развилась откровенная паранойя. Она боится тебя, хотя и знает, что Анита Демен совершенно точно мертва, — он проницательно глянул в её глаза.

— И что ты предлагаешь? — тихо спросила его Бетти.

— Бетти, дорогая, вы слышали новости? — в полный голос проговорил Бомптириус.

— Какие же? — так же громко, и пока не понимая, куда клонит приятель спросила Анита.

— Прошёл слух, что Дюва больна.

— Все время от времени болеют, — спокойно парировала Бетти. — Это ещё ничего не значит.

Бомптириус сделал страшные глаза: «Мари, подыграй мне, я хочу завести эту толпу!» — прочитала она его мысль.

— Да, действительно все. Но не все при этом становятся обывателями. — Он громко и раздельно проговорил последнюю фразу.

В зале повисла тишина. Оказалось, что их слушали все. Всё-таки не последним человеком, как оказалось, был Бомптириус Славный, слишком близко он стоял к трону, и много полезного мог он сообщить.

Новость была оглушающей. И смех Бетти показался громом на фоне этой тишины:

— Какой бред! Не существует таких болезней. Либо что-то здесь нечисто.

— Бомптириус, друг мой, — подключился Аскольд, — ты же давно знаешь Дюву, неужели раньше ты не замечал подобного?

— Боюсь, замечал, но не придавал этому должного значения... — Он словно каялся перед всей этой золоченой толпой. — Однако теперь, когда нам так нужна сильная властительница...

Гости переглядывались между собой, будто бы ища поддержки этих внезапно зазвеневших под потолком салона сплетен. Каждый заглядывал в глаза своего соседа и будто бы спрашивал: «Вы так же, как и я хотите верить в это? Правда же?» Мало кто действительно верил в эти мало схожие с реальностью фразы, но почти все предпочли бы поверить в них, ибо слишком большую выгоду сулили они для этих вельмож.

Через день во время завтрака Анита с довольным видом сидела за обеденным столом, с интересом разглядывая заголовки на кипе свежих газет: «Долго ли осталось Дюве?», «Нуль способностей — фунт позора», «Дочь и сын у тёмной княжны? Кто же счастливый отец?» и т. п..

— И чему ты радуешься? — не понимая спросил Аскольд, намазывая движением пальца масло на кусочек французского батона.

— План начинает претворяться в жизнь, — загадочно улыбнулась Анни.

* * *

Аскольд Скелетто толкнул дверь давно знакомой и весьма полезной лавочки снадобий и

различных их составляющих. Как и всегда, там толкалась куча народу, многие уже стояли в очереди к кассе, ещё несколько ведьм выглядывали что-то на переполненных пыльных полках. Аскольд уверенным шагом двинулся к концу очереди, на ходу материализуя перед собой длинный список необходимых ингредиентов.

Очередь двигалась, как беременная черепаха. Аскольд уже не раз пожалел, что пошёл сам, а не отправил за покупками прислугу, как позади него встала в очередь юркая девчушка лет пятнадцати. Скелетто и не обратил бы на неё внимание, если бы не поразительные волосы — они были не просто светлыми, а белыми с красным отливом. Все движения девочки казались какими-то слишком порывистыми, необдуманными; в руках у неё всё кипело, правда, вовсе не положительном смысле этого слова. За то время, пока Аскольд исподтишка наблюдал за ней, она успела: перевернуть сумку, трижды уронить кошелек, случайно порвать список, трижды посмотреть время на сотовом и бесчисленное количество раз расстегнуть и застегнуть пуговицы на своём светлом пальто с меховой опушкой.

Девочка поняла, хоть и не подала виду, что Аскольд наблюдает за ней. Её движения как будто замедлились, она тоже стала потихоньку поглядывать на высокого молодого человека с каштановыми волосами в костюме испанского щёголя начала XVIII века.

Их немой диалог продолжался вплоть до того момента, как подошла очередь Аскольда. Он поспешно перечислил все пункты своего списка, столь же поспешно заплатил и вновь глянул на девчонку, чьи движения вновь стали порывистыми и непрогнозируемыми. Он смотрел на неё и мучительно соображал, на кого же она похожа.

«Анита? Не-ет! Эта бы как минимум для виду завела бы диалог! Старая знакомая? Но я не помню её! Тем более, она такая юная... Похожа на кого-то? Похожа, на даже не внешне, а что-то... Даже не знаю!»

— Милая леди! — он обратился к ней как раз в тот момент, когда та уже готова была выйти из магазина. — Не могли бы вы уделить мне минуточку внимания? — он чарующе улыбнулся, а про себя подумал, не донёс бы кто об этом Аните.

Девочка с удивлением и интересом посмотрела на него:

— Да, а что?

— Простите, мы с вами случайно не знакомы?

— Боюсь, нет. Я вас не знаю.

— Позвольте, а как вас зовут? — спросил герцог.

— Эльвира Мип, а что? — непонимающе глянула она на Аскольда.

«У неё «а что?» — явно любимая фраза!» — усмехнулся про себя Скелетто.

— А как же зовут вас? — спросила Эльвира.

— Герцог Аскольд Скелетто, — Аскольд отвесил церемонный поклон, чуть не достав плюмажем шляпы до сапог.

— Герцог сам ходит за покупками? — приподняла бровки Эльвира, ухмыльнувшись, однако, весьма сдержанно: у этого незнакомца было не отнять неистребимую аристократичность, да и несомненно дорогой костюм только подтверждал его слова.

— Я уже пожалел, что не отправил за снадобьями прислугу, зато, кажется, завёл ещё одно знакомство, — он обворожительно улыбнулся и снова вспомнил Анни.

Мисс Мип, видимо, что-то вспомнила:

— Так это вы тот самый Скелетто, что встречался с белой наследницей? — бесцеремонно спросила она, и её лицо омрачилось.

— Да, именно я, — улыбнулся Аскольд. — Вы, судя по всему, тоже читаете жёлтую

прессу!

Лицо Эльвиры превратилось в недовольную гримаску.

— Я читаю, что хочу! — и она в расстройстве уронила сумку с покупками. Какая-то склянка разбилась и в мгновение ока разъела бумажный пакет, а вместе с ним и подошву белых сапог девушки. Она не столько от боли, сколько от неожиданности взвизгнула и зарыдала:

— Какая я... я... неловкая-а-а-а...

— Какие мелочи! — засуетился Аскольд, подбирая остатки пакета. — У меня наверняка найдётся пара сапог. Идёмте со мной!

— Зачем? — всё так же рыдая спросила Эльвира.

— Идёмте же! — Аскольд взял её за руку, она поддалась.

Спустя всего пару минут дверь особняка Скелетто открыла Беатрис, чьи глаза немедленно округлились.

— Здравствуй, Скольди! — Бетти окинула оценивающим взглядом Эльвиру. — Здравствуйте, мадемуазель.

Аскольд на мгновение стушевался, но всё же не упал в грязь лицом:

— Э-э... Эльвира, это Беатрис Розерфи, моя подруга. Бетти, это Эльвира Мип.

— Очень приятно, — одновременно произнесли они и обе кисло улыбнулись.

— Бетти, милая, у тебя случайно не найдётся пары белых сапог? — ёрзая на месте спросил герцог, про себя проклиная свою глупость: ведь можно было просто зайти в обувную лавку!

— Эльза... — проямлила Беатрис.

— Эльвира! — недовольно перебила её девочка. — Меня зовут Эльвира!

— А, ну да, Эльвира... Будьте так добры... — Бетти указала на сапог. — Я поправлю.

Эльвира Мип села в одно из кресел, что стояли в холле, и протянула Беатрис прожженный кислотой сапог, изящно подогнув под себя ножку. Беатрис, не ведя бровью и даже не глядя на сапог, провела над ним рукой, тем самым возвратив ему первоначальный вид.

— Сойдёт? — буркнула она.

— Вполне. Спасибо. — Столь же «вежливо» отозвалась Эльвира.

Ещё полчаса прошло в натянутой беседе за чаем перед тем, как Эльвира покинула дом герцога Скелетто-младшего.

— Аскольд, что это было? — спросила Анита, едва за девушкой закрылась дверь.

— Она показалась мне смутно знакомой, я решил познакомиться, но она так разволновалась, что...

— Ну, да, руки у неё недостаточно высоко от задницы, это точно. — Кивнула Анита. — В следующий раз постарайся не заводить знакомства с косорукими девицами, — она поморщилась.

Аскольд рассмеялся.

— Мне нравится видеть, что ты ревнуешь.

Анита только закатила глаза и фыркнула.

* * *

Жюли непринуждённо толкнула дверь в приёмную заместителя королевы белых магов и тут же приостановилась, увидав улыбающегося ей хорошего приятеля.

— Здравствуй, Синевриус! Как дела? — в свою очередь легко улыбнувшись, спросила Жюли.

— Здравствуй. Какими судьбами? — также спросил он.

— Есть некоторые дела, — она выразительно посмотрела на дверь кабинета заместителя королевы.

— Снова хочешь дяде моему лапшу на уши вешать? — невинно спросил тот.

— А ты хочешь его от этого оградить, я так полагаю? — оцетинилась Жюли.

— Почему бы и нет? — снова легко, с намёком на иронию отозвался Синевриус.

— Ах, вот что делает здесь начальник охраны дворца! — усмехнулась Жюли. — Значит, сторожит самого дядюшку Людвиг?

— Нет, представь себе, — наконец разозлился Синевриус дель Марко. — Я охраняю очень опасного человека, заложника своего рода.

— И кто же это? — выкрикнула Жюли. — Случайно не попрошайка безродная с ближайшего базара?

Начальник охраны побелел от гнева.

— Это сильная и, судя по всему, очень опасная тёмная ведьма, — прошипел он, — сестрица твоей ненаглядной наследницы Марии.

— Уж не Владлена ли Курт? — опешила Жюли.

— Именно она. — Синевриус поднял на неё по-настоящему удивленный взгляд. — Откуда ты знаешь её?

Но Жюли не только не стала отвечать на его вопрос, она даже не стала его дослушивать. Дама попросту толкнула дверь в кабинет заместителя королевы и шагнула к негласному главе белых.

Людвиг, седовласый джентльмен, в сером камзоле с выглядывающими из-под рукавов коричневыми кружевами и богато украшенном шейном платке, даже привстал из-за стола, увидев экс-фрейлину, не отличающуюся скромностью. Напротив него сидела Владлена, причём руки её были скручены за спиной. Даже она поражённо уставилась на Жюли.

— Я... я большей наглости в жизни не видал! — прошипел бывший церемониймейстер. — Как тебя посмел пропустить Синевриус?

— Насколько я понимаю, — Жюли вперила в него взглядом, Людвиг хотел было отвести глаза, но не отвёл, — соображения тёмной ведьмы вы готовы выслушивать с большим воодушевлением, нежели слова истинно светлой чародейки, которой, ко всему прочему, благоволит и безоговорочно доверяет Ричард!

Людвиг побагровел, на лбу у него вздулись вены. На мгновение в мозгу Жюли промелькнуло, что было бы неплохо, случись с ним в эту секунду удар.

— Да, Жюльетта. Я предпочитаю слушать честную тёмную ведьму, чем потерявшую всякую совесть белую. Ты слишком хорошо знаешь, что я тебе не верю и верить не намерен...

— Отлично, но, я надеюсь, вы понимаете, что не будь у этой ведьмы своих корыстных целей, она бы никогда не пришла к вам, — сверкнула глазами Жюли.

Видимо, эта мысль уже не раз посещала и сильно волновала Людвигу, а потому он ответил не сразу и с явным сомнением:

— А я надеюсь, вы понимаете, что вас это ни коим образом не касается.

— Боюсь, меня это как раз-таки касается самым непосредственным образом, — ощерилась Жюли и яростно сжала в руках складки необъятной лиловой юбки с кринолином.

— Этот разговор не имеет смысла! — с полным уверенности видом отвечал Людвиг, однако его дрогнувший голос без слов дал понять Жюли, что на самом деле это не так.

— А я полагаю, Мессир, — нарочито медленно и внятно проговорила Жюли (Людвиг вздрогнул), — что этот разговор ещё будет иметь продолжение. — И Жюли покинула кабинет заместителя королевы.

Людвиг вновь повернулся к Владлене, внимательно слушавшей каждую фразу их диалога.

— Значит, мисс Курт, вы утверждаете, что Беатрис Розерфи — это наследница Амалия, она же Анита Демен; что она живёт в особняке Аскольда Скелетто и, судя по всему, активно занимается изучением некромагии?

— Верно, — согласно кивнула Владлена и даже на мгновение чуть-чуть покраснела. — Так же верно то, что она моя сестра.

— Очень хорошо. — Людвиг позволил себе вопросительно приподнять бровь. — Но неужели вы думаете, что у меня есть реальная возможность просто так заявиться в преисподнюю к тёмным? Во-первых, я не имею на то никакого юридического права; во-вторых, мой отряд, даже если я отдам такой приказ, прихлопнут там, как тараканов и, наконец, в-третьих, мне лично это абсолютно не нужно. Касательно вас... — он с минуту задумчиво поглядел на Владлену. — Я вас более не смею задерживать, поскольку, — он ещё раз пронизывающе взглянул на неё, — насколько мне известно, тёмные маги предпочитают молчать о том времени и тех местах, где они пересекались со светлыми.

Спустя час Владлена, невероятно грязная и уставшая, вышла из гардероба в свою спальню и без сил опустилась прямо на пол. Руки, в течение последних трёх часов стянутые верёвками, опухли и болели немилосердно. Влади была счастлива, что наконец оказалась дома и что пока она была одна: был разгар рабочего дня.

Тяжёлые мысли облепили её со всех сторон. Сердце подсказывало одно, разум — другое. Она уже успела месяц назад повиноваться порыву души и сейчас горько раскаивалась в этом, хотя никаких видимых отрицательных изменений не произошло.

«Пока не произошло».

Неожиданно для Владлены дверь скрипнула и в комнату зашла... она сама. Вторая Владлена вытаращила глаза и вздохнула, но тут же радостно улыбнулась и кинулась к настоящей Влади, на ходу превращаясь в Аниту.

— Сестричка! Я уж думала, всё, пропала... — и она обняла её, несмотря на несвежий вид последней.

— Мари, я...

— Давай потом! Я сейчас тороплюсь... Мне надо к Аскольду. Он очень просил, чтобы я сегодня была у него. Я и так почти месяц безвылазно сидела дома с Лиззи и папой. Ты мне потом всё расскажешь, хорошо? — она улыбнулась совсем как Мари, но лицом Аниты, и исчезла в синем тумане.

«Лучше бы ты забыла, сестричка, что меня не было, потому что, если я расскажу тебе...» — Владлена даже думать не хотела о том, что будет, если Мари, то есть Анита узнает.

* * *

Был пасмурный и особенно неприятный жаркий день в тёмной преисподнии, один из тех дней, когда совершенно не хочется выходить из своего дома и даже выглядывать в окно. И этот день Анита и Аскольд хотели провести вместе, и провели бы, если бы не неожиданный визит Бомптириуса.

Помощник тёмной княжны казался невероятно взбудораженным и едва ли понимал, что делали его руки, сжимавшие и разжимавшие какую-то замызганную бумажку.

— Подготовка к смещению Дювы практически завершена, остаётся лишь сущий пустяк, — заговорил Бомптириус Славный, едва Анита закрыла за ним дверь, а герцог усадил его на диванчик прямо в холле, — мне необходимо тебя, Ма... то есть Анита, уговорить стать тёмной княжной. — Он пронизательно взгляделся в тёмные глаза брюнетки.

Глаза Аниты округлились, она опустилась на такой же маленький диванчик напротив Бомптириуса.

— Бомпти, мне это вовсе не нужно, — удивлённо ответила она. — Мне... Если бы я хотела, я уже давно была бы...

— Я это знаю, — усмехнулся он. — А что ты мне предлагаешь? Я не вижу других кандидатур!

— Я тоже не вижу, — отметил Аскольд. — Анни, почему нет?

— Скольди! Ты забываешься! — воскликнула Анита. — У тёмной княжны не может

быть семьи, детей, любви, и если что-то из вышеперечисленного у неё появляется, то ей не только не усидеть на троне, но и не сносить головы. Мне это не нужно, хотя, нет слов, мне бы хотелось править. — «Кому ж не хочется?!» — промелькнуло в её голове.

Аскольд молчал, Бомптириус смотрел на Аниту, а та разглядывала свои ладони.

— Может быть другой вариант. — Пробормотал герцог. — Посадим на трон какую-то другую ведьму, ясно дав понять, что посадила её туда Анита...

— Тогда та ведьма и пикнуть не посмеет!.. — глаза Бомптириуса загорелись. — Анита, ну же!

— Я ведь действительно смогу убить двух зайцев, — рассуждала она вслух, — я перестану скрываться под другим обличьем и получу власть... Только кого посадить на трон? Не Натали же!

— Главное — чтобы ведьма боялась тебя как огня, так ведь? — спросил Аскольд. — У меня, кажется, есть одна кандидатура, и запугать её, скорее всего, не составит особого труда.

Оба собеседника вопросительно уставились на герцога Скелетто.

— Анита, что ты думаешь по поводу Эльвиры Мип? — язвительно спросил Аскольд.

— Э-э... Прости, я всех твоих бывших баб не помню.

Аскольд закатил глаза.

— Это девочка, которой ты сапог починила. — Пояснил герцог.

— А-а... Да она ж ещё совсем ребёнок!

— Не намного младше тебя! — усмехнулся Аскольд. — Ну-ну, не дуйся! — ласково глянул он на Аниту, поняв, что та не на шутку обиделась. — Я думаю, мне понадобится не больше недели, чтобы выяснить, насколько она сильна, а также, кто её родственники, и не имеют ли они отношения к Дюве.

— Что ты хочешь сказать? — злобно сощурила глаза Анита. — Ты хочешь закадрить её?!

— Анита, если б ты знала, каким бабником был господин герцог ещё года эдак два назад... — саркастично ухмыльнулся Бомпти.

— Молчал бы! — вроде бы шутя, но с угрожающими нотками, заметил Аскольд.

— Все газеты только и трубили тогда о ваших многочисленных пассиях! — оправдываясь, пробормотал Бомпти. — Ну, а теперь для дела, я полагаю, вполне можно и вспомнить молодость! — При этих словах Бомптириусу показалось, что ещё пара предложений на эту тему, и Анита его в живых не оставит.

— Что скажешь, Аскольд? — спросила Анита, всё так же сверля взглядом Бомптириуса.

— Ну... Если только нет других вариантов. — Он вопросительно смотрел то на одного, то на другого, словно ища поддержки.

— Ладно, чёрт с тобой, Бомпти. — Изрекла Анни и перенесла свой тяжёлый взгляд на герцога. Бомптириус Славный облегчённо вздохнул. — Можешь пудрить мозги этой Эльвире. Но предупреждаю на берегу: если это продлится больше недели или я узнаю нечто такое, что меня не обрадует касательно ваших отношений, то, как минимум, я обижусь, а как максимум...

— Я понял! — внятно проговорил Аскольд, сглатывая неприятный комок.

— Надеюсь.

* * *

На пятый день активного общения Аскольда с Эльвирой Мип, герцог пригласил её на

ужин в свой дом, пообещав девушке о-очень большой сюрприз.

Аскольд ничем не рисковал, зная, что у Эльвиры есть лишь один родственник, который бы по-настоящему заботился о ней, и обмануть его не было столь уж недостижимой задачей. Эльвира Мип жила на попечении своего дяди, Асмодеуса Мип. (Это, надо сказать, стало одним из поводов сближения Аскольда и Эльвиры, поскольку у него из родственников был тоже только дядя.) Друзей у девушки не было, по крайней мере близких, да и вообще она была довольно странной, к тому же интересовалась белой магией...

Эльвира в ожидании чего-то совершенно невероятного вошла в холл особняка Скелетто и на мгновение замерла от удивления: холл был залит светом, прислуга встречала своего хозяина и его гостью по всем правилам светского этикета. Ничто не указывало на интимную обстановку: напротив, всё было подчёркнуто пафосно и официально. Совершенно сбитая с толку, девушка вошла по приглашению Аскольда в столовую, где увидела трёх парадно одетых господ и одну девушку, недовольно поджавшую губы, в чрезвычайно декольтированном шикарном платье. Один господин, без всякого интереса крутивший в руках пустой бокал для коньяка, был в тёмном завитом парике, малиновом камзоле из тафты, таких же малиновых чулках и чёрных башмаках с золотыми бляшками. Другой, лысый, полноватый, в щегольском фраке и начищенных до блеска туфлях то и дело косился на темноволосую девушку и явно с трудом сдерживал смех. Но третий приковал к себе куда как большее внимание Эльвиры. Это был ещё весьма молодой человек с длинными светлыми волосами, стянутыми в хвост, которые, однако, едва ли отличались чистотой. Одет он был в ярко-красную рубашку, болотного цвета брюки и кислотно-зелёный плащ. Своими маленькими лукавыми глазками время времени он меланхолично поглядывавший на господина в чёрном парике.

— Добрый вечер, дамы и господа! — поприветствовал всех присутствующих Аскольд. Мужчины повернулись на его голос, девушка, напротив, отвернулась. — Должен вам представить — мисс Эльвира Мип.

Эльвира, едва ли понимая, что происходит вокруг, сделала лёгкий реверанс.

— Эльвира, позволь представить тебе — Аристарх Платонович Почесалкин...

— Мэр Лысой Горы? — вырвалось у неё, она округлила глаза.

— Очень приятно! — привстал господин в чёрном парике.

— Сэмьюэл Скелетто, мой дядюшка, — продолжал Аскольд.

— Рад встрече, — с намёком на интерес чуть поклонился щеголеватый господин.

— Взаимно, — улыбнулась Эльвира.

— Мой хороший приятель — Бомптириус Славный, — Аскольд указал на длинноволосого человека в кислотном плаще.

— Бомптириус Славный? — переспросила она. — Неужели, он самый?...

— Да, я помощник Дювы, — как-то подозрительно открыто улыбнулся он.

— И девушка Бомптириуса, Ан... э-э...

— Mademoiselle Lara, — то ли проворковала, то ли прошипела брюнетка.

— Очень приятно! — едва внятно пробормотала Эльвира, которой почудилось, что они уже где-то встречались с этой девицей.

— Прошу к столу, — улыбнулся Эльвире Аскольд. Лару перекосило, Бомптириус усмехнулся.

— Эльвира, боюсь, Аскольд не сообщил вам, зачем мы здесь собрались сегодня, — начал было старший герцог Скелетто. — Вопрос этот весьма щекотливый... — он тревожно

оглянулся на Аскольда.

— Аскольд хотел сообщить вам о наших с ним отношениях? — наивно пролепетала Эльвира.

Лара фыркнула. Лицо Аскольда пошло пятнами.

— Нет-нет, ma chere, — пробормотал Аскольд. — У нас есть к тебе одно предложение. — Не хочешь ли ты занять трон тёмной княжны?

В столовой стало так тихо, что даже было слышно тиканье карманных часов Аристарха Платоныча.

— Хочу! — выпалила Эльвира Мип, словно ей предлагали не власть над преисподней, а леденец на палочке.

* * *

Тёмная княжна Дюва не чувствовала себя вполне счастливой лишь по одной причине: безумно болела голова, болела так, что хотелось выть. Она сидела в жарко натопленной спальне в глубоком кресле с высокой спинкой перед камином. Комната была бы полностью окутана во мрак, если б не таинственное мерцание горящих поленьев. Хотелось лечь спать, но сон никак не приходил. Дюва сидела и воспалёнными глазами смотрела на огонь, словно специально раздувая пожар в собственном мозгу. Почему-то именно в этот вечер ей пришли на память события восьмидесятилетней давности, когда она и её приспешники брали штурмом замок тёмной княжны. Именно в ту ночь — как же она похожа на эту! — она, Дюва, схватилась в смертельной схватке с неудобной царедворцам Эстер, той самой схватке, последствия которой обезобразили правую половину её некогда прекрасного лица. Как много грязи и вранья пришлось тогда преодолеть! Сколько магов было использовано и перебито! Какие только кланы ей не помогали... Лучше бы не помогали...

Дюва встала с кресла и вновь схватилась руками за голову, которая, казалось, ещё чуть-чуть — и разорвётся на части. Она стянула с плеч вязаную ажурную накидку и, уже было двинулась к постели, как дверь в спальню открылась, и на пороге появился силуэт невысокой девушки с короткой небрежной причёской. Девушка была в необычном, но от этого не теряющего своего шика чёрном платье с пышной юбкой до лодыжек. Платье полностью открывало руки, спину и чуть ли не всю грудь, а из-за недостаточной длины юбки явственно были видны мощные серебристые сапоги на шнуровке со стальными носками.

— Ты же умерла!! — воскликнула Дюва и выронила из рук накидку.

— Но признайся, Дюва, ты не теряла надежды на то, что я жива! — саркастично заметила девушка. — Не для того ли ты приказала следить за домом Скелетто? — иронично улыбнувшись, спросила она.

Серьги-удава Дювы не то испуганно, не то удивлённо смотрели своими глазками-изумрудинками на Аниту.

— Почему ты не умерла? — выдохнула тёмная княжна и сделала шаг назад, к постели, куда она до пришествия Аниты и направлялась.

— Ах, Дюва! — искренне рассмеялась Анни. — Ты даже не подозреваешь, насколько давно я уже знаю о том, что ты практически не чувствуешь магию, как самый обычный обыватель. Ну, скажи мне, неужели быть знахаркой так уж плохо?

Дюва покачнулась, но устояла.

— А ведь у тебя сейчас болит голова... Где же твои прежние знания и навыки? Ах, да,

понимаю! Никто не должен знать, что какая-то Урсула де Бротт сидит сейчас на троне. Это во-первых. А во-вторых, если кто-то узнает, что тёмная княжна больна или хотя бы неважно себя чувствует, тёмное сообщество сочтёт, что пора бы эту самую княжну списать. Верно?

Дюва молчала, лишь тяжело дыша, глядя в ехидные тёмные глаза Аниты Демен.

— Правильно я говорю?! — в омутах Аниты вспыхнул демонический огонёк.

Тёмная княжна на несколько мгновений прикрыла глаза.

— Флегонт сказал? — хрипло спросила она. — Я всегда говорила, что он сопляк... никогда не добьётся ничего в жизни... Идиот... — Она тяжело, но часто задышала. — Охрана! — неожиданно громко воскликнула она.

Но ничего не произошло. Только Анита залилась смехом. Дюва уже не на шутку испугалась, что выдала её бледность, видная даже при столь скудном освещении. Но вот прошла минута в тягостном молчании, и уже смеялась Дюва:

— Значит... значит, тёмное сообщество решило списать княжну? Списали, да? Значит, списали?! — уже угрожающе посмотрела Дюва на Аниту и яростно зашептала смертельное заклятие. Анни лишь усмехнулась: одного её взгляда хватило, чтобы у тёмной княжны попросту остановилось сердце.

Анита Демен уже развернулась на каблуках к тому моменту, как Дюва рухнула на пол, покрытый грязно-бирюзовым ковром.

Анита вышла из спальни в огромный, освещённый сотнями свечей холл, отделанный причудливым фиолетовым камнем, где её встречали Аскольд и Бомптириус.

— Можете сообщить прессе, что тёмная княжна скончалась от сердечного приступа. Кстати, Бомпти, — обратилась она к блондину, — я позволила себе припомнить историю вашей семьи в присутствии Дювы... Ох, недобрым словом она помянула тебя!.. Аскольд, — она мгновенно переключилась на другую волну, — как некромаг обезопась нас от возвращения тёмной княжны. — Она многозначительно глянула на него.

Аскольд коротко кивнул и зашёл в спальню Дювы.

— Бомптириус, — Анита вновь повернулась в сторону белого мага, — где Эльвира? Все готовы? Всё схвачено?

— Конечно, Анита. — Так спокойно ответил Бомптириус, будто он каждую неделю устраивал дворцовые перевороты. — Всё отлично. Все готовы. А эта светловолосая девчонка просто визжит от радости, — Бомпти невесело усмехнулся и оглянулся назад, словно Эльвира стояла за его спиной.

— Да уж. Она просто не знает, чему радуется. — Согласилась с ним Анита.

* * *

Владлена зашла в небольшой уютный трактирчик на следующий день не для того, чтобы распить друзьями бутылочку недурного вина и даже не для того, чтобы подкрепиться после долгой дороги, а лишь для того, чтобы выпить кружечку чая и прочитать свежий выпуск «Склепус Таймс».

Она развернула газету и вновь перечитала заголовок первой полосы: «Скоропостижно скончалась величайшая тёмная княжна Дюва». Под заголовком шла серая масса мелкого печатного текста. Владлена мельком пролистала газетку и поняла, что весь номер посвящён теме первой полосы. Она открыла газетку на первой попавшейся странице и невольно её глаза округлились. На этой странице было интервью:

«Склепус Таймс: Здравствуйте! Не могли бы вы сказать пару слов о столь

неожиданной кончине Дювы?

Бомптириус Славный: Боюсь, я не сумею удивить вас новой информацией. Тёмная княжна скончалась от сердечного приступа, когда готовилась ко сну...

СТ: А что вы думаете по поводу версии отравления?

БС: Это невозможно, как сказали наши специалисты по ядам. Всё проверили: отравления быть не могло.

СТ: Может, тогда чары?

БС: Специалисты по чарам также уверены в том, что ни одно известное смертельное или сколько-нибудь опасное заклятие не могло иметь места быть.

СТ: Но, насколько нам известно, рядом с телом тёмной княжны был отмечен повышенный уровень некромагической активности. Что вы думаете по этому поводу?

БС: Без комментариев.

СТ: Каким образом ночью же стало известно о смерти Дювы?

БС: Без комментариев.

СТ: Почему охранники оказались убитыми?

БС: Без комментариев...»

* * *

В этот вечер в особняке Скелетто было так шумно, словно пировали человек пятьдесят, а не шесть, как было на самом деле. Вино, коньяк и текила лились рекой. Пожалуй, только один человек в этом обществе не чувствовал себя вполне удобно — Эльвира, которой открылась правда об истинных чувствах Аскольда. Он сидел рядом с Ларой, которую все, а в первую очередь он сам, называли почему-то не иначе как Анита.

— Эх, помню я, как сажали на трон Дюву... — мечтательно протянул Сэммиюэл Скелетто. — Тогда я гордился тем, что уже могу влиять на жизнь в преисподней, а теперь горжусь, что ещё могу! — Он весело рассмеялся. — Однако Аскольд, мой мальчик, меня переплюнул: в какие-то пятьдесят лет от роду быть замешанным в таком отличном деле!

Аскольд даже покраснел от такой похвалы.

— Ну, если б не Анни... и не Бомптириус! — он легко улыбнулся и в очередной раз поднял бокал с вином: — За дружбу, которая становится любовью! — выкрикнул он с чувством и другой рукой приобнял Аниту за талию.

Едва ли кто-то кроме Аниты до конца понял подоплёку этого тоста и, тем не менее, все выпили за него с не меньшим удовольствием.

— Э-эх! Как говорил мой дед-трактирщик, была б выпивка, а тост всегда найдётся! — отметил Бомптириус и с удовольствием развалился на стуле.

— Ваш дедушка тоже был трактирщиком? — пискнула из своего угла Эльвира.

Аристарх Платонович, также находившийся здесь, удивлённо обернулся на голос девочки: он уже успел забыть о её присутствии в доме герцога Скелетто-младшего.

— Да! — Ещё более развязным голосом, чем обычно, ответил Бомптириус. — Да, он был трактирщиком, и славным трактирщиком, судя по рассказам моего отца. Я его не помню... Он умер за два года до моего рождения, в 1882 году. Славный был человек Гарибальд де Бротт!.. — Но Бомптириус Славный не сумел закончить, его перебила Эльвира:

— Быть не может!! Моего деда тоже звали Гарибальд де Бротт!! Но он умер в 1892 году, а не в 1882!

— Нет-нет! этого не может быть! — Воскликнул Бомптириус-Флегонт. — Я совершенно точно знаю... Мне говорил мой отец...

— Виарент? — поражённо спросила Эльвира.

— Виарент... — пробормотал он и замолчал.

Нет большего позора для тёмного мага, нежели весть о том, что кто-то из его родных или близких связал себя узами брака со светлыми. А потому не мог Гарибальд де Бротт, истинный тёмный маг, спокойно думать о том, как будет топтать его тёмное сообщество. Поэтому он поспешил попросить супругу отправить письмо Виаренту с известием о смерти его, Гарибальда. Сам же Гарибальд де Бротт, в свою очередь, всем своим интересующимся знакомым, друзьям, родственникам рассказал о том, что его сын Виарент умер в светлой части преисподнии от некой таинственной, но чудовищно опасной болезни.

Гарибальд был почти спокоен насчёт своего будущего. У него подрастала дочь Летисия, родившаяся в 1874 году. Виарент ничего не знал о ней лишь по одной причине — он порвал всякую связь со своими родными, жил у белых и даже не переписывался с родителями, словно стыдясь тёмных корней. Гарибальд ещё и потому не сообщал о сестре Виаренту, потому как боялся сглазить: Летисия была таким ребёнком, какие обычно не доживают и до года.

Но вот наступил 1892 год. Дела в трактире шли отлично, но Гарибальд слишком хорошо помнил славу и богатство своего отца, Артура де Бротт, чтобы спокойно смотреть на свой маленький тихий трактир, приносящий ему небольшой, но стабильный доход. Он задумал своего рода аферу: он заложил одному из ростовщиков ЛГ свой дом, трактир — всё, чем владел, — чтобы расширить свой трактир хотя бы до гостиницы средней руки, постепенно выплачивая взятые под бешенные двадцать процентов годовых в долг деньги. Афера вполне могла бы быть лишь удачно провёрнутой сделкой лет эдак через десять, если бы именно в это время Гарибальд не умер, именно в тот момент, когда деньги были уже вложены в строительство. Мать Виарента и Летисии умерла от чахотки в этот же год, и бедная Летисия, весьма смутно представляющая себе своих родственников дальше первого колена, не имеющая друзей, оказалась в один прекрасный момент на улице почти совсем без денег и с самым минимум личных вещей, какие успела покидать в чемодан за пару минут. Благодаря чистой случайности она познакомилась в бакалейной лавке с бедным молодым чиновником при дворе тёмной княжны Эстер по имени Сомс Мип. Они разговорились. Он пригласил её в свою квартиру после рассказа девушки о том, что идти ей некуда. Поначалу их отношения были исключительно дружескими, даже товарищескими: оба пытались хоть как-то заработать, чтобы свести концы с концами. Летисия вспомнила о своём умении неплохо шить и вышивать, и пристроилась подмастерьем к опытной портнихе, получая за свою работу жалкие два серебряных за неделю кропотливой и изматывающей работы, в то время, как только оплата квартиры за месяц на окраине ЛГ, стоила шесть серебряных.

Постепенно отношения Летисии де Бротт и Сомса Мип изменились, и, спустя десяти лет, они поженились. (Родители Сомса, люди очень бедные, ничего не имели против супружества их сына с бедной, но способной девушкой.) С трудом нашлись даже свидетели — так уединённо жили молодые люди.

В следующем, 1903, году родился их первенец — Эвгард, успевший хлебнуть вместе со своими родителями все «радости» жизни в унижительной бедности, даже нищете. С раннего

детства у него в мозгу отчаянно билась только одна мысль — где найти денег?! Казалось, он хотел выпрыгнуть из собственной шкуры только для того, чтобы заработать больше. И для этого и он сам, и его родители делали всё возможное — он получил весьма дорогостоящее и очень ценное образование. Уже к двадцати годам он был прекрасным специалистом в области ядов и противоядий, таким специалистом, которого брали с руками и ногами и которому могли платить до тысячи золотых в год. И Эвгард не замедлил воспользоваться всеми возможными деловыми предложениями, которые поступали к нему, благодаря чему вытащил из беспробудной нищеты свою несчастную семью.

Но вот в 1924 году стало все больше и больше нарастать недовольство в адрес тёмной княжны Эстер. Само собой, назревал переворот, в котором, к удивлению всех и вся, сыграл немалую роль Сомс Мип, человек, несмотря на свой низкий социальный статус и ещё меньшее жалованье, имевший почти свободный доступ ко всем секретным документам. За какие-то недели мистер Мип, обычный канцелярский работник, стал одним из самых влиятельных людей во дворце тёмной княжны. В семье Мип прочно поселилось материальное благополучие.

А в 1926 году в семье Летисии и Сомса родился ещё один сын, которого назвали Эммануилом. К счастью или к сожалению, ему не пришлось испробовать на себе унижений и нищеты, а потому он ни на йоту не ценил то, что у него было. Его баловали и родители, и старший брат, который изредка навещал мать и отца. И, как выяснилось уже через пятнадцать лет, единственное, к чему Эммануил питал склонность — к транжирству. (Летисия с ужасом узнавала в своём любимом младшеньком Рональда де Бротт, своего дядю, о котором ей так много рассказывал отец.) Эммануил не стремился к наукам, его не занимало дело его отца: он не занимался и не интересовался политикой, знание законов которой легко бы обеспечило ему пропуск во дворец. Только желание безудержно тратить деньги.

В итоге в 1960 году, когда Эвгарду было уже пятьдесят семь лет, а Эммануилу — тридцать четыре, Эвгард был уже состоятельным и уважаемым человеком в тёмном сообществе и, надо сказать, человеком женатым, а Эммануил всё так же сидел на шее родителей, постепенно спиваясь и теряя человеческий облик. Он прожил ещё пятнадцать лет, вконец измотав не только родителей, но даже и брата.

А ещё через пятнадцать лет случилось настоящее чудо: в семье Сомса и Летисии родилась дочь, которую было решено назвать Эльвирой. Словно платой за появление новой жизни стала смерть в 1991 году Эвгарда.

Во многом история Эльвиры повторяла историю самой Летисии, что вскоре проявилось во всей яркости красок. Через какие-то шесть лет Летисия Мип по чистой глупости погибла: она попросту поскользнулась на каменном полу второго этажа и, пролетев вниз головой по крутой парадной лестнице, сломала шею. Ещё через шесть лет умер и Сомс Мип, оставив вполне неплохое состояние Эльвире, точнее говоря своему двоюродному брату, Асмодеусу Мип, попечителю девочки до восемнадцати лет, который никогда не интересовался ни братом, ни его семьёй.

* * *

— Влади, ты не представляешь, как я соскучилась по Мари! — воскликнула вот уже в который раз за этот вечер Элизабет. — Ты уверена, что у неё всё хорошо? Как так она могла убежать куда-то к чёрту на рога с каким-то...

— Лиззи! Он хороший человек! — воскликнула Владлена и покраснела. — Я его знаю... Каюсь, это я их познакомила...

— Вот почему мне показалось лицо на фото знакомым! — вспомнила Элизабет. — Вы с ней созваниваетесь? Переписываетесь? Почему ты так уверена, что с ней всё хорошо? — вопросы сыпались из Элизабет, как горох.

Владлена хотела было вставить реплику, но не успела.

— Ох! Мари мне всегда казалась такой нежной, заботливой, хорошей девочкой... Я никогда от неё ничего подобного даже не могла ожидать! — приговаривала Лиз и качала головой, слёзы катились из её глаз. — Конечно, нам с ней не пришлось много общаться... Но мне казалось, что мы с ней действительно стали близки...

— Ну-ну Лиззи! Не стоит! Не стоит рыдать! Я тебя уверяю, Мари абсолютно счастлива. А если её счастье и не будет долгим, я уверена, ей хватит духу вернуться домой. Она не дурочка... и не гордячка, — с некоторой ноткой сомнения добавила Влади. Она посмотрела на мачеху и ей стало по-настоящему жаль её.

— Лиззи, тебе плохо? — сострадающе спросила её падчерица.

Элизабет ещё сильнее зарыдала и обняла Владлену.

— Конечно, конечно, милая... — приговаривала Влади, поглаживая по спине Лиз. — Уже скоро...

* * *

Анита с немалым интересом просматривала свежую прессу, где сообщалось о том, что приближённые ко двору люди «рассматривают кандидатуры на место тёмной княжны», как в кабинет вошла горничная и сообщила, что пришла Владлена Курт. Несколько удивившись, Анита поднялась из-за стола, накинула на плечи палантин и вышла к госте.

Владлена сидела спиной к вошедшей в гостиную Аните. Та прочистила горло — Владлена развернулась и привстала. Лицо её было печально, чего нельзя было сказать о её сестричке.

— Здравствуй, Влади! — улыбнулась Анита. По всему было видно, что она была бы рада обнять сестру. — Где ты пропадала? — нежно спросила её она.

— Рада видеть тебя, Мари, — как-то чересчур официально пробормотала Владлена. — Элизабет волнуется за тебя.

Аниту передёрнуло.

— Скажи ей, что я... что у меня всё отлично.

— Я ей сказала. Но она очень переживает. — Словно исподволь Владлена глянула в глаза сестре, что не преминула заметить та.

— Влади, ты на меня за что-то обижаешься? — мягко спросила Анита.

«Будто сама не знаешь!!» — чуть не сорвалось с языка Влади.

— Я просто считаю, что ты поступила с Лиз не самым лучшим образом.

— Что, прости? Я верно расслышала? — Весь хороший настрой тут же испарился. — Это я так с ней поступила?

Владлена поджала губы.

— Прости меня...

— Ну, знаешь ли... — От гнева ноздри Аниты задрожали.

— Прости, я... Это было в запале... Я... Поверь, я уже заплатила за свою ошибку. — Потупила взгляд Владлена. Делать этого совсем не хотелось — ни извиняться, ни прятать

глаза, хотелось вцепиться в волосы и расцарапать лицо этой чужой и непонятной Аните.

— Так где ты была всё это время? Тот месяц, а? — Скривила губы в усмешке Анита.

Владлена упорно молчала, глядя в пол. Обрывки её беспорядочных мыслей не без труда доносились до Аниты. Белые. Анита снова усмехнулась:

— А тебе палец в рот не клади! — Она расслабленно рассмеялась.

Сестра прожгла её яростным взглядом:

— Я сюда не затем пришла, — процедила она. — Я прошу совсем немного: свяжись с Элизабет, она очень волнуется. Ей это очень вредно...

Анита не удержалась и саркастично ухмыльнулась:

— Откуда такая любовь к нашей мачехе?! А, Влади? Я, знаешь ли, неплохо помню всё то, что ты про неё говорила чуть меньше года назад... Впрочем, ладно, сменим тему. — Она выжидательно посмотрела на сестру и, поняв, что та ничего говорить не собирается, заговорила сама: — Ты, верно, слышала о смерти Дювы?

Владлена кивнула головой.

— Отлично. А знаешь ли ты, кто это организовал и кто посадит на трон своего ставленника? — Анита самодовольно уставилась в тёмную радужную оболочку глаз Владлены.

Влади поёжилась и поражённо глянула на сестру, и вновь отвела взгляд.

— Ты? — спокойно спросила она.

— Я. — Не менее хладнокровно ответила Анни и направилась к бару. — Будешь что-нибудь? — спросила она будничным тоном.

Влади покачала головой. Анита хмыкнула и налила себе виски.

— А не слишком ли крепкие напитки ты позволяешь себе по утрам? — невольно вырвалось у Владлены.

Анита удивлённо вскинула брови и иронично улыбнулась:

— Не переживай, алкоголь не является смыслом моей жизни. Я пью лишь в состоянии стресса и во время приятных встреч.

Владлена почувствовала себя уязвлённой, но не подала виду.

— Кстати. Кто твой ставленник? Ведь ты что-то об этом говорила.

Анита легко улыбнулась и присела в кресло напротив Владлены.

— Боюсь, её имя тебе ни о чём не скажет, разве что она — двоюродная сестра Бомптириуса Славного и что её кандидатуру одобрили Почесалкин и Сэммиюэл Скелетто.

— С такими покровителями и впрямь никакая фамилия не нужна, — усмехнулась Владлена, однако взгляд её оставался цепким и напряжённым. — То есть теперь ты, как я понимаю, фактически поселишься во дворце.

— Ты всё верно понимаешь, — широко улыбнулась Анита, — но, боюсь, поселюсь я там не одна, а с Аскольдом, ведь он также был замешан в заговоре.

Владлену передёрнуло, что, к её удивлению, заметила Анни.

— Да, конечно, я понимаю, — как ни в чём не бывало ответила Влади. — И, знаешь, мне бы не хотелось терять связь со всеми... с тобой, — запнулась она.

Анита пронзительно взглядела в лицо сестры, холодные чёрные глаза буравили её взглядом.

— Неужто?? — покачала головой она. — А мы ещё осуждаем Бомптириуса! — и она рассмеялась. — Так сложно отойти от меня и Аскольда и окунуться с головой в заботы о Элизе? В конце концов, переехать на другой материк, выйти замуж и нарожать детишек...

Поверь мне, милая моя, тебе несложно будет найти какого-нибудь другого богатого олуха и развлекаться на досуге магией.

Губы Владлены превратились в нитку:

— Значит для тебя Аскольд — всего лишь богатый олух? — Спросила она, и глаза налились гневом.

— А тебе какая печаль?

Лицо Влади исказила гримаса боли, она поспешно закрыла его руками:

— Боже, что он с тобой сделал... — Простонала она. — Чудовище...

Анита словно обратилась в камень. Владлена сидела, согнувшись, уткнувшись лбом в колени, грудь её судорожно приподнималась при дыхании.

— Я позвоню Элизабет, поговорю с ней, — пробормотала Анита спустя несколько минут молчания. — Обязательно. Я знаю, что ей сейчас очень тяжело и одиноко без нас. Я обещаю. И... — она запнулась. — Если хочешь, если сможешь, оставайся с нами, никто гнать тебя не будет. — Не без труда выдавила из себя Анита.

* * *

Подготовка к коронации и празднованиям шла во дворце, да и во всей тёмной преисподней, полным ходом. Уже неделю назад была утверждена кандидатура Эльвиры на трон тёмной княжны, о чём трубили и тёмно- и светломагические издания. Особенно ярко освещалась эта тема у белых магов: была даже раскопана немудрёная биография Эльвиры, чуть ли не вся её родословная до пятого колена, в которой, правда, не нашли ничего существенного или важного. Это и неудивительно, ведь смена власти, а, значит, и возможная смена политики не могла не отразиться на белой части преисподней.

Итак. Ещё спустя три дня все подготовительные работы были успешно завершены. Анита, которая всего-то меньше года назад впервые узнала о существовании преисподней, собиралась на мероприятие, которое сделало бы её негласной правительницей магического мира.

В этот день всё её внимание было почему-то приковано по большей части к мелочам. С самого утра Анита доставала Аскольда всё одним и тем же вопросом: какое право она имеет появляться на коронации тёмной княжны? И каждый раз герцог терпеливо объяснял ей, что она идёт туда в качестве его спутницы, спутницы приглашённого гостя. Анни облегчённо вздыхала, а через пятнадцать минут вновь подсакивала к Аскольду всё с тем же вопросом.

Начало церемонии планировалось на пять часов, но, как это всегда бывает, всё началось на полчаса позже. Произошла какая-то заминка с платьем для Эльвиры. Пошёл слух, что она не пожелала надевать его, так как платье ей передала Анита.

Гости уже начали нервничать и нетерпеливо поглядывать на ломящиеся от яств столы, к которым было пока что запрещено даже прикасаться, когда наконец появилась Эльвира в окружении свиты из стайки маленьких девочек в тёмно-коричневых платьицах. Сама девушка была облачена в слишком узкое чёрное платье с безумно длинным шлейфом. Оно было чрезвычайно декольтировано, а спину и вовсе полностью открывало. И только высокие чёрные перчатки, отливавшие красным, хоть немного шли к необычным волосам девушки. Уже с первого взгляда, даже самому безыскусному наблюдателю становилось ясно, что наряд сшит не на неё. И, словно в шутку, Анита, которая то и дело нетерпеливо оглядывалась по сторонам в поисках Почесалкина или Бомптириуса, была в почти таком же платье, только без шлейфа и без перчаток; на шее у неё висело необыкновенной красоты бриллиантовое

кольце.

Эльвира шла по гигантскому чёрному залу через неширокий людской коридор. Все, кого она видела, были ей либо незнакомы, либо внушали чуть ли не животный страх. Она также увидела в толпе и группу белых магов, видимо, послов, но и в их глазах она не узрела ни жалости, ни, тем более, любви. Но когда она поняла, что с каждой секундой приближается к трону, к месту, около которого сгруппировались Анита, Скелетто, Почесалкин, Бомптириус ей и вовсе стало дурно. Только теперь Эльвира поняла, как она сама себя закабалила. Позже тёмная княжна говорила, что именно в эти минуты, когда она шла по этому проклятому коридору, она повзрослела лет на двадцать и удивлялась, почему не поседела.

Церемония коронации, сводящаяся к короткой клятве княжны, а также возложению короны из золота, усыпанной рубинами, на её голову, положила конец тишине в чёрном зале. Даже если бы новоявленная княжна и пожелала бы сказать пару слов своим подданным, её бы никто не стал слушать.

Эльвира сидела на чёрном каменном троне княжны, с трудом держа ровно голову из-за нечеловечески тяжёлой короны. Она с трудом сдерживала слёзы, а в это время по её правую руку уже встала Анита, рядом с ней Аскольд Скелетто. Почесалкин и Бомптириус встали несколько поодаль и слева. Сэммиуэл Скелетто затерялся в толпе, накинувшейся на фуршетные столы. Анита и Аскольд то и дело обменивались довольными взглядами, Почесалкин и Бомптириус тихо переговаривались и ехидно лыбились. А музыка звучала всё громче и громче, а люди кружились всё быстрее и быстрее под дьявольские звуки фальшивого оркестра... Корона давила всё сильнее и сильнее... Эльвира потянула было руки к короне, как Анита, зорко следящая за ней, больно ударила девушку по запястью.

— Не смей! — прошипела она.

— Что хочу, то и делаю! — порывисто ответила Эльвира. — Я теперь тёмная княжна, а не ты!

— Хм... Тёмная княжна... А кто тебя ей сделал? — саркастично ухмыльнулась Анита. — Ты наивно полагаешь, что это были Скелетто или Бомптириус? Учти, если бы не я, Дюва была бы жива и по сей день.

Глаза Эльвиры округлились, она повернула голову к Аните настолько, насколько было безопасно для сохранности короны на голове.

— Да, милочка, убила Дюву я. И я тебя уверяю, мне это буквально ничего не стоило, — она пронизывающе глянула на Эльвиру, и что-то было в этом взгляде, кроме угрозы.

— Ты сильнее даже Аскольда! — не то всхлипнула, не то вскрикнула блондиночка. — А ведь он... он некромаг!

Анита, не скрывая раздражения, фыркнула и переглянулась с Аскольдом, который чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Гхм... Да, я некромаг, — как-то сдавленно пробормотал тот. — Но Анни меня во много раз сильнее! — Он предостерегающе посмотрел на Эльвиру.

Княжна побледнела и уже с неприкрытым страхом глянула на Аниту.

— Так то лучше. — Заметила с улыбкой ведьма.

* * *

Последующие три дня напоминали Эльвире, да и её окружению, работу секретарей: всё это время они кого-то постоянно принимали. Всё это были жалобщики, просители или просто доверенные лица самых разных чиновников, подчинённых тёмной княжне. Были

среди них и мертвяки, и преступники, и белые маги, и пары с просьбами о разводе, и всевозможный люд с клязмами друг на друга и просьбами о повышении зарплаты... Всего не перечесать. Словно за восемьдесят лет правления Дювы население преисподней всё копило и копило жалобы и доносы и вот в начале правления новой княжны решило их вылить.

Всех, просящих аудиенции тёмной княжны просили встать в очередь или, в противном случае, даже записаться на следующий день (неделю, месяц). Однако, как это всегда бывает, появился VIP-коридор, по которому за умеренную плату или за знатную фамилию пропускали к Эльвире кратчайшим путём. Среди таких персон были послы, вельможи или просто очень богатые люди.

Прошло совсем немного времени, чтобы простой люд понял, что к новой княжне не пробиться точь-в-точь так же, как и к старой. А потому полноводная людская река первой очереди уже через неделю совершенно обмелела. Однако VIP-ручеек затапливал всё новые берега и не страшился засухи. Всё это время, пока Эльвира терпеливо выслушивала подчас абсолютные бред, за портьерой около трона сидела и внимательно всё слушала Анита, которую нередко принимали за восковую фигуру. Но чуть только разговор выходил за грани обычных бытовых жалоб, брюнетка живо ввязывалась в разговор и, оттесняя в диалоге княжну, полностью занимала место Эльвиры. Анита Демен вела себя, словно регент при малолетнем правителе.

Изумление тёмного сообщества переросло сначала в недоумение и раздражение, а затем и в страх, когда вспомнили, что по официальной версии Анита Демен была убита Дювой ещё несколько месяцев назад. Поначалу многие сомневались в том, что это «та самая Анита», но поведение подружки герцога Скелетто, а особенно её невероятные магические силы, которые та не гнушалась демонстрировать на каждом углу, развеяли всякие сомнения.

Теперь ни для кого не было секретом, кто именно управляет преисподней: Анита, а не Эльвира формировала коалицию, стоящую за тронном, а чаще всего и впереди него. В эту группу избранных вошли: Бомптириус Славный, герцог Сэммюэл Скелетто, герцог Аскольд Скелетто, Аристарх Платонович Почесалкин. Даже если бы у них появилось желание помериться силами и урвать кусок послаще, им бы не дала этого сделать Анита Демен. Таким образом благодаря третьей силе почва под тронном и царедворцами была на редкость твёрдой и устойчивой.

Для всех, пожалуй, кроме разве что Аскольда, было бы странно, если б рядом с тронном не оказалось Владлены. И Анита не стала удивлять — и приблизила сестричку. Однако стоит ли говорить о том, что ни одна из них не была этому особенно рада.

Преисподняя, в том числе и центр её, Лысая Гора, ещё немного побурлила, но, поняв, что никаких существенных перемен не предвидится, весьма скоро успокоилась и вернулась к обычной, мелочной, склочной, суматошной жизни.

* * *

Милый ресторанчик в центре Лысой Горы радовал не только приемлемыми ценами и качественными напитками, но и на удивление уютной атмосферой. Официанты шмыгали между столиками, разнося на подносах яства и благодарно скаля зубы при получении чаевых, пол был чисто вымыт, круглые столешницы были покрыты белоснежными ажурными скатертями, щадящий жёлтый свет создавал тёплую интимную обстановку — словом, это было прелестное заведение, где в один ненастный вечер Владлена Курт назначила встречу.

Девушка сидела и, скучая, рвала на мелкие кусочки бумажную салфетку. Наконец некая полная дама поспешно приблизилась к столику и, ещё сильнее надвинув широкий капюшон бардового плаща на лицо, присела на край стула, что был напротив Владлены.

— Здравствуй, — прошептала она. — Учти, если меня здесь кто-то увидит, мне не жить!

— Хорошо-хорошо... — рассеянно пробормотала Владлена. — Официант! Меню! — Она, будто раздумывая, постучала пальцами по столу. — У меня есть одно предложение, одно серьёзное предложение. — Она снова замолчала.

— Я понимаю, что серьёзное. — Дама в капюшоне недовольно заёрзала на месте. — Иначе я бы и не пришла, и ты это знаешь. У меня нет ни излишнего доверия, ни любви к тебе. И об этом ты тоже знаешь. — Она фыркнула.

— Мда... — протянула Владлена, взяла из рук подошедшего официанта меню и положила его на столик перед дамой. — Я уже всё заказала, — пояснила она.

Дама в капюшоне с опаской взяла в руки пергаменную книжицу:

— Надеюсь, не из человеческой кожи, а то знаю я вас тёмных!

— О, нет! Это цивильное место, — позволила себе усмехнуться Владлена. — Обычная бычья кожа, и не самой лучшей выделки.

— А почему не попросила винную карту? — Дамочка, видимо, успокоилась и осмелела.

— Сегодня разговор на трезвую голову, а то знаем мы вас, белых! — скривила губы ведьма.

— Ты позвала меня, чтоб пособачиться? — тряхнула головой белая и из-под капюшона выбилась прядь каштановых волос.

— Значит так. Как я полагаю, тебе всё уже давно известно по поводу того, насколько близко я нахожусь к трону тёмной княжны и, следовательно, к Аните. У нас с ней возникли некоторые разногласия, и она мне особенно не доверяет. Всем кажется, что я всё время рядом с тронем и Анитой, но на самом деле... Меня особо не посвящают в планы нашей правительницы. Но до меня дошли некоторые слухи... — Она многозначительно приподняла одну бровь.

— Относительно нас? — сглотнула комок её собеседница и, задыхаясь, стащила с головы капюшон.

— Именно вас, Жюли, именно вас. — Владлена выжидательно глянула на неё. — Боюсь подходят к концу ваши сто пятьдесят лет свободы.

— Я скажу Людвигу, чтоб он направил дипломатическую миссию...

— Ой ли? Дипломатическую? — усмехнулась Владлена и пробуравила взглядом белую. — Это что мёртвому припарки!

— Неужели боевой отряд? — ошарашено осела на стуле Жюли.

— Да нет, тут будет нужна армия. — Более чем серьёзно ответила Влади. — И не спрашивай, откуда эта информация.

* * *

Разговора с Людвигом Жюльетта страшилась больше всего, помня их прежние пустые дразги, не приносящие пользы ни на йоту. Но на этот раз Людвиг дель Марко на удивление внимательно выслушал её и даже не задал вопроса о том, откуда появились в её головке столь странные и, вместе с тем, весьма конкретные соображения. У Людвига также зрели подобные идеи. Он более всего склонялся к мысли по-тихому избавиться от Аниты Демен, но ему не хватало информации да и поддержки, которую ему была рада оказать Жюли по

совершенно непонятным и субъективным причинам, по мнению дель Марко.

И в Прабеле закипела деятельность. Хотя внешне всё было буднично спокойно, было ощущение готовящейся диверсии, а знающие люди при встрече лишь многозначительно переглядывались и пересылали странные и непонятные друг другу мысленные сообщения. Жюли и Людвиг наконец сумели найти общий язык, однако до сих пор их точкой преткновения было количество бойцов, которых нужно было подослать к Аните. Людвиг считал, что пяти магов будет много, а Жюли утверждала, что и сотни будет недостаточно. В итоге сошлись на двадцати отменных специалистах, таких, как племянник Людвиг, Синевриус дель Марко.

Операция была запланирована на следующую неделю, и она бы состоялась, если не всего одна проблема — всего одна! — которая могла бы свести на нет все преимущества белых. Проблема эта заключалась в том, что ни один белый маг при всём желании не мог бы без посторонней помощи проникнуть в замок тёмной княжны. В радиусе километра вокруг замка стояла масса тёмномагических заклятий-щитов, охраняющих древнее строение не только от вандалов, но даже от плесени. Что уж говорить о белых магах! К тому же на всей Лысой Горе блокировалась всякая светлая магия, из-за чего прабельцы были там абсолютно беззащитны.

* * *

Владлена с трепетом смотрела на спящую Элизабет и вспоминала все их прежние разговоры за последние пару недель. Ей на память пришли слёзы, которые проливала Лиз о своей младшей падчерице, так и не соизволившей не только позвонить, но даже написать. Дэниел ходил хмурый, и только присутствие в доме любимой женщины и старшей дочери хоть немного успокаивало его. В доме № 19 чаще стал появляться мистер Ричард Риддл, благодаря которому (по крайней мере, так говорила Лиз) в их семье наступало хоть какое-то подобие прежнего мира.

Владлена ещё раз глянула на Элизабет и прикрыла дверь спальни. Она прошла несколько метров по коридору, зашла в свою комнату, села в кресло, поджав под себя ноги, и без какой-то определённой цели принялась крутить в руках сотовый телефон. Она посидела так ещё пару минут, только одна мысль посетила её, которую она тут же решила осуществить. Резким движением поднявшись, Влади направилась решительным шагом в гардеробную, а оттуда напрямик — в преисподнюю.

Спустя какие-то две минуты Влади уже стучала в дверь кабинета сестрички. Анита, вместо приглашительного «Войдите!», просто-напросто взмахом руки распахнула дверь и, не отрываясь взглядом от каких-то бумаг, пробормотала:

— Привет, Влади! Что надо?

Владлена замаялась, прикрыла дверь и села в одно из кресел рядом со столом сестры.

— Да, кое-что нужно... Понимаешь... не могла бы ты написать что ли Элизабет... Она просто извелась... Ты ведь обещала...

Анита недовольно надула губы.

— Да, обещала. У меня было много дел поважнее. Даже странно, что ты не в курсе, — съязвила она.

— Мари...

Брюнетка пронзила её презрительным взглядом.

— Прости, Анита, дай знать Элизе, что ты хотя бы жива!

Та приподняла одну бровь, разглядывая Владлену:

— Что, твоих слов ей недостаточно? Я надеялась, что она перебесится и успокоится.

Владлена едва удержалась, чтобы не сказать что-нибудь резкое. Слишком хрупко было перемирие.

— Ну, что ж... Писать это долго. Вот позвонить я могу!

И прежде чем Владлена успела сказать хоть слово, Анита схватила телефончик-раскладушку, набрала домашний номер и теперь уже слушала долгие гудки.

— Алло... Элизабет?... Лиззи, солнышко... что ж ты плачешь? Не плачь! Ну... ну не плачь, милая... У меня всё хорошо! Да-да!! — Что случилось с лицом Аниты: она не то была готова плакать, не то — грязно ругаться. На какое-то мгновение она превратилась в Мари, но темноволосая и тёмноокая Анита вновь взяла вверх. — ...Лиззи, а как папа?... Да?... Успокой его! Пожалуйста, скажи, что у меня всё отлично! Но я не могу сейчас приехать, у моего друга есть некоторые дела здесь... Может быть, я приеду... когда-нибудь... Сейчас я не могу... Я далеко...

Долго продолжался этот разговор. И всё это время, глядя на девушку, сидевшую за столом, Владлена гадала, кто же она, Анита Демен, сестра ей или нет... И стоит ли ей верить? А нужно ли?

* * *

Прошёл ещё один месяц.

Элизабет родила прелестную девочку, которую решила назвать Анной. Дэниел выбор одобрил, Владлена же, хотя ничего и не сказала, никакого согласия не выказала. Анита, как и до того не появлялась в доме Курт, так даже и после рождения сестры не пожелала появиться в родительском гнездышке.

А в преисподней до этого момента всё было спокойно.

* * *

Анита Демен собрала совет в одном из небольших залов замка правительницы преисподней. В совет входили Аскольд, Сэмьюэл Скелетто, Почесалкин и Бомптириус Славный. Едва ли кто-то догадывался о причинах созыва, а потому царедворцы активно обсуждали его до прихода в зал Аниты. И вот уж теперь на мгновения, что брюнетка, облачённая в пышное чернильно-чёрное платье, которое было несколько короче, чем следовало бы, и в неизменных мощных высоких сапогах, оббитых сталью, бесшумно двигалась по драгоценному чёрному ковру к прямоугольному столу, повисла неживая тишина.

Царедворцы привстали и поклонились, словно перед ними была коронованная тёмная княжна. Аскольд вместе с тем легко улыбнулся девушке.

— Добрый день! — Анита неожиданно лучезарно улыбнулась, однако далеко не всем, а скорее только герцогу Скелетто-младшему. — Мы немного подумали с Эльвирой, и я решила...

При этих словах Почесалкин позволил себе усмехнуться.

— ...что наши отношения с белыми себя не оправдывают. Белые не дают нам ничего и вместе с тем занимают немалую часть преисподнии. Что вы думаете по поводу возможности

белых магов не находиться рядом с нами? — Анита почти что с яростью оглядела присутствующих.

Аскольд одобрительно закивал, Сэммиюэл крикнул и неуютно заёрзал на месте, Бомптириус недоверчиво глянул на Аниту и тяжело вздохнул, Почесалкин широко улыбнулся и также довольно закивал, как и молодой герцог Скелетто.

— Так что вы думаете по этому поводу? — Вновь спросила Анита после минутного молчания.

— Mademoiselle Annie! Это более чем выполнимо! — Воскликнул Аристарх Платоныч. — Я, как мэр Лысой Горы, приложу все усилия для формирования боевого контингента...

— Вздор! — недовольно закачал головой Сэммиюэл Скелетто. — Тёмное сообщество нас не поддержит!

— Дядюшка! — Аскольд, не торопясь, встал со своего места. — Что за глупости? Почему это тёмное сообщество не одобрит решение... э-э... тёмной княжны? Оно выслушает и подчинится.

— Н-да... У нас и впрямь есть некоторые связи с белыми... — Протянул Почесалкин и опасно глянул на Аниту. — Это может стать большой проблемой для наших предпринимателей...

— Итак. Я предлагаю выслушать мою точку зрения, — не столь уж громко сказала Анита, но все тотчас замолчали. — Нужно лишь пустить в деловых кругах слух о наших с вами намерениях, напечатать пару статей в бизнес-журналах, и, я вас уверяю, девяносто пять процентов наших дельцов сумеют за месяц-два, самое большее за полгода, наладить новые связи с иными представителями магического мира. Этим займётесь вы, Аристарх Платоныч, — обратилась к Почесалкину Анита, тот решительно кивнул. — Далее. По возможности необходимо выселить всех из приграничной полосы. Можно население и припугнуть в случае чего... Впрочем, господин герцог, вас учить не требуется, — она почтительно кивнула Сэммиюэлу Скелетто.

— А кто займётся формированием войска? — спросил Аскольд.

— А как ты думаешь, на кого я это повешу? — Она иронично усмехнулась. — Ты этим и займёшься. Используй весь потенциал некромагии, живые здесь ни к чему. Я надеюсь, господин герцог, — Анита вновь обратилась к Сэммиюэлу, — при необходимости, вы поможете своему племяннику.

И они друг другу вежливо оскалились.

* * *

Иссиня чёрная карета остановилась на светлой широкой улице, обрамлённой густой растительностью, напротив ворот парка. В глубине его с дорожками, посыпанными бежевой галькой, стоял дворец в духе Людовика XIV. Невысокая брюнетка, в несколько более коротком, нежели предполагал фасон, пышного платья, вышедшая из кареты, уверенным шагом двинулась к парадному входу во дворец. Два лакея в зелёных ливреях внешне бесстрастно распахнули перед ней створки исполинских белых с серебром дверей. В холле её уже поджидал статный сухопарый старик.

— Госпожа Анита Демен? — он вопросительно поднял брови, приветствуя пришлицу.

— Она самая, мой дражайший Людвиг, — Растянула губы в улыбке Анита. — Ах, какая знакомая, милая обстановка... — «мечтательно» протянула она. — И какие «искренние»

маги меня поджидают... Прямо слюнки так и текут от нетерпения, — саркастично усмехнулась она, пронзительно и безо всякой улыбки глядя в глаза «заместителю королевы». — Я слышала, вы, милейший, получили повышение? — Внешне расслабленно, словно дикая кошка, начала его обходить кругом Анита.

— Да, — сухо согласился тот. Внутренний голос подсказывал Людвигу дель Марко, что чем меньше слов будет сказано им, тем к меньшему их количеству сможет прицепиться эта лживая ведьма.

И снова губы Аниты растянулись в улыбке:

— Это, наверное, очень неудобно сидеть вдвоём на одном стуле?...

— Простите...

— Ричард! — Напомнила она. — Насколько мне известно, он жив и здоров и по-прежнему бывает здесь.

Людвиг заскрежетал зубами — она знала, на какую любимую мозоль надавить.

— Он ушёл сам.

— Ещё бы! Из такого-то гадюшника! — Искренне рассмеялась Анита. Однако довольно скоро смех её прервался: — Впрочем, что-то мы заболтались с вами.

Бывший церемониймейстер только коротко кивнул и жестом предложил ведьме проследовать на второй этаж по одной из застеленных великолепным белым мехом лестниц.

Он привёл её в кабинет. Светловолосая женщина со скучным лицом как будто бы была крайне занята, разглядывая что-то в одной из папок с отчётами боевых отрядов. Казалось, безразличность друг к другу так и повисла в воздухе этого помещения.

— Королева Амалия! — коротко поклонился Людвиг.

Та только недовольно махнула рукой, давая понять, чтобы тот вышел. Заместитель был явно раздосадован, тем не менее, немому приказу подчинился.

— Как славно, что так мало таких, как ты, — по-прежнему глядя в другую сторону, спокойно проговорила Амалия.

— Зато много таких как вы, ничем не примечательных особ, — Анита непринуждённо достала с рядом стоящей книжной полки первую попавшуюся книгу, оказавшуюся сборником защитных заклятий. — Какая архаичность... — будто бы между делом подметила она. — Такими, как вы, легко управлять, даже скучно. Когда прогибаются от единого движения пальца — это слишком не интересно.

— Тем не менее, ты не решилась на неофициальный визит, — тихо заметила Амалия и только сейчас подняла взгляд на брюнетку. — А то мне много рассказывали про твою беспардонную манеру появляться там, где ты без надобности.

— Моя дорогая, вы забываетесь! — угрожающе улыбнулась Анита. — Я сегодня пришла к вам таким образом только для того, чтобы каждая собака знала — я у вас была. Да и пообщаться есть о чём, не находите?

— Находите — не находите, — разорвалась истерикой Амалия, — ах ты, сучка преспокойная! Кабы не было таких уродов как ты и Ричард, насколько бы всем спокойней жилось! Вам же надо чего-то особенного, вам же надо власти, силы и славы!..

Анита только с ироничной улыбкой наблюдала за неуравновешенной королевой, и не думая её переубедить или же спорить с ней.

— ...Вам же мало денег и должностей! Вам надо всё! А как же кровь? Голубая королевская кровь?! Нету-нету-нету её у вас! Нету!!! — выпучила на неё глаза королева.

Зевнув, ведьма движение руки заморозила Амалию, чтобы та могла только слушать и

видеть, но не издавать ни звука.

— Сидишь на троне, занимаешься чем хочешь... Радуйся, что тебя не просят больше ничего делать. Но зачем чем-то заниматься, когда можно скучать? А когда скука заедает совсем, её же надо как-то развеять, однако атрофированный мозг уже не способен на что-то хорошее. Амалия, ну чем вам не угодил Ричард? Он мешал вам ничем не заниматься? Отбирал власть, которой вы и не знаете, как воспользоваться? И зачем было звать на помощь Дюву в решении своих мелких, попахивающих комплексами, делишек? — Анита грустно усмехнулась. — Мне казалось, что вам давно уже ничего не надо... — Анита на мгновение замолкла, обратив внимание на то, как яростно вращает глазами королева. — Я прошу совсем немного — ваш трон и вашу власть. Ведь они вам без надобности...

И она разморозила Амалию. Та от неожиданности рухнула на кресло.

— ...У вас будут все ваши привилегии. Если хотите, будут балы и маскарады, никто не заставит вас работать. У вас будет всё то же самое. Только без трона. — Анита соблазнительно улыбнулась.

— Нет!! — Заорала королева. — Не позволю!!

— Учтите, моя дражайшая, убить вас будет не сложнее, чем Дюву. — Спокойно и внятно проговорила ведьма. — И ничего, кроме морального удовлетворения, я в таком случае не испытаю.

— Так это ты??

— Уже каждый ребёнок на Лысой Горе знает об этом, а белая королева ни сном, ни духом! Милочка, вас давно пора списать в таком случае...

Губы Амалии дрожали, впервые в своей жизни ей нужно было принять решение, но сделать этого она просто не могла. Гипертрофированное честолюбие боролось с чувством самосохранения.

— Ты же просто бесстыжая девка... — Словно принялась сама себя успокаивать Амалия. — А я... Потомственная наследница престола, королева, потомок десятков правивших господ... Как? Как? Как так могло произойти? Когда я потеряла?...

— Контроль? — Уточнила, словно бы интересуясь Анита.

— Именно! — Радостно согласилась Амалия, поднялась с кресла, быстро заходила из угла в угол. Взгляд её был безумен, руки будто бы быстро-быстро перебирали тончайшие невидимые нити. — Когда я сделала ошибку? Когда моя жизнь стала пустой? Почему моя жизнь была так отвратительна?

Анита молчала. Вид королевы вызывал отвращение, она казалась сумасшедшей, однако то, что говорила она, впервые казалось подобием разумного.

— Произошло, что должно было произойти давно, — тихо проговорила Анита. — Править должны сильные, а не те, кто якобы имеет на это право. Всего-то.

Голова Амалии нервно дёрнулась, руки её на мгновение словно застыли.

— Ненавижу тебя! Тебя! И Ричарда! И всех тёмных! Как же я вас ненавижу! Вы все, все хотите убить меня, что-то вам нужно от меня! Вы не даёте мне спокойно жить! — С этими словами она бросилась на Аниту и даже успела слегка задеть ей лицо, прежде чем та вновь заморозила её.

— Истеричка, — прошипела Анита. — Я всего-то хочу, чтобы ты просто отдала мне корону. И всё! Даже руки об тебя марать не хочу! — В конце концов, не выдержала она. — Отдай корону, отдай власть. Я не буду тебя ни убивать, ни лишать чего-то. Мне не жалко для тебя твоего дворца, можно подумать, я собралась жить здесь и контролировать то, что ты

собираешься делать. Я даже... даже... — она сначала просто усмехнулась, но не сдержала рвущегося наружу смеха, — я даже позволю тебе изучать магию, тёмную магию на досуге. Вдруг когда-нибудь отберёшь свой трон у меня обратно? — Анита издевательски рассмеялась.

Королева плакала. Её мирок рушился вокруг, открывая реальность.

— Ничего не хочу, ничего... Просто, не трогайте меня, неужели это так сложно? Я не хочу ничего решать, и я вовсе не хочу быть во главе... Ты права, наследница, — Амалия подняла на Аниту взгляд, в котором смешивались надежда, ненависть и злоба, — корона будет твоя...

— Значит, мы договорились? — Даже не веря в собственный успех, спросила Анита.

— Да, — дрожащим голосом и, тем не менее, с чуждой для неё уверенностью подтвердила королева.

* * *

Белая преисподняя бурлила. Газетные заголовки шокировали и вводили в ступор. В Прабеле разрывались телефоны и едва ли не подпрыгивали таччилды. И на каждом углу были разные новости, из коих, слепив их воедино в общую картину, исходило следующее: Анита Демен потребовала у Амалии трон, та пообещала ей его, а всего через полчаса после этого примечательного разговора Амалия отреклась от престола в пользу заместителя королевы Людвиг дель Марко. Если верить светломагической прессе, Людвиг всеми силами пытался отказаться от навязываемой «чести». Мало того, Амалия покинула белую преисподнюю.

А Людвиг очень хорошо понимал теперь: эта «честь», взятая им, так просто с рук ему не сойдёт. Анита, по большому счёту, законная наследница престола, так просто не отпустит свою жертву, чья кровь уже побывала на её зубах.

Теперь Людвиг и Жюли, которая была привлечена в качестве знатока Марии Амалии, с утра до ночи сидели в кабинете заместителя королевы и строили подчас абсолютно неосуществимые планы устранения Аниты Демен. И, тем не менее, формировались отряды магов-бойцов, укреплялись дополнительными заклятиями приграничные районы, одним словом, белым магам пришлось вспомнить опыт войн сто пятидесятилетней давности. Белые, казалось, совсем потеряли надежду, однако единицы ещё не потеряли остатки разума.

* * *

На сей раз на встречу в белой преисподней торопилась Владлена. Она шла в один милый ресторанчик с чистенькими оконцами и накрахмаленными скатертями на небольших столиках, где её уже поджидала Жюли. Как и в их первую встречу, ни одна из них не могла отказаться от оной, хотя каждая и страшилась её в большей или меньшей степени.

Владлена с немалой опаской зашла в зал ресторана, словно сошедший с картины Ван Гога, о которой один критик заметил, что если здесь кого-то и убьют, никто этого и не заметит. За одним из столиков по периметру ярко-красного зала сидела Жюли и лениво попивала зелёный чай. Владлена в своём тёмном облачении невольно поёжилась под взглядами других посетителей и поспешила сесть на стул напротив белой чародейки.

Жюли, будто торопясь, поздоровалась с ведьмой и тут же спросила:

— Владлена, поможешь нам?

— Кому это «нам»? — нарочито медленно, растягивая слова спросила та и сузила

глаза. — Вам, то есть белым?

— Да. — Коротко ответила Жюли. — Я знаю, впрочем, как и все мы, что тёмная княжна, а правильное сказать твоя сестрица, готовит захват наших территорий. У нас всё готово, и готово давно. Нам нужно лишь...

— Понимаю-понимаю! Попасть к нам, — закончила за неё Владлена.

— Так ты сможешь? — выдохнула Жюли.

Лицо Влади было непроницаемо.

— Не знаю.

— Пойми, мы готовы заплатить любые деньги, всё что угодно! — яростно зашептала Жюли. — Неужели ты не понимаешь?

Владлена её отлично понимала, но что-то ещё держало её от предательства сестры. Ещё что-то держало.

— Я не могу.

Жюли ничего не стала говорить, она лишь поджала губы, но не от презрения или для того, чтобы сдержать смех, а чтобы удержать рвущиеся наружу слёзы. Её миру, который она любила, как свою жизнь, или даже больше, угрожала смертельная опасность. Ричард вот уже полгода не выходил на связь, а армия белых была самым настоящим ничтожеством рядом с тёмными. Владлена слишком хорошо понимала всё это, но ничего не говорила в поддержку.

Белая на минуту зажмурилась и сглотнула скользкий комок, застрявший в горле.

— Если бы у меня был выбор, я бы не стала обращаться к тебе, Владлена. — Жюли не смотрела на свою собеседницу. — Но, как ни банально это звучит, ты — моя — да что там моя! наша! — последняя надежда... — Она встала со своего места, поспешно бросила деньги за чай на стол и, словно боясь ещё раз посмотреть на Владлену, резко развернулась, отчего её каштановые недлинные волосы и пышная сиреневая юбка пронеслись по воздуху, как ведьма резко окликнула её, почти закричала:

— Подожди! Хорошо...

Много мыслей пролетело в это мгновение в голове Влади, но меньше всего было их о Марии Амалии Курт.

Яркий свет из окон великолепного здания с лепниной в классическом стиле, застревавший в густом тумане Лысой Горы, казалось, приглашал зайти и повеселиться на славу.

К дому подъехала богато украшенная карета, в которую были впряжены четверо вороных коней, лакей открыл дверцу. Только через несколько секунд обладательница сего транспортного средства соизволила выйти из кареты и, между делом проводя рукой по широкой юбке бардового цвета, оценивающе оглядела пышное здание. Она была облачена также в эффектный красный бархатный корсет, такого же цвета высокие перчатки и кожаные сапоги. Анита Демен ещё ни разу не была в резиденции мэра Лысой Горы и теперь мысленно то и дело хмыкала, отмечая про себя, что Аристарх Платоныч явно имеет дополнительные дивиденды от своего поста. Не прошло и минуты, а она уже шла по широкому людскому коридору, напрямик к Почесалкину, справлявшему в этом ярко освещенном зале среди всего бомонда ЛГ своё стовосьмидесятилетие. Звучала помпезная музыка, отлично отражавшая не только настроение толпы, но и, как ни странно, Аниты. Она упивалась своей властью, получая такое же удовольствие, как вампир, пьющий кровь ребёнка, или оборотень, кусающий свою первую жертву. Толпа, затаив дыхание, следила за

передвижением своей негласной правительницы. Так смотрит мышь, загнипнотизированная взглядом удава.

Наконец Анита Демен приблизилась к Почесалкину и, после приветственных поцелуев, произнесла с явным оттенком лицемерия:

— Мой дорогой Аристарх Платонович! Я так счастлива поздравить вас с вашим столетием... — она закатила глазки.

— Mais, ma chere, — опешил Почесалкин, — мне исполняется сто восемьдесят!

— Неужели?! Вы так хорошо сохранились! — она улыбнулась, но на сей раз саркастично. — Видимо, равняясь на вашу бывшую супругу, я несколько ошиблась. — Казалось, Анита едва сдерживает смех.

Аристарх Платоныч будто бы сжался в комок и затравленно глянул на мисс Демен. Из толпы послышался явный вздох Натали Гробуль.

— Ну, если мы разобрались-таки с вашим возрастом, мой дорогой господин мэ, я так рада поздравить вас с юбилеем! — она пленительно улыбнулась парикю Почесалкина, будто это напудренным волосам исполнялась столь солидная дата. Анита щёлкнула пальцами и у неё в руках оказалась маленькая красная коробочка. — Сделайте милость, примите от меня этот скромный подарок, символизирующий начало вашей блистательной карьеры!

Почесалкин послушно взял с её рук коробку, но не очень аккуратно разорвал обёртку — и на пол полетели игральные карты.

— Карты? — тупо уставившись на пол, спросил Аристарх Платоныч.

— Не совсем, — промурлыкала Анита. — Это карты шулерские, краплёные.

Было впечатление, что ещё одна реплика гостя, и с юбилеем делается удар. Толпа послушно засмеялась. Даже Владлена, стоявшая здесь в компании Скелетто и Бомптириуса, не сдержала улыбки.

Анита Демен, как гость самый важный и самый ожидаемый, пришла в последнюю очередь, и весь свет ждал от неё какого-нибудь совершенно невероятного подарка, как-то: передача во владение алмазных копи, или хотя бы новое поместье, на крайний случай огромный бриллиант или чрезвычайно ценное произведение искусства... Никто не ждал такого подарка, а карты искренне удивили всех.

Подавленный именинник похоронным голосом пригласил всех к столу и сам с хмурым видом направился в столовую, где в этот вечер явно применили заклинание пятого измерения, дабы растянуть комнату до нечеловеческих размеров. Маги и ведьмы перешёптывались и сдавленно смеялись, и громче всех хохотала Натали, хотя, нет сомнений, светскую львицу подарок Аниты задел даже больше, чем того, кому он был предназначен.

Блюда сменялись блюдами, напитки текли рекой, пары танцевали под мелодии короля вальсов, как постепенно музыка стихла и на сооруженном в мгновение ока пьедестале оказался щегольски одетый молодой человек с каштановой шевелюрой. Его волосы частично закрывал берет с небольшим плюмажем, да и вообще весь его вид подчёркивал аристократичность и утончённость во всех проявлениях: искусно сшитый вишнёвый камзол, брабантские кружева, драгоценный камень во многочисленных складках шейного платка, начищенные до блеска чёрные сапоги... Молодой человек слегка улыбнулся толпе и дважды хлопнул в ладоши, призывая к тишине и вниманию к его персоне. Маги повиновались и с интересом уставились на него.

— Наш уважаемый Аристарх Платоныч позволил мне на минуту позаимствовать ваше внимание, — он широко улыбнулся, но на сей раз Аните, которая стояла несколько поодаль

справа от него и которая на удивление всем отчаянно краснела.

В это время у Владлены ожил телефон, и она быстро прочитала пришедшее SMS. Девушка сглотнула комок в горле, переступила с ноги на ногу...

— Должен сказать, мне непривычна эта новая для меня роль просителя, поэтому заранее извините меня за возможную косноязычность.

Все мы живём бок о бок, постоянно видим друг друга, но вот появляются новые лица. Чаще мы лишь киваем им, как бы принимая во внимание, что-де появились новые маги или ведьмы, а иногда, порой всего один раз в жизни, нас будто что-то толкает в грудь, заставляя заострить внимание на каком-то новом лице. Эту милую девушку... — начинающий ритор указал на зардевшуюся Аниту.

В зале кто-то подавился и закашлялся.

— ...я встретил, — продолжал молодой человек, — всего полгода назад. Но этого времени мне с лихвой хватило, чтобы понять, что без неё не могу, что она составляет неотъемлемую часть моего бытия... Так вот, я должен сказать... Точнее говоря, хотел бы спросить... — он повернулся к Аните. — Анни, милая, ты согласна стать моей женой? — И его карие глаза лихорадочно заблестели.

Брюнетка приобрела уже вовсе пунцовый оттенок и тихо сказала, почти прошептала:

— Конечно, Аскольд.

В глазах у Владлены на секунду всё померкло, но уже спустя несколько мгновений она написала и отправила SMS всего с одним словом: «ДА».

Ни для кого не стало особой неожиданностью, что уже спустя десять минут после выступления Аскольда Скелетто ни его, ни Аниты в зале, где проходило торжество, уже не было.

Скованные поцелуем, Анита и Аскольд прямо-таки ввалились в дом герцога. Глупо хихикая, Анни позволила ему взять себя на руки, и, чуть только их губы вновь соприкоснулись, послышался жуткий грохот, Аскольд покачнулся, но, тем не менее, аккуратно поставил любимую на ноги. Анита лёгким взмахом руки зажгла свечи в огромной прихожей, и на мгновение и она, а Аскольд застыли, поражённые: их окружали двадцать бойцов Прабела и, судя по тому, как они себя держали, двадцать лучших бойцов.

Какие-то пол секунды — и Аскольд и Анита стояли уже спиной к спине, вооружённые не только недвусмысленными взглядами, но и вполне реальной силой. Белые на мгновение ступшевались, но совсем скоро вновь встали в наступательную позицию. И вот началось!! В сторону герцога и правительницы преисподней полетели десятки смертельных заклятий, которые не смог бы отразить ни один из белых и едва ли кто-то из тёмных, но для Аниты и Аскольда эти заклятия были не более, чем пустым сотрясанием воздуха: проклятия отлетали от влюблённых рикошетом. Анита лишь самодовольно улыбалась, а Аскольд только слегка морщился. Прошло ещё несколько секунд, как неожиданно для всех Анита вскинула руки и двое белых оказались объяты мёртвым пламенем. Сине-зеленое, холодное и обжигающее, оно не только вывело этих двоих из строя, но и смертельно напугало всех остальных. Этого хватило, чтобы Аскольд также пошел в наступление, и без видимых усилий, путём простейших некрозаклятий мысленно свернул одному бойцу шею, а другому поменял лёгкие на жабры, отчего последний упал и стал задыхаться, как выброшенная на берег рыба. Анита переняла эстафету друга и трёх белых обратила в камень, а ещё двум взглядом остановила сердце. Оставалось меньше дюжины белых магов, которым оставалось только выставить бесполезные, слабые щиты, даже близко не рассчитанные на такую боевую мощь.

Анита, саркастично улыбаясь, спросила:

— Что же вам здесь понадобилось? А, птенчики? — и она обратила в пепел ещё одного бойца.

Оставшиеся десять с невероятным страхом наблюдали за наступлением на них герцога и нагловатой брюнетки, даже не пытаясь нападать.

— Мы пришли по поручению Правительства белых магов... — через силу закричал самый рослый из белых бойцов.

— Да неужели? — вскинула бровки Анита и украсила прихожую ещё двумя статуями. — Уж не Людвиг ли дель Марко вас подослал?

— И он тоже. — Едва выговорил белый, делая ещё шаг назад. — Нас просили передать это, — и он кинул Аните небольшой обычный конверт. Однако девушка и не подумала прикоснуться к нему: она одним лишь взглядом раскрыла конвертик и выудила из него бумажку всего с двумя словами: «Прощай, Анита». Когда-то дома у неё была такая линейка с подобными, шаблонными буквами... Анита сжала кулаки и обратила в пепел ещё семерых. Аскольд только всё более и более поражённо смотрел на подругу.

— Мальчик, тебя как зовут-то? — обратилась она к командиру прекрасно обученного отряда, коей и была его команда ещё десять минут назад.

— Синевриус дель Марко, — пролепетал тот, чувствуя, что едва стоит на ногах.

— Опять родственнички! — усмехнулась куда-то в сторону Анита. — Хм... Синевриус, солнышко! — саркастично проговорила она и угрожающе сузила глаза. — Передай Прабелу, что, если — не дай Тьма! — меня ещё раз дома или во дворце будет ожидать столь же радушный приём, как сегодня в особняке Скелетто, от белых не останется не только мокрого места, но даже и памяти. Ясно я выражаюсь?

Дель Марко ничего не смог бы сказать, даже если б захотел: он из последних сил боролся с собой, чтобы не потерять сознание.

— Понятно. — Хмыкнула Анита и щелчком пальцев отправила белого мага в Прабел.

Девушка и некромаг переглянулись.

— Я полагаю, вечер ещё не окончательно испорчен? — спросил, лукаво улыбаясь, Аскольд.

— Напротив, это лишь придало ему ещё большую пикантность, — промурлыкала Анни.

О, она займётся этими подонками, уж она разберётся с ними... Но не прямо сейчас.

В светлой преисподней начинало светать, когда Жюли зашла в свои апартаменты во дворце. Она на ходу, используя простейшие заклинания, стянула с себя платье, распустила волосы, усталым движением сняла с шеи и запястий тяжёлые украшения, как испуганно ойкнула и сделала два шага назад — перед ней на её же постели сидела Анита и, недобро улыбаясь, разглядывала свою экс-фрейлину и экс-подругу.

— Не спится? — мило и непосредственно спросила Анита.

Жюли замотала головой.

— А-а... Синевриус напугал, — по-прежнему улыбаясь, проговорила незваная гостья более утвердительно, нежели вопросительно. — И вы с Людвигом решали, что же со мной делать дальше. Верно?

Жюли сделала ещё шаг назад и шлёпнулась в кресло.

— По глазам вижу, что верно, — усмехнулась Анни. — А ты не подскажешь, кто обладает непомерной манией величия и редким даром — полным отсутствием мозгов? — С

этими словами брюнетка достала небезызвестную записку.

Экс-фрейлина на глазах позеленела и, словно не отражая уже действительность, затрясла головой:

— Это не я... меня попросили... Меня попросили! Это не я! Не я!! Кто-то попросил... Только... Только не трогай меня!!

Анита встала с постели и с омерзением кинула Жюли пеньюар, заботливо разложенный домовыми на кровати.

— Прикройся, — фыркнула она. — Где трафарет?

Жюли непонимающе уставилась на неё, вцепившись в халатик.

— Тебе ведь давали линейку? Линейку с буквами?? — затрясла её за плечи Анита. — Где она?!

Толстушка испуганно указала на прикроватную тумбочку. Анита проследила за направлением руки Жюли и вновь метнулась к кровати. Ей не пришлось долго рыться в ящичках: линейка лежала на самом верху. Анита взяла в руки самый обычный огрызок розового оргстекла с буквами и выдохнула. Именно это она и ожидала здесь увидеть.

Уже спустя полминуты Анита Демен стояла в спальне своей сестры. Владлена была, судя по всему, в душе, поэтому сестричка устроилась поудобнее в тёмном углу у стола и между делом окинула взглядом содержимое подставки для письменных принадлежностей и полку с книгами и немногочисленными тетрадями ещё с колледжа. Также на полке она увидела их старую фотографию, где Владлене шестнадцать, у неё волосы значительно короче, тяжёлые тёмные украшения и пронизывающий, хотя и любящий взгляд на тринадцатилетнюю Мари. Теперь бы Анита сразу сказала, что Владлена ведьма, но Мари просто считала, что сестричка всего лишь увлеклась тяжёлым роком.

Аниту воспоминания захлестнули с головой, но она почему-то не хотела прогонять их, как делала это в последнее время. Ей пришли на память все их ссоры и разногласия с Влади, а также и все слезливые примирения после размолвок. Нередко они серьёзно ругались, но какая-то внутренняя связь не давала им и вовсе отойти друг от друга. Всегда оставалось желание понять и выслушать друг друга, пусть даже они и находились всю жизнь по разные стороны баррикад. А теперь эта ниточка порвалась всего-то на всего из-за одного человека! Теперь Анита знала это наверняка.

Дверь, ведущая в ванную комнату, медленно открылась и на пороге возникла Владлена, одетая в длинный белоснежный махровый халат и нежно-сиреневые тапочки. Её чёрные волосы, мокрые и спутанные, падали на лицо и плечи, а глаза, такие же тёмные как и волосы, выглядели уставшими, словно обведёнными вокруг тёмной краской. Владлена села, скрючившись, на кровати и обняла себя руками, словно спасаясь от неведомого сквозняка. Анита по-прежнему стояла в своём углу и не шевелилась. Влади посидела так ещё пару минут и наконец легла, правда, всё так же в халате и тапочках и не расправляя постели. Вдруг она вздрогнула из-за шагов человека, приблизившегося к ней.

— Чувство собственности дороже сестры, я посмотрю... Да, Влади? Я всегда это чувствовала, но всё же на что-то надеялась. Сначала на то, что хватит разума отступить перед давно любимой Аскольдом Анитой, потом — перед родной сестрой. Но тебя же ничто не берёт! Твоя жадность не знает границ! Ты забываешь о том, что такое любовь, есть только «моё! Никому не дам!», — Анита болезненно поморщилась. — А ведь ты спасала Марию от того, что пожелала Аните... Разумеется, я знала об этом. А ещё знаю о том, что ходила на поклон к Дюве... когда-то. Тоже наслышана. Сестринская любовь не такая уж и хилая

шпука! — горько улыбнулась сама себе Анита. — Если б Аскольд выбрал тебя... Мне тогда было всё равно, мы остались бы просто друзьями. С Аскольдом сложно быть врагом, будь он хоть трижды некромаг. Ты усмехаешься про себя? Думаешь, что я вру? Снова вру? О нет, Владлена, именно сейчас я искренна, как никогда...

Знаешь, ты была для меня всегда недостижимым идеалом — такая красивая, высокая, наглая, самодостаточная, особенно рядом со мной — серой мышью. А на самом деле — такая недалёкая ученица Натали. О, Мрак, если б я знала! И ты ещё когда-то хотела использовать мои силы? Мрак всемогущий, как?! Чтобы все миллионеры Лысой Горы стали твоими?! — иронично рассмеялась Анита. — Как же я была глупа и наивна, моя милая Влади... Я верила тебе, я любила тебя... А сейчас всё. Я могла бы простить многое, но не предательство. Ведь я, так или иначе, всегда тебе верила. До последнего и даже больше. А зря. Только по-настоящему дорогой человек может сильно ударить...

Анита всё говорила и говорила, а Владлена всё больше и больше сжималась в комок, всё медленнее и медленнее дыша не то от страха, не то от какой-то неведомой внутренней боли, ненависти к самой себе и к обстоятельствам, что строят эту жизнь из мельчайших частиц.

— ...Знаешь, Владлена, я могла бы посоветовать тебе бежать, как можно лучше замаскироваться, но я слишком хорошо знаю, что найду тебя хоть на краю преисподней, хоть в самом аду рано или поздно. А лучше знаешь, как? — Прими следующую просьбу не как приказ, а как добрый совет сестрички: инсценируй своё самоубийство, не лезь в мою жизнь, уйди из жизни отца и Лиз, чтобы не было повода снова жалобно скрестись в мою дверь. Уйди из нашей жизни. А уж как именно ты это сделаешь — решать тебе. Помни об одном — убить я тебя всегда успею, только дай повод. Сейчас — не могу. Беги и спасайся от себя самой. — И Анита легко дунула на ладонь, выключая свет.

И мрак окутал Владлену.

* * *

Мрачные воины тёмной княжны подбирались всё ближе и ближе к территории белой преисподней. Белые в панике ещё заканчивали собирать последние боевые отряды в то время, как тёмные маги были готовы в любой момент нанести решающий всё в их пользу удар. Надеяться на свою мощь белым не приходилось. А потому и неудивительно, что едва тёмная армия под руководством младшего Скелетто оказалась в непосредственной близости от границы, Прабел запросил аудиенцию тёмной княжны. Эльвира отказалась, зато согласилась Анита. Более того, мисс Анита Демен самолично появилась у белых, причём с гордом одиночеством.

Самым бесцеремонным образом брюнетка телепортировалась прямо в кабинет Людвиг, где в этот момент находился он сам, а также и Жюли, побелевшая, как мел, едва среди едкого тёмно-синего дыма материализовалась Анита.

Правительница тёмной преисподнии, по привычке легко покачивая бёдрами, подошла к столу, за которым вжался в спинку кресла седовласый Людвиг, и, легко усмехнувшись, произнесла:

— Вы хотели со мной о чём-то поговорить? Никак не возьму в толк, о чём!

— Скажите нам, что вам от нас нужно? — срывающимся голосом спросил Людвиг, который боялся называть светлым королём, дабы не вызвать ещё большего гнева ведьмы.

— Простите, милейший, — тут же ощерилась Анита, — у вас плохо со слухом или с восприятием? Или вы столь честны, что даже не подслушали наш недавний диалог с

Амалией? — На шею тёмной заходили желваки.

— Мы бы ещё могли договориться? — нервно оглядываясь на Жюли, спросил дель Марко.

— Конечно! — мисс Демен, не спеша, подошла к одному из светло-бежевых кресел, села в него и закинула ногу на ногу. — Всего-то на всего, вы должны отдать корону законной наследнице престола, — она издевательски улыбнулась. — Как только это произойдёт, я тут же отзову армию.

Людвиг затравленно посмотрела на Аниту. Он слишком хорошо понимал, что эту войну он не выиграет, и дело не только в ничтожности его войска. Дело в другом: он воюет, как это ни странно, на неправой стороне. Он сейчас, этим самым позорным снятием с себя полномочий, принимает Божью кару. Эта кара казалась ещё более и унижительней от воспоминания о том, как он сам в молодые годы, его друзья и родные проливали свою кровь, отдавали свои силы за этот ничтожный клочок преисподней. Кто, как не он, долгие годы был политическим соперником Ричарда, хотя последний редко когда воспринимал его всерьёз. Кто, как не он, первым понял, что вовсе не Амалии подобрал Ричард наследницу, а себе. Кто, как не он, настраивал королеву против её первого помощника, серого кардинала, духовного наставника и лидера. Амалия была хорошей марионеткой — честолюбивой, она радостно выполняла все его просьбы, превращая их в королевские указы и распоряжения... Но такая особа, как Анита Демен для её слабой, расшатанной, не без его, Людвиг, помощи, психики оказалась слишком серьёзным испытанием, настолько тяжёлым, что она покончила с собой. И никуда королева не уезжала. И никакую корону Людвигу не передавала.

И «заместитель королевы» боялся страшно, дико, до дрожи в коленках. Боялся он собственной смерти.

— Ну же! У вас есть богатый выбор: погибнуть, удариться в бега или — всего-то навсего! — попробовать ужиться со мной. — Явно издеваясь, перечисляла Анита. — Не надо думать, что я собираюсь рушить ваш уклад жизни — мне на него плевать. Мне просто хотелось бы получать с вас дополнительные доходы...

— Значит, к нам не придут тёмные? — с опаской спросила Жюли.

— А что они у вас тут потеряли? — усмехнулась Анита. — Они и сейчас могут хоть круглосуточно околачиваться здесь, но только вот я почему-то не вижу в глазах моих подданных особого рвения перебраться к вам жить.

Людвиг всё ещё недоверчиво посмотрел на Аниту и задал вполне закономерный вопрос:

— А куда идти нам?

— Сидеть на месте и платить налоги тёмной княжне. Я полагаю, будет весьма недурно, если Эльвира под моим чутким руководством присоединит территорию белых к территориям тёмных для создания единой империи Преисподней. Также я позабочусь о том, чтобы именно вы, Людвиг, — в её глазах на мгновение вспыхнула ярость и будто бы искорка удовольствия, — были губернатором сей приятнейшей области. А поскольку, я полагаю, вы сможете иметь при себе и некоторых лиц, Жюли также сможет здесь остаться. — Анни едва ли вежливо глянула на толстушку. — Есть возражения?

«О! Какая изошрённая месть! Чтобы меня порвали в клочья мои же бывшие друзья!» — почему-то на удивление пассивно пролетело в мозгу Людвигу дель Марко. Он исподлобья посмотрел на брюнетку, после чего уставился на свои руки.

— Нет, возражений нет, — тихо сказал он, а чуть позже добавил: — Повелительница.

Анни самодовольно улыбнулась и исчезла с лёгким щелчком.

Спустя какие-то полчаса около границы не было не только ни одного вооружённого до зубов тёмного мага, но и не было даже самой границы.

* * *

На преисподнюю опустилась мгла, но в огромном зале, с лёгкостью вмещавшем человек пятьсот, горел лишь в одном углу только один камин. Перед очагом на широкой медвежьей шкуре сидел довольно высокий светловолосый человек в белых брюках и ярко-зелёной рубашке с короткими рукавами. Он почти не мигая смотрел в огонь своими маленькими бесцветными глазками и то и дело проводил тыльной стороной ладони по лицу, будто смахивая слёзы. Он взял кочергу, подтолкнул дрова в камине и, перегруппировавшись, уткнул нос в колени.

— Добрый вечер! — прозвучал над ним приятный девичий голос. — Не спится?

— Добрая ночь! — усмехнулся он. — Да, не спится. И не мне одному?

— И не вам одному, Бомптириус. — Вздохнула она. — Мысли разные в голову лезут...

Всё никак в толк не возьму, как же мне хватило глупости... — и она замялась.

— Стать тёмной княжной? — упростил ей задачу Бомпти. — Да ладно. Я бы тоже, наверное, не устоял, предложи мне кто-нибудь нечто подобное. Но у нас матриархат, поэтому мне путь на олимп заказан, — улыбнулся он.

— Назад дороги нет, — снова вздохнула она и поёжилась.

Прошло ещё несколько секунд в молчании. Девушка села на шкуру рядом с Бомптириусом.

— Эльвира, я всё хотел тебя спросить, а где твой дядя?

— Дядя? Дядя Асмодеус? — она невесело усмехнулась. — Да, по большому счёту, ему нет дела ни до меня, ни до моего положения. Он странный человек... Его не интересуют деньги, но они у него есть. Он никогда не заботился обо мне, а когда ещё был жив папа, даже не спрашивал. А потом... Как-то проникся... Но мы с ним так толком и не нашли общий язык.

— Погоди, я слышал, твой отец имел немалое влияние при дворе Дювы. Неужели он не знакомил тебя, не вводил в круг своих знакомых...

— Да я же ещё совсем пигалицей тогда была! — рассмеялась Эльвира. — Он постоянно твердил мне, что лысегорское сообщество — это один большой гадюшник, что чем ближе к трону тёмной княжны, тем больше и ядовитей гадюки...

— Оберегал тебя... — легко улыбнулся Бомпти.

— Оберегал... — согласилась тёмная княжна и закуталась в пеньюар, насколько это было возможно. — Но не прошло и трёх лет, как отца не стало, и я оказалась в эпицентре змеиного гнезда.

— Боюсь, в этом ты права... Слушай, Эльвира, а ведь ты мне приходишься двоюродной сестрой! — он рассмеялся и продолжил: — А Дюва была моей троюродной сестрой!

— Дюва?!

— Да-да! Дюва. Её настоящее имя — Урсула де Бротт.

— Надо же! Кто бы мог подумать...

— А никто и не думал, потому что никто не знал, — улыбнулся блондин. — У нас с Дювой были странные отношения: мы с ней были то партнёрами, то врагами, то вообще забывали друг о друге на годы... — И Бомптириус Славный рассказал сестричке истории Флегонта и Урсулы.

— Знаете, Бомптириус, — протянула Эльвира спустя уже несколько минут после окончания его рассказа, — чем мы похожи? Мы оба стоим на вершине. Вот только вы можете с неё сойти или спрыгнуть, или вас спихнут; а я так и умру здесь, — и она криво улыбнулась, мельком глядя на Бомптириуса, а затем обратила взгляд на пламя в камине.

Бомпти едва заметно вздохнул и не мог не посочувствовать этой милой и когда-то — не столь уж давно — наивной девочке, которой пришлось повзрослеть и помудреть за считанные недели. И едва в его голове до конца оформилась эта жалостливая мысль, в мозгу словно что-то щёлкнуло, и он с удивлением осознал, что у него так и стоит перед глазами образ Мари, девочки, которой так быстро и так жестоко пришлось изменить себя.

* * *

Владлена сидела на кровати в своей комнате и переворачивала в мозгу тяжёлые мысли, тупо уставившись в одну точку. Она слишком хорошо понимала, что всё, о чем ей говорила неделю назад Анита, более чем выполнимо. У Влади было, по большому счёту, два варианта: либо она инсценирует свою смерть и уезжает куда-нибудь подальше и не появляется в преисподней вообще, либо она всё так же инсценирует свою кончину и идёт к белым, потому что у тёмных ей делать решительно нечего. Вариант пойти к отщепенцам, врагам тёмной короны, людям третьего сорта ей не позволяли предрассудки, тем более, пока она не присоединится к ним, ещё будет шанс вернуться на Лысую Гору. Пока жива будет надежда, нет, она к ним не пойдёт.

В последнее время её на удивление перестало занимать мнение отца и Лиз, а потому она не боялась своего разоблачения. «Хоть в чём-то я впереди!» — успокаивающе думала про себя Владлена, правда, той уверенности, которую она ждала, самовнушение не приносило.

Уже поздно вечером Владлена вышла на крыльцо дома. Она подняла вверх голову — на удивление хорошо было видно звёздное небо. Девушка слышала приглушённые голоса, доносившиеся со второго этажа из комнаты Мари, которая теперь стала детской малышки Анны.

Дэниел и Элизабет души не чаяли в этом прелестном создании. Каждую секунду общения с крохой и отец, и мать малышки вспоминали о Мари благодаря русым волосикам и серым глазкам Анны. Это был тихий и поразительно улыбчивый ребёнок, которого начинали любить с первого взгляда. И только Владлена лишь содрогалась при мысли о самой младшей сестрёнке. Несмотря на ангельскую внешность Анны, Влади видела в ней лишь Аниту.

Владлена вздохнула и села на ступеньки крыльца. Лёгкий ветер шевелил зелень раскидистых кустов. Изредка проезжали автомобили, освещая светлые стены дома № 19 по Уэйт-стрит. И вдруг из-за кустов вышла бродяжка. Она шла, сильно качаясь на стоптанных ботинках и то и дело проверяя содержимое авоськи. С одной стороны, Владлене было омерзительно, что женщина, ровесница Элизабет, может пребывать в столь непотребном виде, но с другой стороны, что-то заставляло её и дальше наблюдать за действиями женщины. Дамочка приостановилась у почтового ящика Курт, щёлкнула по нему пальцем, поцокала к чему-то языком, повернулась испитым лицом вправо и вздрогнула: её угрюмо рассматривала длинноволосая брюнетка, явно являвшаяся хозяйкой этого дома.

— Не найдётся, чем смочить горло? — криво улыбнулась бродяжка.

Владлена уже подбирала в голове наиболее крепкие выражения, чтобы прогнать её, как внезапно на мгновение онемела, подхваченная внезапной мыслью.

— Да, пожалуй, найдётся. — Негромко проговорила Влади. — Пройдём? — и она указала на приоткрытую входную дверь. Владлена ничем не рисковала: она знала наверняка, что ни Дэниел, ни Элизабет вниз сегодня уже не спустятся.

Бродяжка сглотнула комок в горле, поправила на себе лохмотья и решительно направилась в сторону дома № 19. Едва нищенка переступила порог, она тихо ойкнула, словно всем своим видом спрашивая: «Не запачкаю ли я здесь чего-нибудь?» и «Так ли просто меня отсюда отпустят?». Владлена уверенным шагом вела женщину к столовой, где в баре наверняка находился не один литр всевозможных спиртных напитков, которые без меры дарили Дэниелу благодарные клиенты. Девушка невозмутимо достала из бара бутылку водки, открыла её и налила прозрачную жидкость в бокал для красного вина.

— А ты? — спросила бродяжка. — Я не алкоголичка, чтоб пить в одиночестве!

«Сомневаюсь!» — подумала Влади и тоже налила себе водки, правда гораздо меньше и на ходу превратив её в воду. Ей почему-то даже в голову не пришло предложить закуску.

— Ну, твоё здоровье! — шмыгнула носом гостя и вылакала почти целый стакан, в три мощных глотка.

Влади с тенью интереса посмотрела на неё.

— Как тебя звать?

— Фифи, — моргая кроличьими глазками, ответила та.

— Оригинально! — усмехнулась Владлена.

— Вообще-то меня зовут Джозефина, — заметила Фифи и заметно окрепшей рукой уже сама налила хорошую порцию водки, причём только себе.

— Царское имя, — протянула брюнетка с обречённостью понимая, что бутылки надолго не хватит.

— Мда... — Фифи причмокнула и легко улыбнулась, обнажив кошмар дантиста. — Дедок, сукин сын, меня так назвал... Э-эх... Хорошее было время... хороший у меня предок был...

Владлена невольно отметила, что вторая порция алкоголя развязала бродяжке язык и разгорячила и без того расшатанные нервы.

— ...Ну а я ему и говорю: что, брат, выгнали со свалки, меня теперь хочешь из моего подвала вытурить... Слушай, милая, у тебя прикурить не будет?

— Не курю, — словно очнувшись Владлена от миазм, распространяемых Фифи. — Бросила.

— ...Ну, а он тогда и давай на меня начальнику ейному жалобы да кляузы... А тот... Ну ва-аще!.. Знаешь...

Джозефина всё говорила и говорила. А Владлена всё это время мучительно думала, взвешивала всё «за» и «против» и всё ещё надеялась на какой-то знак свыше. Но знака не было, и она решила.

Влади, не без лёгкого налёта ностальгии вспомнив все свои занятия с Деметрикусом, вперилась взглядом в зрачки Фифи, которая тут же умолкла и безвольно приоткрыла рот.

— Джозефина, послушай меня, — тихо начала Владлена, проверяя на прочность свои чары, — сейчас мы поднимемся ко мне на второй этаж, где ты не произнесёшь ни звука и беспрекословно подчинишься мне. Там ты приведёшь себя в порядок, а далее я скажу, что тебе нужно будет делать.

Владлена встала — встала и Фифи. В этот момент она больше всего напоминала зомби преданно смотрящего в глаза своего господина. Без особых происшествий они добрались до

спальни Владлены, где та незамедлительно отправила бродяжку в ванную, снабдив предварительно её большим полиэтиленовым пакетом для лохмотьев и чистым бельём из своих запасов. Сама же ведьма занялась поисками книжицы, что ей давал учитель сперва на время, а затем и вовсе подарил.

Внешне книжка напоминала тетрадь в кожаном переплёте, но на самом деле она являлась большой ценностью, поскольку была посвящена мало изученному явлению метаморфии. Магов метаморфов было чрезвычайно мало, а в лысегорском сообществе их и вовсе не наблюдалось, лишь Мари-Бетти-Анита была исключением из правила, что, впрочем, это самое правило и подтверждало. Вся сила метаморфов заключалась в том, что они были способны принимать почти любой облик, будь то даже животное или предмет. Больше эти маги ни на что не были способны. Даже предметы, концентрирующие магическую силу, как-то: волшебные палочки, перстни, посохи — ничем не могли им помочь. И теперь Владлена хотела воспользоваться опытом метаморфов, чтобы спасти себе жизнь.

Только спустя час из ванны вышла наконец Фифи. Казалось, она стала ещё безобразнее, чем была до того. Синяки и кровоподтёки открылись, какие-то странные царапины на руках и ногах припухли, жидкие мокрые волосы облепили череп.

— Сядь на кровать, — дрогнувшим голосом произнесла Владлена, — а теперь держи, выпей, — и она протянула Фифи стакан, наполовину заполненный мутноватой жидкостью.

Джозефина беспрекословно повиновалась и залпом выпила содержимое, нимало не поморщившись. Прошли какие-то десять секунд, показавшиеся Влади десятью днями, как Фифи повалилась на вправо, закатив глаза. Стакан выпал из рук бродяжки на пол, но не разбился. Владлена сглотнула липкий комок. Даже не вздрогнув, выдернула из своей головы пару волосков, положила их на патлы Фифи, не без брезгливости дотронулась до бродяжки пальцем и проговорила наскоро придуманное по шаблону и выученное заклинание:

— Повернулась я к древним лицом,
Тёмный лик чтоб его озарило,
Чтоб подарен он был перед сном
Той, кто его никогда не носила.

Но не только лицо — всё должно быть иным,
Точь-и-в-точь, как моё отраженье,
Всё должно быть Владлены, всё должно быть моим,
Но не моё вдохновенье.

Влади почувствовала, что с её тела словно сделали слепок, а в следующее мгновение увидела, что её копия лежит на кровати. Дрожь пробежала по телу девушки. Ведомая неким ранее неизвестным ей порывом, Владлена суеверно перекрестилась, словно не она была виновницей произошедшего. Она резко повернулась и подошла к столу. От волнения немного покусав ручку, брюнетка написала на обрывке бумаги следующее: «Я не могу больше так жить. Бытие потеряло всякий смысл без любимой сестрички. Но не ищите Мари, это бессмысленно. Не вините себя в моей смерти, мои дорогие! Папочка, Лиззи, я вас очень люблю, и всё же... Прощайте!.. Хотя это ещё не всё. Моя последняя воля — не вскрывайте моё тело. Я не собираюсь загадывать загадок — это цианистый калий. Владлена».

Влади перечитала послание и суеверно вздрогнула: нехорошо всё это!

* * *

Печальная процессия двигалась вглубь светлого кладбища. Открытый катафалк, за которым шли полсотни человек, вёз тело обворожительной даже в своей смерти брюнетки. Прямо за автомобилем шёл, едва перебирая ногами, довольно высокий красивый мужчина средних лет, такой же смуглый, как и лежащая в гробу девушка. Его сопровождала сухощавая блондинка, которая постоянно тихо всхлипывала. По ней было видно, что последние трое суток она едва ли спала. Чуть поодаль двигался невысокий полноватый человек, то и дело недоверчиво посматривавший на катафалк. Остальной массой людей были те, кто пришел на похороны по большей части из любопытства.

«Хм... А я думала, что на моих похоронах будет максимум пять человек, — думала, сидя за дальними памятниками Владлена, вооружённая биноклем. — Бедная Лиз! Вот когс мне больше всех жаль! И папа. Бедные! Но... но назад дороги нет...»

— А ты молодец. Всё правильно сделала, — разрезал воздух голос Аниты.

Владлена лениво взглянула направо. Она была готова поклясться, что мгновение назад здесь никого не было. Впрочем, она не удивилась.

— Мне пришлось сослаться на тебя, — проговорила Владлена сквозь зубы.

— Оу! Надо же! Делаешь мне честь, вспоминая обо мне!

— О таком не забудешь! — зашипела Владлена, но, вновь обернувшись в сторону сестрички, уже никого и ничего не увидела, кроме старых могил, заросших терновником. Она вновь обернулась на процессию, остановившейся у выкопанной уже могилы и невольно вздрогнула: немного поодаль от основной массы людей, стояли Аскольд, Анита и Натали. Последняя, облачённая в строгий чёрный брючный костюм и крошечную чёрную вуальку, постоянно вздыхала и промокала платочком сухие уголки глаз.

Владлена сглотнула комок в горле, запрятала чёрную косу под бежевый плащ, сильнее надвинула на глаза коричневую шляпу с огромными полями и, как ни в чём не бывало, прошла мимо любимых родственников и тела Джозефины.

* * *

В доме Курт было необычно тихо. Вот уже неделю никто не заводил старинные напольные часы, стоящие в холле. Без их звона коттедж начал напоминать светлый склеп.

Дэниел находил утешение в работе, где был готов ночевать, Элизабет — в Анне. Только эта четырёхмесячная крошка была её последней радостью, которой Лиз отдавала все свои силы и всю любовь, заготовленную ещё на двух девочек, что так быстро и так странно исчезли из её жизни. В эти дни она стала почему-то особенно часто вспоминать свою недавнюю знакомую Беатрис Розерфи, которая сумела чудесным образом больше полугода назад морально воскресить Владлену. Элизабет то и дело доставала из записной книжки бумажку с номером телефона психолога, но почему-то так и не решалась позвонить. Либо не было на это времени, либо Лиз почему-то начинало казаться, что у неё нет морального права так убиваться над девушкой, которую она, по большому счёту, и не знала, что лучше бы она потратила силы, которые тратит на слёзы, на то, чтобы привести в норму Дэниела.

Каждый день стал заходить мистер Риддл. Он подолгу разговаривал с Элизабет, искренне умилялся малышке Анне. Приходил он вечером, когда Дэн ещё сидел в офисе, но Лиз уже валилась от усталости и просто сидела, подрёмывая, у колыбели своей дочери. Это стало словно каким-то ритуалом: мистер Риддл без спросу заходил в дом № 19, поднимался на второй этаж и заходил в бывшую комнату Мари, где в это время неизменно находилась

Элизабет. Он пододвигал поближе к женщине ещё одно кресло, недолго молчал, а затем что-нибудь тихо, ненавязчиво рассказывал, говорил, как тихое ненадоедливое радио на кухне. Так и в этот день он пришёл.

Мистер Ричард Риддл сел в кресло, внимательно посмотрел на осунувшееся лицо Элизабет, с удовольствием отметил, что Анна дремлет и тихо заговорил:

— Как видишь, Элиза, жизнь продолжается, мы сами её творим. Твоя дочь — ярчайшее проявление этой жизни. Анна прелестная девочка. Это видно уже сейчас. Слово души Мари вселилась в неё...

Элизабет подняла на мистера Риддла удивленный взгляд, словно говоря: «Но ведь Мари жива!!»

— Не спрашивай у меня, почему я так говорю. Но Мари умерла для всех нас, больше нет той крошки Мари. К сожалению, это свершившийся факт. Если Владлена умерла физически, то Мари — духовно. Но надежды на лучшее есть? Верно? — и он недвусмысленно улыбнулся Анне, которая также улыбнулась другу семьи беззубым ротиком.

Это был беспокойный, тревожный день не только для особняка Скелетто, но и, пожалуй, для всей Лысой Горы, ибо намечалось торжество, на которое были приглашены едва ли не все более-менее состоятельные и значимые жители мегаполиса. Те же, кто приглашён не был, ещё с раннего утра толпились на центральных улицах города.

Замок тёмной княжны, обычно мрачный как средневековая крепость, гудел, в нём украшалось всё, что только может быть украшено бантами, цветами, золотыми лентами, от чего он начинал напоминать сказочный дворец.

Самые свежие мертвяки забирались друг на друга, чтобы украсить потолки, те, которые были подняты уже недели три как, начищали полы и стены, обычно покрытые налётом плесени.

Впервые за долгое время Аскольд видел, как нервничает Анита. Его любимая то и дело подходила к нему с одним и тем же вопросом:

— Точно-точно?

— Что милая?

— Ты точно-точно уверен?

Он ласково улыбался ей, целовал и отвечал:

— Точно-точно.

В этот особый день даже отмыли главный проспект Лысой Горы. Ох, немало золотых стоило это герцогу...

В этот день вся Лысая Гора в первый и, пожалуй, в последний раз видела Аниту Демен в светлом одеянии. А она думала, нервно посмеиваясь, идя среди расступившейся толпы, что и эта белая накидка — лишь обманка, и что даже на собственной свадьбе "эта страшная тёмная ведьма" будет в неизменно чёрном платье.

...Когда она стояла перед алтарём, когда Эльвира лепетала слова клятвы, она не думала ни о чём, кроме того, что "и даже смерть не посмеет разлучить вас!"

Лишь вновь выйдя на улицу, когда раздалось громогласное "герцог и герцогиня Скелетто!", Анита осознала, что не только любовь будет жить в её сердце долгие годы, но и титул останется навеки с ней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net